

Александр Зиновьев

**КРИЗИС
КОММУНИЗМА**

Предисловие к российскому изданию

После опубликования на Западе в 1976–1979 годы «Зияющих высот», «Светлого будущего» и ряда других книг многие читатели просили меня и моего издателя опубликовать социологические главы этих книг, посвященные коммунистическому общественному строю, отдельной книгой. Выполняя эту просьбу, буквально за две недели я написал книгу «Коммунизм как реальность», и смог это сделать благодаря тому, что все идеи были уже обдуманы ранее, и требовалось лишь привести их хотя бы в первоначальную систему. Книга была издана в Швейцарии в 1980 году, сразу была переведена на многие западные языки, стала бестселлером и была награждена рядом премий, включая премию Алексиса де Токвиля. Многие рецензенты оценили книгу как первую попытку научного (а не идеологического!) подхода к реальному коммунистическому обществу, классическим образцом которого я считал и считаю до сих пор общество советское.

Книга «Кризис коммунизма» была точно так же написана по заказу издателя и опубликована в 1990 году в Италии и Франции (под другими названиями). В ней я изложил мое понимание сущности и причин того кризиса советского общества, который начался в 1985 году и привел к развалу советского блока, к краху коммунистической системы в странах Восточной Европы, к развалу самого Советского Союза и к нынешнему катастрофическому состоянию России.

Само собой разумеется, сейчас, в 1993 году, я мог бы кое-что исправить в этих книгах, кое-что исключить и кое-что добавить с учетом того, что я узнал о Западе, о «холодной войне» и о развитии событий в России в последнее время. Но я решил это не делать по ряду причин. Во-первых, я хотел сохранить мои умонастроения тех лет, когда писались книги, и не подделывать их задним числом под новую ситуацию. Во-вторых, основные идеи книг остались для меня неизменным фундаментом понимания всего того, что так или иначе связано с реальным коммунизмом. Наконец, у меня просто не было времени и сил на переработку книг.

Мюнхен, август 1993 года .

Кризис коммунизма

Предисловие

Советский Союз и другие коммунистические (социалистические) страны Европы (скажем, Восточной Европы) переживают глубокий и всесторонний кризис. На Западе стали рассматривать его как полный крах коммунизма вообще и как начало посткоммунистической эры. Но так ли это на самом деле? Цель этой книги – ответить на этот вопрос. Для этого я, естественно, должен дать хотя бы очень краткое описание того феномена, о кризисе и даже об историческом конце которого идет речь, т. е. дать описание реального коммунизма, причем – в его нормальном, или здоровом состоянии. На тему о реальном коммунизме я много писал в моих книгах и статьях, в том числе – в книгах «Коммунизм как реальность» (1981), «Без иллюзий» (1979), «Мы и Запад» (1981), «Ни свободы, ни равенства, ни братства» (1983), «Сила неверия» (1986), «Горбачевизм» (1987), «Катастрожка» (эссе, 1988), «Катастрожка» (роман, 1990) и «Исповедь лишнего человека» (мемуары, 1990). В этой книге я намерен дать описание нормального (здорового) коммунизма лишь в той мере, в какой это необходимо для выяснения сущности его кризиса и его перспектив в будущем.

Мюнхен, май 1990

О терминологии

Слово «коммунизм» не отличается однозначностью и определенностью. Этим словом называют проект общественного устройства, предложенный Марксом и его предшественниками. Марксисты различают две стадии в эволюции этого устройства, – низшую, которую называют социализмом, и высшую, которую называют полным коммунизмом. Последнюю и называют коммунизмом в узком смысле слова. Коммунизмом называют также совокупность идей (идеологию) относительно такого общественного устройства. Как правило, в качестве такой идеологии имеется в виду марксизм и ленинизм. Коммунизмом называют также политические и идеологические движения и организации, разделяющие идеологию коммунизма и имеющие целью установление коммунистического социального строя (например, коммунистические партии в странах Запада). К явлениям коммунизма относят также всякого рода режимы, считающие себя или считаемые другими марксистскими, – такие, как в Африке и Центральной Америке. И само собой разумеется, коммунизмом называют тип общественного устройства, возникший в Советском Союзе и других странах мира, – в странах Восточной Европы и Азии.

В последние годы слово «коммунизм» приобрело негативное значение. От

него поспешили отказаться коммунистические партии стран Восточной и Западной Европы. И даже в Советском Союзе обсуждали проблему переименования КПСС. В Советском Союзе предпочитают вместо слова «коммунизм» употреблять слово «социализм». Это слово является более нейтральным. Оно маскирует суть дела. В многочисленных странах Запада имеются и даже находятся у власти партии, претендующие на то, что они борются за социализм. Это – социалистические и социал-демократические партии. И теперь никто их не порицает за это. Социализм в их понимании прекрасно уживается с капитализмом и ограждает Запад от ненавистного коммунизма.

Но как бы мы ни называли общественные феномены, их природа от этого не меняется. На Западе нет ни одной партии, которая называла бы себя капиталистической. Но из этого не следует, что социальный строй стран Запада не является капиталистическим. А социалистические партии прекрасно служат капитализму. Чтобы избежать терминологической путаницы и бессмысленных терминологических дискуссий, я словом «коммунизм» буду называть тип общественного устройства, описание которого дам ниже. Я делаю это по аналогии с употреблением слов «капитализм» и «феодализм», которые точно так же обозначают определенные типы обществ. При этом я буду иметь в виду не идеологический проект такого общества наподобие марксистского, а реально существующий тип общества, какой можно было наблюдать в Советском Союзе, Китае, странах Восточной Европы, Вьетнаме, на Кубе, Северной Корее и других странах. Что касается других феноменов, так или иначе связанных с коммунизмом в указанном смысле, я буду употреблять выражения вроде «коммунистическая страна», «коммунистическая идеология», «коммунистическое государство». Я буду употреблять слова «коммунизм» и «коммунистический» как научные термины, избегая как негативных, так и позитивных эмоций по отношению к обозначаемым ими феноменам. Можно было бы, конечно, изобрести какие-то другие термины. Но это дало бы повод отнести излагаемые здесь соображения к чему-то такому, чего нет в реальности. Термин же «коммунизм» оправдан исторически, широко распространен и ориентирует внимание именно на тот предмет, о котором хочет говорить автор, а именно – на то, что сейчас происходит в Советском Союзе и странах Восточной Европы. Ведь и западные пророки говорят о посткоммунистической эпохе, а не о постсоциалистической, постсоветской или посткакой-нибудь еще.

Проблема понимания

Но дело не только и не столько в терминологической определенности. Допустим, мы договорились называть коммунизмом тот тип общества, какой можно было наблюдать в Советском Союзе и ряде других стран. Встает неизмеримо более важная проблема, а именно – как понимать это общество? Оно есть эмпирически данное явление. Оно существует как таковое уже более семидесяти лет. Миллионы людей жили и живут в нем. Миллионы людей из некоммунистических стран соприкасались так или иначе с ним, наблюдали

его. Десятки тысяч специалистов изучали его и написали тонны книг и статей. Невозможно определить множество слов, сказанных о нем. И все же я беру на себя смелость утверждать, что то, как его понимают, достойно лишь презрения и насмешки. Причем это касается как противников коммунизма, так и его защитников, как обывателей, так и специалистов. Последних в особенности. Их суждения как будто специально изобретаются для того, чтобы помешать объективному пониманию и убить здравый смысл, еще в какой-то мере свойственный обывателям.

Понимание всякого общества не дается автоматически самим фактом жизни в нем или наблюдения его. Миллионы людей живут в странах Запада, умеют в них жить, могут многое о них рассказать. А многие ли из них способны прочитать курс лекции о своем обществе, удовлетворяющий требованиям науки?! Я уж не говорю о бесчисленных миллиардах людей, проживших жизнь в обществах самого различного типа, не поняв их ни на йоту. И теперь тысячам специально подготовленных ученых приходится посвящать всю свою жизнь тому, чтобы найти какие-то подходы к их пониманию. Миллионы людей осведомлены о фактах жизни коммунистических стран и их истории. Но знание фактов само по себе не есть понимание. Понимание такого сложного и изменчивого предмета, каким является многомиллионное общество, требует профессиональной подготовки, длительной профессиональной обработки фактов, изобретения для этого специальных понятий и методов. Это не так-то просто сделать впервые. И еще труднее сделать результаты понимания достоянием широких слоев населения, особенно в наше время, когда десятки и сотни тысяч специалистов и могущественные средства массовой информации осуществляют титаническую работу по введению человечества в заблуждение и по его идеологическому оболваниванию.

Понимание коммунизма может быть достигнуто только в рамках науки, причем – науки новаторской и творческой. На пути такого понимания в коммунистических странах стоит гигантская армия идеологов, не заинтересованных в беспристрастной истине. Это очевидно. Но не лучше и положение на Западе. Менталитет западных людей формируется под влиянием привычного образа жизни, существенно отличающегося от образа жизни советских людей, системы образования, средств массовой культуры и средств массовой информации. Все это порождает весьма негибкий (недиалектический), фрагментарный и хаотичный способ мышления, склонный к сенсациям и к успокоительным примитивным псевдообъяснениям. Представления о коммунистическом обществе привносятся в западное общество прежде всего журналистами, дипломатами, туристами, которые видят в жизни коммунистических стран лишь поверхностные явления, да и то в той мере, в какой это разрешено и в какой это требуется данными условиями в средствах массовой информации на Западе и политической ситуацией. Специалисты немногим превосходят дилетантизм журналистов и дипломатов, а чаще даже уступают им. Они судят даже об очевидных явлениях коммунистической жизни в той системе понятий и представлений, какую они имеют в качестве людей западных, заинтересованных не столько в истине, сколько в самоутверждении за счет более или менее актуальной темы.

На пути научного подхода к коммунистическому обществу стоит такое препятствие, как масса людей на Западе, уже вовлеченных так или иначе в соответствующую проблематику. Это армия «специалистов» занимает все ключевые позиции, от которых зависит сама возможность объективно-научного понимания коммунистического общества и оценка всего происходящего там. Она влияет на общественное мнение Запада на политиков, на средства массовой информации. У этих людей уже сложилось свое понимание социальных явлений и исторического процесса. На иное понимание они просто уже неспособны. Наоборот, они прилагали и будут прилагать усилия к тому, чтобы помешать научному исследованию коммунистического общества, видя в этом исследовании угрозу своему положению. И они имеют для этого колоссальные возможности. Фактически они выполняли, выполняют и будут выполнять роль, аналогичную той, какую в коммунистических странах выполняет идеологический надзор.

Идеальный коммунизм

Реально существующие коммунистические страны суть сложные и изменчивые явления, погруженные в определенную пространственно-временную среду. Чтобы понять коммунизм как таковой, нужно применять разнообразные средства познания. Результатом этого должно явиться описание некоего абстрактного, идеального или идеализированного коммунизма. Идеальный коммунизм в этом смысле не есть идеологический коммунизм. Идеологический коммунизм есть плод воображения людей, стремящихся воздействовать на массы в желаемом для них направлении, есть средство манипулирования массами. Идеальный же коммунизм есть научная абстракция, научный способ познать реальный коммунизм. При этом наука делает какие-то допущения и упрощения, от чего-то отвлекается, рассматривает одни аспекты целого отвлеченно от других, мысленно разлагает целое на части, рассматривает их в определенной последовательности и связи. Например, до какого-то момента не принимаются во внимание размеры и географические условия страны, национальные различия людей, исторические традиции и многое другое. Благодаря такой научной операции в реальном коммунизме обнаруживаются его специфические, самые глубокие и фундаментальные механизмы и закономерности, сохраняющиеся при любых изменениях в жизни страны, в любые эпохи и в любых местах планеты. В реальности эти механизмы и закономерности проявляются через массу конкретных явлений различного рода, модифицируются, парализуются и затемняются массой обстоятельств. Соотношение между идеальным коммунизмом и конкретными коммунистическими странами примерно такое же, как соотношение между абстрактными законами механики и конкретными случаями механического движения.

Для чего нужно здесь описание идеального коммунизма? Кризис общества есть болезнь, т. е. отклонение от некоего нормального состояния. Чтобы судить об этой болезни, о ее причинах, надо знать, что является нормальным или

здоровым состоянием общественного организма. Описание идеального коммунизма и есть обобщенное и схематичное описание его здорового состояния. Иметь такое описание важно хотя бы уже потому, что в широко распространенных представлениях о коммунизме его нормальные явления и отклонения от норм перепутаны настолько, что их различие исчезает совсем, а порою их меняют местами. Общеизвестно, например, что в советском обществе жизненный уровень много ниже, чем в западных странах, имеет место хронический дефицит продуктов питания, коррупция и пьянство, низкая производительность труда и трудовая дисциплина. Спрашивается, эти явления суть норма советской жизни или отклонение от нормы? Конечно, отклонение от нормы, – утверждают те, кто полагает, что норма – это хорошо, а отклонение от нормы – плохо. И даже само советское руководство, регулярно объявляя решительную борьбу против коррупции, за повышение производительности труда и трудовой дисциплины, за подъем сельского хозяйства на еще более высокий уровень, против пьянства, за..., против..., за..., против..., признает тем самым упомянутые явления отклонением от нормы советской жизни. Нормальным состоянием общества (нормой для него) является такое состояние, которое соответствует его объективным закономерностям и исторически сложившимся представлениям населения о справедливости и нормальной жизни. Например, согласно объективным закономерностям коммунистической системы массовая оппозиция к ней как к системе есть отклонение от нормы, тогда как профилактические меры против нее и ее подавление есть норма. Прикрепление индивидов к местам работы и жительства есть норма, появление неработающих здоровых взрослых людей есть отклонение от нормы. И такие люди преследуются, что тоже есть норма. Так называемое «коллегиальное» руководство после смерти главы партии и государства есть отклонение от нормы, тогда как образование аппарата личной власти и единоначалие («диктатура») есть нормальное явление в системе управления. Отсутствие политических партий, запрет частного предпринимательства в больших масштабах и другие явления, вызывающие гневные эмоции на Западе, суть признаки нормального, или здорового состояния коммунистического общества, а противоположные явления, вызывающие восторги на Западе, могут быть признаками отклонения от нормы, – признаками кризисного состояния этого общества.

Предварительное понятие коммунизма

Повторяю и подчеркиваю, что, говоря о коммунизме, я имею в виду не идеологический проект некоего общества всеобщего счастья и благополучия, а реально существующий и доступный наблюдению тип общества, классическим и исторически первым образцом коммунизма является то, что можно было наблюдать в Советском Союзе до начала горбачевской перестройки. В дальнейшем я и буду постоянно ссылаться на него, когда потребуются общие суждения иллюстрировать конкретными примерами. Это общество обладает такими чертами. Ликвидированы классы частных собственников или роль их сведена к такому минимуму, который уже не

определяет существенным образом физиономию общества. Ликвидирована частная собственность на землю и природные ресурсы. Национализированы или обобществлены все средства производства и вообще все сферы человеческой деятельности, – имеющие общественное значение. Все взрослое трудоспособное население организовано в стандартные деловые коллективы. Основная масса граждан отдает свои силы и способности обществу и получает средства существования через свои деловые коллективы. Все они суть служащие государства. Создана единая централизованная система власти и управления, пронизывающая все общество во всех измерениях. Создана единая государственная идеология и мощный аппарат идеологической обработки населения. Созданы мощные карательные органы и органы охраны общественного порядка. Централизована и унифицирована система воспитания и образования молодежи. Сложился устойчивый образ жизни, в результате которого естественным образом воспроизводится коммунистический тип человека и коммунистические общественные отношения.

Данное выше описание реального коммунизма есть лишь предварительное его определение. Оно в основе своей негативно, т. е. характеризует коммунизм в противопоставлении капитализму и феодализму. Ликвидация частной собственности на землю, природные ресурсы и предприятия общественного масштаба есть скорее условие образования коммунистического общества. Тут еще не сказано, что приходит на смену ликвидированным феноменам предшествующего общественного устройства и стало играть решающую роль. Это позитивное содержание коммунизма я опишу ниже.

Марксизм и коммунизм

Я таким образом отвергаю марксистское различие двух стадий коммунизма (социализма и полного коммунизма) как бессмысленное с научной точки зрения. В Советском Союзе построен самый полный коммунизм. Никакого другого настоящего коммунизма в реальности нет и в принципе быть не может. Определение и различие типов общественного устройства по принципам распределения жизненных благ и тем более по степени изобилия есть свидетельство социологической безграмотности такого подхода. Если принцип марксистского полного коммунизма «Каждому – по потребностям» понимать не обывательски, не в смысле удовлетворения любых желаний людей, а социологически, т. е. в смысле удовлетворения общественно признанных потребностей, то он реализуется вообще во всяком стабильном обществе в более или менее нормальных условиях. Реализация его вполне сочетается с низким жизненным уровнем. А высокий жизненный уровень не есть специфика коммунизма. С этой точки зрения западные страны неизмеримо ближе к состоянию изобилия, чем коммунистические страны.

Я отвергаю, далее, широко распространенное мнение, будто реальный коммунизм есть воплощение в жизнь марксистских идеалов, будто он навязан кучкой идеологов массам населения путем насилия и обмана, вопреки воле, желаниям и интересам масс. Коммунизм есть социальная организация масс

населения, а не просто политический режим, который можно изменить распоряжениями начальства. Он сложился в Советском Союзе не по марксистскому проекту и не по воле марксистских идеологов, а в силу объективных законов организации больших масс населения в единый социальный организм. Он явился результатом исторического творчества миллионов людей. Люди, строившие его, либо вообще не имели никакого понятия о марксизме, либо знали его весьма смутно и интерпретировали его на свой лад. То, что получилось на деле, лишь по некоторым признакам похоже на марксистский проект. Утверждая это, я ни в коем случае не подвергаю сомнению роль марксистских идей в борьбе людей за реальный коммунизм. Я этим лишь хочу подчеркнуть то, что реальный коммунизм формируется и существует по своим объективным законам, ничего общего не имеющим с марксистскими идеалами и не подвластным воле отдельных людей.

Корни коммунизма

Коммунизм приходит в жизнь различными путями. В России он возник в результате краха, явившегося следствием первой мировой войны, революции и гражданской войны. В страны Восточной Европы он был привнесен советской армией, разгромившей гитлеровскую Германию. Но при всех разнообразиях исторических путей возникновения коммунизма в том или ином уголке земного шара общим является то, что он возникает не на пустом месте и не является абсолютно чужеродным той стране, где он завоевывает себе место. С этой точки зрения является ложным также и марксистское утверждение, будто коммунистические социальные отношения не складываются до коммунистической (социалистической) революции, будто они не существуют в докоммунистическом и некоммунистическом обществе.

В отношении капитализма различают капиталистические социальные отношения и капиталистическое общество. Первые древнее второго, они существовали до второго. Это суть товарно-денежные отношения, имеющие целью извлечение прибыли. Не всякое общество, в котором имеют место такие отношения, есть капиталистическое. Не все социальные отношения в капиталистическом обществе суть отношения капиталистические. Капиталистическое общество есть такое общество, в котором капиталистические социальные отношения становятся доминирующими и всеобъемлющими. То же самое имеет силу и в отношении коммунизма. Здесь тоже нужно различать коммунистические социальные отношения, существовавшие и существующие в некоммунистических обществах, и коммунистическое общество, в котором эти отношения становятся господствующими и всеобъемлющими. Первые суть корни или предпосылки реального коммунизма как типа общественного устройства.

Корни коммунизма существовали и существуют в той или иной форме в самых различных обществах. Существовали они и в предреволюционной России. Существуют они и в странах Запада. Без них вообще невозможно никакое достаточно большое и развитое общество. Это суть социальные феномены, которые я называю феноменами коммунальности. Лишь в определенных

условиях они могут стать доминирующими в обществе и породить специфически коммунистический тип общества, – реальный коммунизм. Об этих условиях я уже говорил выше. Но сами по себе феномены коммунальности универсальны и всеобщы. Они обусловлены самим тем фактом, что достаточно большое число людей вынуждается в течение жизни многих поколений жить как единое целое, совместно. К ним относятся, например, такие явления, как объединение людей в группы, отношения начальствования и подчинения, государственные учреждения и массы чиновников, общественные организации (профсоюзы партии), идеологическая обработка масс, массовые движения, полиция, армия. Эти явления коммунальности подчиняются определенным объективным законам. Я довольно подробно описал их в моих книгах, в особенности – в книгах «Зияющие высоты» и «Коммунизм как реальность».

Из сказанного следует, что коммунизм не есть продукт, продолжение и завершение капитализма. Они вырастают из различных источников. Не случайно поэтому коммунизм впервые вырвался на историческую арену не на высокоразвитом капиталистическом Западе, а в капиталистически отсталой России с высокоразвитыми явлениями коммунальноеTM, а именно: с мощным централизованным государственным аппаратом и классом чиновников, с привычкой масс населения к подчинению властям, с крестьянской общиной. Ликвидировав уже ослабленный класс помещиков и еще не окрепший класс капиталистов, Октябрьская революция расчистила почву для отношений коммунальности. Не случайно также то, что коммунизм оказался соблазнительным для стран со слабым развитием капитализма.

Базис коммунизма

Марксистские представления об обществе сложились в условиях общества капиталистического. То, что было верно в отношении этого типа общества, да и то лишь отчасти, Маркс и его последователи распространили на общество вообще, на все типы общества, включая и будущее коммунистическое. Идеи коммунизма возникли в условиях капитализма, причем – как отрицание последнего. С точки зрения понятийного аппарата они оставались в рамках представлений капиталистических. Характерным примером к сказанному являются марксистские идеи насчет экономических (или производственных) отношений как базиса всякого общества и насчет политики (государства и его деятельности) как надстройки над этим базисом. Я не хочу заниматься здесь разоблачением терминологической неясности и путаницы в марксизме с этими понятиями. Я утверждаю, что тезис марксизма об экономике как о базисе всякого общества и о политике как о надстройке над ним является ложным в отношении к обществу коммунистическому.

Несостоятельность рассматриваемого тезиса марксизма как всеобщего почувствовал уже Ленин. Он уже говорил о политике как о концентрированном выражении экономики, а также о том, что политика не может не первенствовать над экономикой. Эти утверждения являются противоположностью ранее упомянутому тезису. Еще более здравым является

утверждение Сталина о том, что в советском обществе политика и хозяйство на практике неотделимы. Хотя и Сталин не имел научных понятий о фактическом положении в реально существующем коммунистическом обществе, он чувствовал его как практик и отражал его.

Фактическое положение в коммунистическом обществе, однако, характеризуется не перевертыванием марксистского тезиса об отношении политики и экономики и не фразой о их неразделимости, а совсем иной системой понятий, иной ориентацией анализа общества. Базис коммунистического общества образует не экономика, не политика и не идеология, а явления коммунальности.

Коммунизм, коротко говоря, есть организация многих миллионов людей в единое целое по законам коммунальности. При этом, разумеется, изобретается и многое такое, чего не было в некоммунистическом обществе, предшествовавшем коммунистическому, и вообще в обществах иного типа. Коммунальность, имевшая место в прошлом и служившая предпосылкой коммунизма, преобразуется в новых условиях, причем – порою настолько радикально, что ее сходство с ее прошлыми проявлениями теряется. Это и порождает ложную видимость того, будто коммунистические отношения суть нечто абсолютно новое.

Из сказанного следует, что для превращения какой-то страны в коммунистическую еще недостаточно захватить власть, обобществить экономику и учредить обязательную государственную идеологию. Для этого нужно осуществить более глубокие преобразования, а именно – создать новую социальную организацию масс населения по законам коммунальности и подчинить ей все прочие аспекты жизни людей. В Советском Союзе на это ушло более двадцати лет. Многие народы планеты вроде бы стали коммунистическими по многим признакам. Но опыт показывает, что коммунистическая социальная организация в них не была доведена до основания и не стала фактически естественной основой их жизни. Именно такое положение имело место в советских республиках Средней Азии, Азербайджана, Молдавии и прибалтийских республиках. Поэтому они сравнительно легко могут отказаться от коммунизма и вернуться в их докоммунистическое состояние, – капиталистическое, феодальное, родовое. С другой стороны, если коммунизм стал привычным образом жизни данного народа и завладел его социальной организацией, то приватизация экономики и введение рыночных отношений, разрушение государственной идеологии и коммунистической системы власти, допущение многочисленных партий и многое другое еще не означает полное разрушение коммунизма. Чтобы сделать это, нужно осуществить более глубокие действия, а именно – разрушить социальную организацию населения.

Исходя из сказанного, я начинаю описание коммунизма не с экономики, а с его социальной организации.

Органическое целое

Любая достаточно долго существующая страна выглядит как некое единое целое. Но механизмы и средства, благодаря которым образуется и сохраняется эта целостность, разнообразны и различны в различных типах обществ. Коммунистическое общество есть организация многих миллионов людей с помощью таких механизмов и средств, благодаря которым общество превращается в органическое целое, в социо-биологический организм, сопоставимый по некоторым параметрам с отдельно взятым человеком. Именно тут реализуется идея Левиафана, выдвинутая Гоббсом. Этот Левиафан складывается и существует по определенным законам природы, которые обуславливают его строение, соотношение частей, функционирование его органов и тканей. Например, имеются законы группировки отдельных людей, выразимые в точных формулах. Левиафан должен иметь управляющий орган, играющий роль интеллекта и воли общества как целого – мозг. Такой орган может быть один. Двухголовый левиафан нежизнеспособен. Он должен иметь сеть каналов управления различными частями тела, общества, нервную систему. И эта сеть должна быть единой. Левиафан с несколькими независимыми нервными системами нежизнеспособен. Клетки, органы и ткани должны быть ограничены в своих действиях и перемещениях. Левиафан, в котором зад претендует на роль мозга, нежизнеспособен. В нем должна быть налажена система распределения питания, а также система обратной связи, информирующая мозг об исполнении его приказаний и о состоянии различных частей тела. И во всем этом имеют место более или менее строгие зависимости и допустимые границы колебаний.

Клеточка целого

Коммунистический левиафан имеет сложное строение. Но основу его структуры образуют первичные деловые коллективы, в которые организовано все взрослое и трудоспособное население, – клеточки целого. Это – хорошо всем известные заводы, фабрики, институты, конторы, фермы, магазины, совхозы, колхозы, школы, больницы и другие предприятия и учреждения, в которых взрослые и работоспособные члены общества принимаются на работу, получают вознаграждение за труд, добиваются успехов, делают карьеру, получают награды и различного рода жизненные блага. Разумеется, структура общества не сводится к клеточному строению. Общество дифференцируется и во многих других аспектах. Но в любом из них основу образует клеточная структура. Клеточка есть общество в миниатюре, а общество в целом – многократно расчлененная и разросшаяся до гигантских размеров клеточка. Если хочешь понять коммунистическое общество, изучи сначала его клеточку.

Клеточки различаются по многим признакам, – по размерам, по деловым функциям, по территориальному положению и т.д. Но они обладают общими признаками, обусловленными законами коммунальности, т.е. законами

социальной организации. Клеточка как целое имеет свой управляющий орган (дирекцию). Клеточка расчленяется на более мелкие группы вплоть до минимальных. В каждой из них сотрудники разделяются на начальников и подчиненных. Минимальные группы объединяются в более крупные. И так вплоть до целостной клеточки. Управляющий орган последней есть особая группа или (в более крупных клеточках) объединение нескольких, групп. Так что уже внутри клеточки образуется иерархия групп и социальных позиций сотрудников. Кроме того, сотрудники клеточки выполняют в ней различные функции, требующие различной степени квалификации и различающиеся по степени важности и общественной ценности. Это привносит со своей стороны долю в иерархию сотрудников клеточки. Помимо деления на деловые группы, сотрудники клеточки группируются в различного рода организации, главные из которых суть партийная и комсомольская.

Клеточки разделяются на две категории. К первой категории относятся такие, которые заняты каким-то делом и при этом никем не управляют, – базисные клеточки. Эти клеточки производят какие-то ценности и обслуживают непосредственно население. Ко второй категории относятся клеточки, специальным делом которых является управление другими клеточками, – управляющие клеточки. Возникает иерархия управляющих клеточек вплоть до высших органов власти.

Клеточка для исполнения своих функций получает от общества средства вознаграждения сотрудников за их труд и необходимые средства деятельности. Коллектив владеет этими средствами и эксплуатирует их. Но они не есть его собственность. Все члены коллектива социально не различаются по отношению к средствам деятельности, как это имеет место в обществе феодальном или капиталистическом. Они различаются лишь в системе организации деятельности. Директор фабрики или заведующий учреждением находятся в таком же социальном отношении к средствам деятельности, как подчиненные или рабочие и служащие. Если одной фразой определить, что такое коммунизм с этой точки зрения, то можно сказать, что это – общество, в котором все люди суть служащие государства.

Аналогично обстоит дело и с продуктами деятельности. Сотрудники клеточки не являются собственниками того, что они производят и вообще результатов своей деятельности. Они получают за свой труд положенное им вознаграждение. А результат труда становится достоянием клеточки в целом и через нее достоянием общества. Существуют определенные способы и нормы того, как общество распоряжается этим. Они точно так же имеют мало что общего с отношениями собственности.

Социальные отношения коммунизма

Базисными социальными отношениями коммунизма являются отношения между индивидом и коллективом, а также отношения субординации (начальствования и подчинения) и координации (соподчинения) между отдельными индивидами, группами индивидов, клеточками и объединениями клеточек в более сложные органы и ткани целого организма.

Трудоспособные граждане коммунистического общества обязаны быть членами каких-то первичных коллективов. Эта обязанность обусловлена тем, что по идее люди не имеют никаких иных источников существования, кроме тех, какие им предоставляются в первичных коллективах. Для подавляющего большинства населения коммунистической страны это имеет место на самом деле. Первичный коллектив является для них работодателем, а также местом, где протекает основная часть их жизнедеятельности. Потому здесь лозунг «Интересы коллектива выше интересов индивида» есть практически действующий принцип коммунального закрепощения индивида. Самая глубокая и, вместе с тем, самая поверхностная суть коммунизма проявляется там, где люди работают и добывают средства существования, – в их первичных коллективах.

Коллектив обладает средствами контролировать своих членов и подчинять их своей воле. Это суть разнообразные средства распределения материальных благ и вознаграждения за труд, наказания и поощрения. Коллектив здесь властвует над индивидом. Естественным стремлением членов коллективов является стремление ослабить власть коллектива над ними. А коллектив, наоборот, стремится усилить свою власть над индивидом.

Граждане коммунистического общества социально не однородны. Они разделяются на начальников и подчиненных. Точно так же обстоит дело с группами людей, с клеточками и их объединениями. Это отношение по самой своей изначальной природе есть отношение неравенства. Складывается целая иерархия таких отношений. Они пронизывают все общество густой сетью в самых различных разрезах. Здесь какие-то элементы общества могут одновременно находиться в различных позициях друг по отношению друга. Например, секретарь партийного бюро предприятия подчиняется директору как сотрудник этого предприятия, а директор подчиняется ему как член партии. Здесь отношения субординации опутывают общество так же, как перепутываются корни и сучья растений в труднопроходимых джунглях. Например, некоторое предприятие, расположенное в городе Н, контролируется районным, городским и областным комитетами партии и советами, а также отраслевыми управленческими учреждениями вплоть до соответствующего министерства. Имеются разнообразные формы субординации, классификация которых до сих пор отсутствует.

Вторым по значимости социальным отношением коммунизма является отношение координации или соподчинения. Здесь тоже имеются разнообразные формы. Возникают также различные формы кооперации, т. е. временные соглашения о совместных действиях без установления субординации договаривающихся партнеров.

Социальные отношения регулируются определенными закономерностями или правилами. Приведу в качестве примера некоторые из них. Позиция начальника (руководителя) выгоднее позиции подчиненного (руководимого). Чем выше ранг руководителя, тем больше он имеет благ, тем защищеннее и почетнее его положение. Поэтому за посты руководителей и за продвижение на более высокие посты идет ожесточенная борьба. Число лиц, претендующих на роль начальников и способных ими быть, намного превышает число начальнических постов. На низших уровнях в руководители отбираются

средне-способные и среднеумные индивиды, наиболее удобные для этой роли. Поскольку руководители высших рангов отбираются из числа руководителей низших рангов по тем же правилам, то с повышением ранга руководителей происходит снижение интеллектуального потенциала, уровня культуры и профессиональности. Профессия руководителя заключается главным образом в том, чтобы уметь удержаться на посту, лавировать и пробиваться вверх. Потому на роль руководителей заявляют претензии люди, наименее связанные с соображениями морали и наиболее бездарные с точки зрения овладения конкретной профессией, в особенности – творческой. Их профессией является руководство людьми, делающими свое профессиональное дело, а для этого средних и даже маленьких способностей в подвластных профессиях вполне достаточно.

Вследствие разделения людей на начальников и подчиненных в клеточках, а также вследствие образования иерархии клеточек в системе управления образуется иерархия социальных позиций людей. К ней присоединяется различие уровней людей в организации дела, уровни квалификации и личных способностей, различие в престиже профессий и другие факторы. Таким путем в обществе складывается очень сложная социальная иерархия людей, которая становится неустранимым источником социального, материального и других форм неравенства, основой разделения людей на различные слои и категории. Для отношений соподчинения характерным является взаимное препятствование. Я называю это отношение привентацией. Здесь люди и их объединения поступают так, как будто они связаны незримыми нитями, которые ограничивают их активность. Это отношение противоположно свободной конкуренции между независимыми партнерами. Конечно, и конкуренция имеет место в какой-то мере. Но в массе случаев привентация доминирует. Суть ее заключается в том, что каждый стремится помешать ближнему добиться больших успехов, чем он сам, или по крайней мере снизить его возможности. Нет надобности говорить о том, насколько сильно привентация снижает деловые потенции граждан и их объединений.

Достоинства и недостатки коммунизма

Анализ самых глубоких основ коммунистического образа жизни обнаруживает, что добродетели и дефекты коммунизма имеют один и тот же источник. Более того, здесь дефекты являются неизбежными следствиями того, что на первый взгляд выглядит и большинством граждан воспринимается как достоинство. Ниже я приведу несколько разрозненных примеров на этот счет с целью пояснения моего общего утверждения.

Работающие граждане коммунистического общества имеют меньше жизненных благ, чем представители соответствующих профессий в западных странах. Но зато они и трудятся меньше. Степень эксплуатации есть отношение вознаграждения за труд к трудовым усилиям, затрачиваемым на это. При коммунизме степень эксплуатации ниже. Но следствием этого является и более низкий жизненный уровень.

Членам коллективов гарантированы оплачиваемый отпуск, оплата времени

болезней, бесплатное медицинское обслуживание, пенсия по старости и инвалидности, жилье, детские сады, образование, обучение профессиям и другие жизненные потребности. Основные жизненно важные потребности граждан так или иначе удовлетворяются, хотя и на невысоком уровне. Впрочем, уровень этот повышается с повышением социальной позиции и является высоким для средних и тем более высших слоев населения.

Основное содержание жизни работающих граждан общества составляет то, что они делают в первичном коллективе и через него. Жизнь в коллективе есть их подлинная жизнь, а жизнь вне его лишь условие для нее. Здесь люди не только трудятся, но проводят время в обществе знакомых, обмениваются информацией, развлекаются, заключают нужные контакты, добиваются успехов, делают карьеру, посещают собрания, получают жилье, повышают квалификацию, занимаются спортом, участвуют в разных кружках. Тут происходит жизнь в самом точном смысле слова со всеми ее радостями и горестями, удачами и неудачами.

Гарантии основных жизненных потребностей, являющиеся высшим социальным достижением коммунизма, имеют неизбежным следствием сравнительно низкий уровень удовлетворения этих потребностей, подчинение индивида коллективу, неравенство в распределении благ, принудительный труд, низкий уровень деловой активности и другие дефекты коммунизма, ставшие теперь всем очевидными. Жизненные блага не даются людям сами собой. Они приобретаются в ожесточенной борьбе всех против всех. Тут во всю мощь разворачиваются законы коммунальности. Спасаясь от них, т. е. от самих себя, люди здесь изобрели общественно-значимые средства в виде системы правил и организаций, следящих за соблюдением этих правил. Это суть партийная, профсоюзная, комсомольская организации, а также всякого рода контрольные органы. Эти средства изобретаются на основе явлений коммунальности и как их продолжение, т. е. в свою очередь как явления коммунальности.

Неизбежным следствием освобождения людей от собственности на средства деятельности является отношение к ним как к чему-то чужому, как к своего рода явлениям природы. Отсюда – бесхозяйственность, порча вещей, воровство, небрежность, отсутствие стремления к накоплению и к сохранению накопленных общественных богатств и другие отрицательные явления. Общество борется с ними всеми доступными ему средствами, главным образом – средствами наказания. Но самое большее, что тут может быть достигнуто, это ограничение их более или менее терпимыми рамками.

Если граждане не нарушают норм поведения, их трудно уволить. Их защищает коллектив. Основное назначение деловых коллективов – дать занятия и посредством их средства существования гражданам общества. Потому здесь трудно ликвидировать нерентабельные в экономическом смысле предприятия и затруднена интенсификация труда, что могло бы привести к безработице. Следствием этого является сравнительно низкий уровень заработной платы. Люди не стремятся работать усердно, наоборот, стараются всячески уклоняться от работы, работать лишь в той мере, в какой это достаточно для отчетов и видимости работы. Лишь немногие энтузиасты стараются повысить свой жизненный уровень за счет героического труда. Большинство же

добивается улучшений иными путями, включая нарушение законов. Результаты деятельности клеточек вливаются в общий «общественный котел». Клеточка получает из этого «котла» определенную долю средств для вознаграждения ее членов за труд. Это – денежные суммы для выплаты заработной платы, премий и ссуд, жилищный фонд, дома отдыха и санатории, средства транспорта и многое другое. Существенно здесь то, что члены коллектива вознаграждаются за их деятельность по установленным нормам, причем – независимо от реализации результатов деятельности коллектива. Коллектив вообще может заниматься никому не нужным делом. Его продукция может просто пропадать. Но раз он официально признан в качестве клеточки, члены коллектива получают свою долю вознаграждения. Для подавляющего большинства граждан такое положение вещей есть благо. Оно освобождает их от всяких тревог за реализацию продуктов деятельности коллектива и позволяет сосредоточить их усилия на борьбу за увеличение личной доли вознаграждения. Хотя с точки зрения интересов целого общества главным является дело, делаемое клеточкой, с точки зрения ее членов главным является получение средств существования и вообще удовлетворение каких-то потребностей за счет деятельности в клеточке. Это имеет свои недостатки, проявляющиеся в равнодушии к производительности труда, в халтуре, в очковтирательстве, в имитации деятельности, в паразитизме и других явлениях. Все попытки руководства страной сделать членов коллективов ответственными за реализацию продуктов их деятельности и поставить вознаграждение их в зависимость от этой реализации массового успеха не имели и иметь не могут в принципе. Для подавляющего большинства важнейших предприятий и учреждений это невозможно просто по характеру их деятельности. Лишь для немногих коллективов это возможно, да и то в узких пределах.

Власть начальников в клеточках ограничена потребностями и условиями дела, законами, общественными организациями, вышестоящими властями. С точки зрения организации дела руководители мало что способны изменить. Их деловая активность ограничена статусом руководимых коллективов и планами, а также членами коллективов и их отношением к труду. Поэтому руководители больше заботятся о том, чтобы хорошо выглядеть в отчетах, о взаимоотношениях с важными и полезными лицами, о своем личном авторитете. Главная задача руководителя – удержаться на посту и вести себя так, чтобы подняться на пост более высокий. Такое положение устраивает подавляющее большинство руководителей. Ограничение инициативы освобождает их от риска потерять свое положение из-за своих ошибок. Они отбираются так и проходят такую подготовку, что инициатива для них становится качеством второстепенным и даже негативным. В массе своей они не заинтересованы в изменениях, предпочитая видимость инициативы и изменений реальным. Это способствует общей тенденции к застою.

Руководители стремятся изобразить свои личные интересы как интересы руководимых коллективов и использовать последние в своих личных интересах. Если они что-то делают в интересах коллективов, то это есть лишь одно из средств достижения их личных целей. Руководитель, хорошо организовавший дело, иногда имеет больше шансов на карьеру. Но чаще

карьера бывает успешной за счет кажущихся, а не действительных успехов коллектива. Отсюда – очковтирательство, дезинформация, намеренный обман. Поэтому в системе руководства складывается гангстерский тип сознания и поведения.

Взаимная зависимость людей и коллективов способствует развитию коллективистских отношений, компанейства, сговоров, дружбы и взаимопомощи. Но вместе с тем она есть основа отношений привентации. Сила последней колоссальна. Это ведет к снижению потенций людей, коллективов и общества в целом, к замедлению процессов жизнедеятельности, к снижению производительности труда и другим отрицательным явлениям. Все положительные показатели деятельности людей здесь имеют тенденцию к снижению, а негативные – к росту.

Другие примеры того, что негативные явления суть неизбежные следствия достоинств коммунизма, я буду приводить по мере дальнейшего описания коммунизма. Читателя я прошу обращать внимание на эти негативные спутники достоинств коммунизма, так как из этих источников вытекают многочисленные ручейки, которые постепенно сливаются в единый мощный поток, ведущий к кризису.

Нормы и отклонения от них

В идеале все общество должно быть построено по клеточному принципу. Но в реальности этот идеал достижим лишь в некотором приближении. В реальности огромное число людей не организуется в клеточки. Сюда относятся, например, дети, учащиеся, старики, больные, преступники, тунеядцы, неработающие члены семей работающих людей. Кроме того, люди группируются и помимо клеточек, – семейные и дружеские группы, группы единомышленников, молодежные группы, группы преступников, уличные банды, общественные организации, секты. Организация людей в клеточки является доминирующей формой организации граждан. Она есть норма коммунистической организации. И от того, какую роль она играет в обществе, насколько она сильна и насколько велики отклонения от нее, зависит состояние общества в первую очередь.

Клеточная структура является доминирующей, если самая деловая, активная и творческая (скажем, социально значимая) часть населения организована в клеточки, стремится к этому, удовлетворена этим и служит соблазнительным примером для социально значимой части молодежи. Но условия деятельности граждан в клеточках; порождают и противоположную тенденцию, т. е. стремление выйти из-под диктата коллектива. Жизнь какой-то части граждан вне клеточной организации порождает нездоровые соблазны. Влияние клеточной организации ослабляется.

В идеале в коммунистическом обществе должно быть полностью исключено все то, что связано с частной собственностью и частной деятельностью. Но в реальности, имеет место лишь некоторое приближение к идеалу. На самом деле существуют многочисленные отклонения от идеальной нормы. Заключаются они в том, что граждане| что-то делают и чем-то распоряжаются

вне норм коммунистической деятельности и коммунистического владения. Сюда относятся виды частной деятельности и владения, допускаемые государством, например, – приусадебные участки колхозников, дачные участки городских жителей, частные услуги врачей, учителей, портных и представителей других профессий. Время от времени государство допускает и более серьезные формы отклонения от коммунистического идеала вплоть до частных предприятий (как это имеет место теперь). К рассматриваемым отклонениям относятся также нелегальные формы деятельности, например – черный рынок, взаимные незаконные услуги, преступные организации. До известного предела такие отклонения не угрожают основам общества. Но есть тенденция к разрастанию их за пределы допустимого. Причем эта тенденция поощряется самим государством, которое надеется удержать ее в допустимых рамках, а также привилегированными слоями населения, которые в огромной степени пользуются услугами «частного сектора» и преступного мира, не говоря уж о том, что сами вовлекаются в преступную деятельность.

Индивид во всех основных жизненных отправлениях в принципе должен зависеть от коллектива, – через коллектив отдавать свои силы обществу, через коллектив вознаграждаться за труд, через коллектив добиваться успехов и пользоваться жизненными благами. Но это – лишь идеал. В реальности он далеко не всегда соблюдается. Сама же организация жизни масс людей порождает по самым различным каналам отклонения от рассматриваемого фундаментального принципа. Каналы эти – наличие массы людей вне первичных деловых коллективов, возможности перехода из одних коллективов в другие, привилегированное положение ряда индивидов в коллективах, связи и поддержка вне своего коллектива, дополнительные доходы, коррупция и т.д. В результате возникает сильная тенденция к ослаблению зависимости индивида от коллектива, возникает множество людей, неподконтрольных в каких-то действиях своим коллективам. До поры до времени это удерживается в допустимых рамках, не угрожающих основам взаимоотношений человека и общества. Но эти рамки время от времени нарушаются.

Примеры отклонения от норм коммунистической жизни я буду неоднократно приводить в дальнейшем. Забегая вперед, скажу, что именно накопление и совпадение таких отклонений в масштабах всего общества привело к его дезорганизации как целого и внесло свою решающую долю в ситуацию кризиса. Я хочу обратить внимание читателя на то, что мое позитивное описание нормального коммунизма в данной работе вообще ориентировано с самого начала на объяснение того, каким образом именно нормальная жизнь коммунизма привела к его тяжелому кризису.

Управление

Во всяком обществе имеет место управление людьми. В коммунистическом обществе оно приобретает особое значение, ибо оно становится здесь главным средством объединения людей в группы и в целое общество.

Уже на уровне клеточек образуется огромное число начальников и обслуживающих их лиц. К этому числу присоединяются руководители и

члены руководящих органов различных общественных организаций, – партийных, профсоюзных, комсомольских и других. Число прочих граждан, так или иначе вовлеченных в систему руководства, огромно.

В первичных коллективах люди имеют дело с непосредственными начальниками и дирекцией, т. е. с властью деловой. К этому присоединяются руководители общественных организаций (партийной, профсоюзной, комсомольской), а также различные контрольные органы. Власть здесь не воспринимается как насилие. Она здесь выглядит как нечто вполне естественное, обусловленное интересами дела и организацией людей в единое целое. Даже высшие руководители коллектива не противостоят здесь рядовым членам коллектива так, как это имеет место в случае отношения хозяев предприятий и наемных рабочих в капиталистическом обществе или в случае отношения помещиков и крестьян в обществе феодальном.

Является грубой ошибкой считать коммунизм абсолютно недемократичным. Тут имеет место своя форма демократии. Заключается она в том, что многие должности являются выборными. Хотя кандидаты намечаются заранее, сам факт их предварительного отбора есть своеобразная форма выборов. В этом принимают участие многие люди, и органы власти, обсуждаются различные кандидатуры. Кроме того, большое значение приобретают всякого рода собрания, совещания, заседания, съезды, конференции и прочие сборища, призванные по идее коллективно решать какие-то проблемы. И далеко не всегда они формальны. На уровне первичных коллективов они играют существенную роль.

Число лиц, выполняющих функции начальников (руководителей), в коммунистическом обществе огромно. И сократить это число ниже некоторого минимума в принципе невозможно. Можно устранить некоторые официальные должности, но они так или иначе восстановятся явочным порядком (неофициально). Причем система управления здесь превращается в нечто самодовлеющее, работающее в значительной мере на самое себя. Она разрастается сверх всякой меры. Увеличение числа начальников и руководящих учреждений, обусловленное потребностями управления усложняющимся обществом, порождает дополнительный и автономный процесс увеличения системы управления самой по себе, уже безотносительно к управляемому обществу, – очередной ручеек, вливающий свою долю в реку, которая влечет общество к кризису.

Надо различать два аспекта управления: 1) управление конкретным делом; 2) управление людьми независимо от того, каким делом они заняты. В первом случае я буду говорить о деловом управлении, во втором – о социальном управлении. В реальности они настолько тесно связаны, что их трудно разделить даже в абстракции. Но постоянно возникающие конфликты между некими деловыми людьми и некими бюрократами из управляющих органов говорят о том, что тут имеет место различие, и различие весьма существенное. Деловое управление исходит из интересов дела как такового, не зависящего от особенностей людей. Социальное управление имеет дело с массой людей как таковых, каким бы делом они ни были заняты. Социальное управление исходит из взаимоотношений между людьми. В коммунистическом обществе социальное управление становится доминирующим и достигает диктаторской

силы. Деловое управление в той или иной мере выходит из-под его контроля. В нормальном состоянии общества достигается какой-то компромисс, крайности в ту или иную сторону сглаживаются и удерживаются в определенных рамках. Но тенденция к их расхождению остается.

Имеется, далее, два аспекта во взаимоотношениях системы коммунистического управления и управляемого ею общества: 1) система управления приспосабливается к управляемому обществу; 2) общество приспосабливается к своей системе управления. В коммунистическом обществе доминирует второй аспект. Здесь интересы управляемости становятся в конечном счете главным фактором в жизни общественного организма. Они лимитируют все основные аспекты ее, становятся одним из внутренних ограничителей сил и возможностей коммунизма.

Вот для примера некоторые принципы коммунистического управления. Максимальный контроль за всеми аспектами жизни общества и отдельных граждан. По возможности не допускать то, что не может контролироваться. Если этого невозможно избежать, то допускать это в той мере, в какой это не угрожает общей установке на максимальное контролирование. По возможности ограничивать число управляемых объектов, сводить к минимуму число «точек» и акций управления. Не допускать конфликтов между частями целого. В случае возникновения таковых отдавать предпочтение интересам управляемости. Не допускать непредвиденного.

Люди, вовлеченные в систему управления (а их, повторяю, миллионы), имеют свои личные интересы, вступают в отношения друг с другом, вынуждены подчиняться правилам управления как особой профессии. И избавить их от всего этого не в силах никто, никакие постановления властей, никакие призывы реформаторов и морализаторов. Эти люди заинтересованы в том, чтобы избежать ответственности за принятие решений, использовать свое положение в корыстных и карьеристских целях, создать видимость дела, лучше выглядеть в глазах начальства. Тут имеется своя техника сочинения отчетов, очковтирательства, дезинформации, волокиты. Короче говоря, эти люди общими усилиями реализуют приведенные выше принципы социального управления, усиливая их эффект свыше всякой меры. Бюрократизм и застой являются неизбежными следствиями самих закономерностей этой системы управления. Не Горбачев первый объявил борьбу бюрократизму и застою. Эта борьба началась сразу после революции, продолжалась всю советскую историю и будет иметь место и в будущем, пока существует коммунистическое общество.

В реальности идеал полной контролируемости и управляемости, конечно, не осуществим. Он действует лишь как тенденция, доминирующая в обществе в его нормальном состоянии. Имеются объективные пределы управляемости, не зависящие от воли и желания правителей. В обществе постоянно происходят нарушения принципа тотальной подконтрольности, возникают неподконтрольные явления. В коммунистическом обществе постоянно действуют многочисленные факторы, порождающие такие явления с необходимостью. Так, необходимость развивать хозяйство и культуру, усложнение процесса жизни, изменение реальных соотношений между различными категориями граждан, рост населения и другие факторы

порождают несоответствие системы управления фактическому состоянию управляемого общества. Сама система управления усиливает этой несоответствие путем грандиозной дезинформации вышестоящих органов, очковтирательства, формализма. В стране постепенно накапливается элемент неконтролируемости, – плохо или совсем неконтролируемые предприятия, учреждения, организации, массы людей. Превысив допустимый предел, элемент неконтролируемости может сделать всю систему управления в значительной мере фиктивно управляющей, как это и произошло в рассматриваемой кризисной ситуации.

Централизация и децентрализация

Коммунистическая система управления является централизованной. В этом видят одну из главных причин застоя и других дефектов. Но централизация не есть специфический признак коммунизма, как децентрализация не есть признак капитализма. Во всяком развитом обществе действуют обе тенденции – к централизации и к децентрализации. В советском обществе тоже эти тенденции сами по себе ни разрушают, ни укрепляют общество. Они выражают лишь переструктурирование (перераспределение «точек» управления) в рамках одной и той же системы. Какая бы из этих тенденций ни преобладала, общий эффект системы так или иначе остается. Более существенным для коммунизма является не соотношение централизации и децентрализации, а общее соотношение системы управления и управляемого ею общества, о котором я уже говорил выше.

Централизованное управление имеет свои достоинства. В частности, лишь при этом условии становятся возможными грандиозные стройки, какие осуществлялись и осуществляются в Советском Союзе. Преимущества для развития военной промышленности и создания армии общепризнаны. Но дело не в соотношении достоинств и недостатков централизации и децентрализации управления. Общественная жизнь не есть поиски некоего академически оптимального варианта. Централизованное управление обществом адекватно социальному типу коммунистического общества и более жизнеспособно здесь. А если оно рождает зло, так это еще не дает оснований управляющим органам отказаться от какой-то части своих прерогатив. Они имеют силу удержать их за собою. Тем более мера добра, приносимого децентрализацией, сомнительна. Она заметна в малых масштабах. Но в масштабах общества в целом она может привести к еще большим трудностям, чем те, которые возникают без нее. И кстати сказать, эксперименты в этом духе предпринимались в Советском Союзе, но безуспешно.

Централизованное управление имеет свои огромные дефекты. Оно порождает безынициативность, бесхозяйственность, бессмысленные потери средств, застой в производительности труда и многие другие отрицательные явления, которые хорошо известны и которые позволяют утверждать, что коммунистические страны не способны догнать и перегнать передовые капиталистические страны в экономическом (и вообще деловом) отношении.

Государство

В системе управления обществом можно очевидным образом видеть два аспекта – отраслевой и территориальный. Второй аспект объединяет различные отраслевые органы управления в единое целое, а также осуществляет управление территориальными единицами общества как единым целым. Второй аспект образует систему власти в политическом смысле, или государство.

Коммунизм есть всеобщая организация населения страны в систему отношения начальствования и подчинения. Здесь власть есть орудие внутренней организации масс людей, а не нечто внешнее им и стоящее над ними, – есть форма и средство самоорганизации. Система власти (государственный механизм или, коротко говоря, государство) вырастает здесь из потребности обеспечить существование страны как единого социального организма, вырастает как грандиозная система учреждений, функцией которой является сохранение целостности общества и управление им как единым целым. Так что марксистская теория возникновения государства оказалась ложной в отношении государства коммунистического. И она тем более оказалась ложной, «предсказав» отмирание государства при коммунизме. Коммунистическое общество без государства в такой же мере возможно, в какой возможен сложный и развитой биологический организм без центральной нервной системы. Государство при коммунизме не исчезает, а, наоборот, превосходит все прошлые формы государственной машины как по размерам, так и по роли, играемой в жизни общества. Оно тут превращается в нечто большее, чем его предшественники, – в сверхгосударство.

Вырастая из недр общества, коммунистическое государство превращается в своего рода сверхобщество, живущее за счет общества, в которое оно погружено. Здесь уже не государство служит обществу, а, наоборот, общество становится ареной и материалом деятельности сверхгосударства, сферой приложения его сил, средством; удовлетворения его амбиций и потребностей. Сверхгосударство становится монопольным субъектом истории. Его жизнь со всеми его официальными спектаклями навязывается всему обществу в качестве всеобщего жизненного спектакля, в котором членам обычного общества (общества первого уровня) отводится роль исполнителей воли власти, статистов, почитателей и восторженных зрителей.

В сферу внимания коммунистического сверхгосударства в принципе входят все аспекты жизни страны, включая внешнюю политику, внешнюю торговлю, промышленность, сельское хозяйство, культуру, спорт, быт и отдых людей, воспитание детей. Нет такого аспекта жизни людей, который так или иначе не подлежал бы контролю со стороны сверхгосударства. Если что-то и выпадает из-под его контроля, то это происходит в силу отклонения от фундаментального принципа тотальной подконтрольности, а не в силу отказа сверхгосударства от этого принципа. Последний здесь обладает такой практической силой, что сверхгосударство подчиняет жизнь всего общества интересам управляемости.

Имеются объективные пределы управляемости, не зависящие от воли и желаний правителей. В обществе постоянно происходят нарушения принципа

тотальной подконтрольности, постоянно возникают неподконтрольные явления. Поскольку само государство не может разрастаться сверх определенной меры и поскольку разрастание государства имеет неизбежным следствием снижение степени его эффективности, то само оно становится главным ограничителем такой эволюции общества, которая имеет следствием нарастание неподконтрольности. Тенденция к упрощению подконтрольного тела общества становится одной из объективных тенденций эволюции.

Строение государства

Надо различать то, как коммунистическое государство формируется исторически, и то, какое место оно занимает в коммунистическом обществе, если уж оно сформировалось. Наибольший интерес с этой точки зрения представляет возникновение государства в Советском Союзе, поскольку тут отчетливо можно наблюдать закономерность этого процесса. Здесь монархическое государство вроде бы было разрушено революцией 1917 года, но государственность как таковая сохранилась, расширилась и укрепилась. Советское государство явилось преемником и продолжением дореволюционного русского государства. Российская история была по преимуществу историей государственности. Она такую и осталась в советский период. И такую она останется на все времена, пока сохраняется коммунизм, как бы советские правители ни мудрили с внешними формами государственности, заимствуя их на Западе.

В Советском Союзе после революции и гражданской войны стало складываться своеобразное двоевластие. Одну часть его образовало то, что я называю народовластием. На вершине его – вождь с соратниками. Он опирается на энтузиазм широких слоев населения и на аппарат личной диктатуры. В его подчинении карательные органы, партийный аппарат и прочие учреждения власти. Народные массы не бесформенны. Они организованы в различного рода организации. При этом огромную роль играли активисты и доносчики. Другую часть системы власти образовал партийно-государственный аппарат. Сначала он был инструментом народовластия. Но постепенно он разрастался набирал силу и к концу сталинского периода стал фактически играть главную роль в системе власти. Хрущевский «переворот» и десталинизация страны включали (среди прочих признаков) в себя поражение народовластия и победу системы власти в том виде, какой она приобрела к концу брежневского периода. Этот процесс произошел не без борьбы. Альтернативой сталинизму с точки зрения структуры власти стал брежневизм.

В Советском Союзе после революции сложилось своеобразное двоевластие и в другом смысле: формально государственной властью считались советы, но фактически высшей властью стал так называемый партийный аппарат. Даже в Конституции при Брежневе появилась особая статья о руководящей роли партии. Это не было исторической случайностью. Горбачев стал предпринимать шаги с целью переместить высшую власть в советы. И это тоже не было случайностью или делом личного вкуса и произвола, о чем я

скажу ниже.

Стержень коммунистического государства в том виде, как оно сложилось в Советском Союзе и стало образцом для других коммунистических стран, образует то, что называют словом «партия». Это слово вводит в заблуждение. Партия в коммунистической стране, стоящая у власти не есть политическая партия в собственном смысле слова или по крайней мере в смысле политических партий Запада. Партия есть добровольное объединение людей, не зависящее от социальной структуры общества. Члены партии объединяются независимо от того, в каких коллективах они работают. Должности партийных функционеров не являются должностями в государственном аппарате. Если партийные функционеры как-то попадают в государственные учреждения, то они там занимают должности, не совпадающие с их ролью в партии. Пришедшая к власти партия не становится элементом государственного устройства и социальной организации предприятий и учреждений. Партия же в коммунистической стране этим требованиям не удовлетворяет. Она распадается на множество автономных партийных организаций в первичных коллективах и практически независимый от них партийный аппарат. Первые суть элемент социальной организации населения в самом базисе общества, второй же есть часть государственного механизма, причем – стержневая в рассматриваемом здесь варианте. Работа людей в партийном аппарате есть их работа в системе государственной власти. То, что в коммунистической стране называют словом «партия», имеет сходство с политическими партиями в собственном смысле слова. Но это сходство поверхностное, формальное и словесное. Различия же существенны. Если допустить такую ситуацию, что коммунистическая партия ликвидирована и партийный аппарат распущен или лишен власти, но социальный базис коммунизма сохранен, в стране так или иначе сложится нечто подобное, хотя и под другими названиями и с другими внешними признаками, но по сути дела выполняющее ту же роль, а именно – выделение наиболее активной части сотрудников в коллективах и образование стержневой части в системе власти.

Партийная организация

Элементами структуры ячейки являются различного рода организации, общества, группы, союзы. Важнейшим из них является партийная организация.

Члены партии суть социально активные граждане общества. Вступление людей в члены партии не связано ни с какой верой в идеалы коммунистической идеологии и ни с каким благородным стремлением служить «партии», «прогрессу», «трудящимся». Оно диктуется сугубо практическими личными интересами людей – стремлением активнее участвовать в жизни коллектива, лучше устроиться в жизни и добиться больших успехов. Членство партии дает определенные преимущества перед беспартийными, очень часто – очевидные. Оно формально фиксирует лишь тот факт, что социально более активные граждане добиваются больших

успехов, чем пассивные. Без этого, как правило, нельзя занимать ответственные, престижные и выгодные посты, нельзя успешно продвигаться по служебной лестнице. Однако образ жизни подавляющего большинства рядовых членов партии мало чем отличается от беспартийных. Лишь небольшая их часть делает успешную карьеру. Далеко не худшие граждане становятся членами партии. Далеко не лучшие остаются беспартийными. Принадлежность к партии является сильным сдерживающим фактором в смысле с хранения норм морали и общественного порядка. В условиях господства коммунальности именно партийные организации в первичных коллективах являются самым эффективным средством поддержания морального и идейного состояния общества на должном уровне.

Партийную организацию образуют члены партии и кандидаты в члены партии, работающие в одном и том же деловом коллективе (учреждении или предприятии). Они регулярно собираются вместе (партийные собрания) для обсуждения проблем своего коллектива и проблем, касающихся всей партии и всей страны. Они выбирают партийное бюро (партбюро) на один год из определенного числа членов своей организации, а члены бюро выбирают секретаря партбюро, т. е. руководителя всей партийной организации. Все члены партийного бюро суть сотрудники, данного делового коллектива. Они продолжают работать по специальности. Секретарю партбюро на выборный срок предоставляются некоторые облегчения по работе или даже совсем освобождают от обычной работы. Но все равно исполнение функций секретаря партбюро не становится его профессиональной работой. Как сотрудник коллектива он подчиняется своему начальству вплоть до директора и заведующего деловым коллективом.

Активность первичных партийных организаций ограничивается рамками их коллективов, клеточек. Но роль их здесь весьма значительная. Они вмешиваются во все аспекты жизни коллективов, влияют на общую атмосферу них и на поведение начальства. В базисных клеточках они суть важнейшая форма специфически коммунистической демократии.

Партийная организация клеточки имеет структуру, соответствующую структуре самой клеточки, – минимальные партийные группы в минимальных деловых группах, более сложные объединения для более сложных деловых групп вплоть до клеточки в целом. Партийная организация является своего рода посредником между системой власти и управления, с одной стороны, и массой рядового населения, с другой.

Партийная организация не есть нечто подобное воинскому подразделению, в котором все послушно выполняют приказания свыше. Тут возникают группировки и конфликты между ними. Порою борьба принимает очень острые формы. Так, в послесталинский период внутри партийных организаций началась ожесточенная борьба между сталинистами и теми, кто хотел десталинизировать страну. Эта борьба фактически сыграла решающую роль в десталинизации страны. Двадцатый съезд КПСС и доклад Хрущева, в котором он разоблачал «культ личности», опирались на результаты этой борьбы. На Западе этот важный факт советской истории остался незамеченным. В нынешних условиях факты такого рода заслуживают особого внимания. Тут борьба различных группировок велась в рамках единой организации. Но

мыслима такая ситуация, что партийные организации распадутся на несколько организаций со своими руководящими органами. Это создает видимость многопартийности. Но суть дела все равно останется та же.

Партийный аппарат

Партийный аппарат есть совокупность комитетов партии, начиная от низших (районных и на правах районных) и кончая высшим. Выражение «комитет партии» двусмысленно. Оно обозначает совокупность членов комитета, избранных на соответствующей партийной конференции. Эти члены комитета не образуют комитет как особое учреждение. Большинство из них работает в каких-то других учреждениях. В качестве членов данного партийного комитета они функционируют только в периодических собраниях (пленумах) комитета. Лишь часть из них становится постоянными сотрудниками данного партийного комитета как особого делового учреждения. Во втором смысле выражение «партийный комитет» обозначает такое постоянно действующее учреждение (деловую клеточку), в котором работают не только упомянутые члены комитета в первом смысле, но и лица, таковыми не являющиеся. Более того, большинство сотрудников партийного комитета кук учреждения не является членами комитета в первом смысле.

Вся система власти и управления обществом находится под контролем партийного аппарата, является фактически продолжением и разветвлением этого аппарата. Ошибочно думать, будто партийный аппарат существует наряду с другими учреждениями и органами власти и управления и ограничивается лишь функциями политического и идеологического руководства и контроля. Вся система власти есть как бы развертывание партийного аппарата. В обратном направлении она так или иначе сходится в партийном аппарате и отражается в нем. Жаловаться на то, что партийный аппарат «вмешивается» во все аспекты деятельности системы управления, равносильно тому, как если бы мы стали жаловаться на непомерное вмешательство центральной нервной системы нашего тела в остальные части нервной системы.

По тем же принципам, что и партийный аппарат, построены аппараты советов, профсоюзов и комсомола. Проф союзный аппарат контролирует условия быта, труда и отдыха граждан. Комсомольский аппарат занимается специфически молодежными делами. Это – основная школа будущих членов партии. Снизу оба они, как и партийный аппарат, опираются на профсоюзные и комсомольские организации в первичных коллективах. Разница тут в том, что членами профсоюза являются все члены коллектива, а не избранные. Так что профсоюзы в коммунистическом обществе по существу лишь по названию профсоюзы в западном смысле. В принципе мыслима ситуация, в которой профсоюзные и комсомольские комитеты становятся отделами партийных комитетов.

Партийные работники суть профессиональные служащие, как и все прочие. Естественно, они нуждаются в стабильности своего положения и продвижения

по службе. Но их профессия особого рода – управление людьми. И с этой точки зрения нужна сменяемость их, временность пребывания на посту. В реальности имеет место сложное взаимоотношение этих аспектов, находится какой-то компромисс. В частности, этому служит перемещение лиц в партийном аппарате с места на другое место, в переводе их на работу в другие ответвления власти и в привлечении в партийный аппарат лиц извне. Сотрудники аппарата, естественно, заинтересованы в стабильности своего положения и продвижения по службе. Это ведет к тому, что в аппарате складывается чрезвычайно консервативная структура партийных работников, объединенных личными связями и жесткими правилами поведения. Возникает очень сильная тенденция к превращению партийного аппарата в некий орден правителей, заботящихся прежде всего о личных интересах и интересах своего ордена. Все плохое, что можно сказать о лицах в системе власти управления, относится прежде всего и в самой сильной степени к работникам партийного аппарата.

Партийный аппарат мыслим и без четко оформленных партийных организаций, а также с несколькими организациями такого рода в первичных коллективах. Партийные организации мыслимы с другим стержневым аппаратом власти, отличным по каким-то признакам от партийного. Но та ситуация, которая на этот счет сложилась в после-сталинские годы, была ближе всего к абстрактному идеалу. Ее недостаток – структура и сущность коммунистической власти тут обнажилась предельно и стала уязвимой для критики.

Номенклатура

Одним из важнейших средств, с помощью которых партийный аппарат держит в своих руках всю систему власти и управления обществом и включается в нее, является способ назначения начальников всех сортов и рангов на все более или менее важные посты, – номенклатура партийного аппарата. Партийное руководство есть прежде всего подбор руководящих кадров, контроль за ними и руководство ими.

Одной из особенностей западных представлений о советском обществе является словесный фетишизм. Заключается он в том, что вместо объективного анализа реальности в ход пускаются словечки вроде «тоталитаризм», «гулаг», «диктатура партии», «гласность», «перестройка», «ястребы», «голуби», «консерваторы» и т. п., которые якобы объясняют сущность советского общества. Одним из таких магических словечек является слово «номенклатура». Но что такое номенклатура в действительности? В сталинские годы в номенклатуру включались особо отобранные и надежные с точки зрения центральной власти партийные работники, которые руководили большими массами людей в различных районах страны и в различных сферах общества. Ситуация руководства была сравнительно простой. Общая линия руководства была ясна и более или менее стабильна. Методы управления были примитивны и стандартны, культурный и интеллектуальный уровень руководимых масс был низкий, лозунги для них были простые. Практически

любой партийный функционер, включенный в номенклатуру, с одинаковым успехом мог руководить тяжелой индустрией, целой республикой, спортом, сельским хозяйством или литературой. Главная задача руководства заключалась том, чтобы установить единое и централизованное руководство страной, приучить массы к новым формам руководства и любой ценой выполнить то, что требовалось высшей властью.

В послесталинские годы изменились условия руководства, изменилось руководимое общество, изменился и характер руководителей. От руководителей стало требоваться образ вани и более или менее узкая профессионализация, а также более высокий уровень компетентности в руководимом деле или районе страны. Номенклатурой стали называть важные должности вне партийного аппарата, назначение на которые контролируется и утверждается партийным аппаратом. Это – посты, а не люди, назначаемые на них. Категория номенклатурных работников, профессия которых – быть в номенклатуре, практически исчезла как элемент структуры власти. Кроме того, в номенклатуру стали включать профессиональных партийных работников и вообще лиц, попавший в высшие привилегированные слои. Слово «номенклатура» стало многосмысленным и неопределенным, утратило значение социологического понятия. Теперь оно вводит в заблуждение и мешает пониманию сущности власти.

Советы

Советы сначала мыслились как стержневая власть общества, а партийный аппарат – как их помощник. Но положение оказалось противоположным. Это произошло не случайно. Помимо обстоятельств чисто исторического характера, тут сыграли роль объективные закономерности самого коммунизма и организации огромного механизма власти.

Советы выполняют определенные функции в системе власти. Снизу они опираются не на первичные коллективы, а на территориальные единицы, – районы, области, города, края, республики. Выборы депутатов в Советском Союзе являются прямыми. Но вместе с тем, советы служат целям маскировки сущности системы власти, создавая видимость выборности последней. Депутаты советов формально выбираются, а по существу отбираются партийными органами. И функционируют они на всех уровнях под контролем партийных органов. На высшем уровне они выполняют законодательные функции, но опять-таки чтобы скрыть тот факт, что соответствующие законы, решения, постановления уже были одобрены партийными органами. В принципе система власти может обойтись без советов, заменив их соответствующими отделами при партийном аппарате и деловыми конторами, ведающими делами, которые ранее были в ведении советов. Суть дела от этого не изменится. Зато будет отброшена видимость выборности власти. Но вместе с тем, возможен и обратный процесс, а именно – усиление советов и даже перемещение каких-то функций стержневого аппарата власти в советы. Этот процесс можно сейчас наблюдать в Советском Союзе. Возможно, что советы по видимости и даже отчасти реально станут стержнем системы власти, а

партийный аппарат отойдет на задний план. Но по сути это будет лишь переименованием подразделений власти. Партийный аппарат как стержень власти более соответствует сущности коммунистической власти как власти невыборной. Тем более важные чиновники советов суть члены партии и все равно зависят от партийных органов.

Возможен и компромиссный вариант, т. е. такое соотношение советов и партийного аппарата, при котором образуется единый стержневой аппарат, имеющий «парламентскую оболочку» и совсем непарламентскую коммунистическую суть. Такое обволакивание стержня власти «демократической» оболочкой советов сделает его менее уязвимым. Но, как говорится, шила в мешке не утаишь. И суть дела так или иначе обнаружит себя явным образом. Коммунистическое общество не может долго существовать без единой и централизованной «нервной системы».

Сверхвласть

В системе власти занято огромное число учреждений и людей. Она управляет обществом, но она сама нуждается в управлении. Для этого в ней выделяется такая часть, которая властвует над самой системой власти, – власть второго уровня, или сверхвласть. Аппарат сверхвласти пока еще не оформлен законодательно и не оформился как особое подразделение государства. Но он так или иначе складывается фактически. В сталинские годы он образовался из личной канцелярии Сталина и органов государственной безопасности. Он стоял над партийным аппаратом, не помещался последним, а контролировал его. В хрущевские и брежневские годы аппарат сверхвласти образовался в основном в рамках партийного аппарата. То, что выходило за его пределы, играло роль второстепенную. Он сложился из группы партийных работников высшего уровня и из обслуживающих их помощников и советников на основе личных контактов, взаимной выгоды и поддержки, – как правящая клика или мафия, державшая под своим контролем весь партийный аппарат. Аппарат сверхвласти становится аппаратом личной власти Генерального секретаря ЦК КПСС (Генсека). При этом сам Генсек может быть ничтожеством. Но аппарат сверхвласти все равно должен сложиться. Иначе система власти не может функционировать как единое целое. Обычно на это уходит несколько лет. Создание такого аппарата протекает в форме борьбы в партийном аппарате и замены лиц, негодных новому Генсеку, «своими» людьми.

Таким образом, можно констатировать два типа сверхвласти – сталинистский, стоящий над партийным аппаратом, и брежневистский, составляющий часть партийного аппарата. Эти два типа соответствуют двум типам руководства вообще, – сталинистскому и брежневистскому. Разумеется, в реальности имеет место комбинация элементов различных типов. Имеет место тот или иной тип, это определяется доминированием элементов того или другого. Сталинистский и брежневистский типы руководства и аппарата сверхвласти суть вариации в рамках коммунистической власти. Но в этих рамках они все-таки различаются, становясь порою альтернативой друг другу. Альтернатива сталинизму есть брежневизм, и наоборот. И ничего другого тут в принципе быть не может,

кроме комбинации этих типов власти и их ослаблений или усиления. Имеется тенденция к тому, чтобы создать аппарата сверхвласти как нечто устойчивое и не зависящее от смены высшего руководства. Речь идет не о том, чтобы создать особый орган сверхвласти, – в этом нет надобности. Достаточно организовать систему власти так, чтобы новый высший руководитель автоматически получал сверхвласть, не тратя много лет на создание аппарата личной диктатуры. Эту тенденцию особенно сильно выразил Горбачев, добившись создания поста Президента страны с повышенными полномочиями. Как фактически будет реализована эта тенденция, трудно сказать. Но во всяком случае можно сказать, что раздвоение высшей власти на два поста – главы советов и главы партийного аппарата – не есть еще решение проблемы. Какой-то из этих постов должен стать подчиненным. Если стержневой аппарат власти переместится в советы, то партийный аппарат станет орудием будущего диктатора. По форме он будет выглядеть «парламентарно», а по сути дела будет повторением сталинского образца.

Группировки и мафии

В системе власти на всех ее уровнях возникают конфликтующие группировки и правящие мафии. В брежневские годы на Западе советских руководителей делили на «ястребов» и «голубей». Теперь делят на «перестройщиков» и «консерваторов». Конечно, в таком делении больше домыслов, чем реальности. Но, как говорится, нет дыма без огня. Группировки так или иначе образуются, и они враждуют друг с другом. Это – своеобразный коммунистический аналог западной многопартийности. Здесь этот раскол в руководстве происходит по законам коммунальности, причем – и при отсутствии различных партий в стране. Если допустить, что в коммунистической стране разрешены различные политические партии и им удастся провести в руководство своих представителей, то в руководстве образуются точно такие же конфликтующие группировки, какие всегда возникали и без партий.

Вокруг главных фигур в системе власти на всех ее уровнях складываются своего рода мафии, фактически играющие роль аппарата сверхвласти или его части. В эти мафии попадают не только лица, занимающие высокие государственные или партийные посты, но и лица, таких постов не занимающие, – родственники и другие лица, близкие и полезные упомянутым главным фигурам. О такого рода мафиях Сталина, Хрущева, Брежнева, Мжаванадзе, Алиева, Насреддиновой и других в свое время много говорили и писали. То, что и вокруг Горбачева сложилась такая мафия, стараются не замечать.

Воспроизводство власти

Система власти сохраняется как процесс воспроизводства. Последний заключается в том, что в систему власти привлекаются новые люди извне, производится замена постаревших или по каким-то другим причинам негодных людей новыми, происходит распределение и перераспределение людей по ячейкам и ступеням власти.

Есть два способа и два аспекта воспроизводства системы власти и управления: 1) отбор кандидатов и назначение на посты сверху; 2) выборы путем голосования из числа кандидатов, выдвигаемых снизу. Для коммунистического общества характерным является первый способ. Второй играет роль подчиненную, санкционируя predetermined результаты первого и маскируя его. При отборе кандидатов на посты в соответствующих инстанциях аппарата власти, контролирующих эти посты, рассматривается не один подходящий человек, а многие. Но если даже выборы будут и формально производиться из двух и более кандидатов, последние заранее будут отобраны так, что их различия не будут оказывать существенного влияния на то, как они будут выполнять свои функции на избранном посту. Существенно здесь не то, что выборы будут производиться из нескольких кандидатов, а то, кто при этом будет избран и как он будет вести себя на избранном посту.

В процессе воспроизводства власти надо различать повседневную рутину и особые периоды, когда в течение нескольких дней или недель производятся заметные, более или

менее массовые перемены в личном составе органов власти. Эти особые периоды суть периоды регулярных перевыборов органов власти и время от времени случающиеся «чистки». Надо различать также горизонтальный и вертикальный процессы. Горизонтальный процесс – это отбор подходящих индивидов из подвластного общества в систему власти. Вертикальный процесс заключается в продвижении массы чиновников по службе вверх по иерархической лестнице власти. В этом процессе надо различать рутинный и переломный периоды.

Находящиеся у власти люди отбирают в систему власти и продвигают постепенно вверх таких кандидатов, которые им кажутся наиболее подходящими, т. е. себе подобных. Но в стране происходят изменения. Во власть приходят новые люди, так или иначе рефлектирующие эти условия. Хотя они и сохраняют сложившуюся ситуацию в аппарате, они обладают потенциальной способностью лучше приспособиться к новым условиям, чем их старшие коллеги по аппарату. Они постепенно накапливаются в аппарате, занимают в нем все более важные позиции, пробиваются все выше и выше. Растут и их амбиции. Те, кто держат в своих руках аппарат, вынуждены так или иначе оказывать поддержку тем, кто со временем вытеснит их и займет их место. Вместе с тем, они чувствуют опасность и начинают оказывать этому натиску «молодых» сопротивление. Среди «стариков» находятся такие, которые используют натиск «молодых», чтобы упрочить свое личное положение. Они поддерживают «молодых». Постепенно «молодые» фактически приобретают серьезное значение в аппарате.

Этот процесс происходит в рамках общего жизненного процесса в стране. В

стране назревают проблемы, которые не понимает «старое» руководство и оказывается неспособным справиться с ними. В высшем руководстве складывается кризисная ситуация. Преодоление кризиса обычно связывается со сменой самого высшего руководства, – с избранием нового Генерального секретаря ЦК КПСС. К высшей власти допускается человек, который больше всех устраивает тех, кто обладает властью на этом уровне.

Процесс не заканчивается допуском человека, представляющего «молодых», на вершину власти. Представитель «молодых» использует свое положение, чтобы еще больше расширить базис новой лидирующей группы и расширить дорогу «молодым». Начинается «чистка» аппарата, которая имеет целью помимо того еще и укрепление личного положения высшего руководителя, – он насаждает своих людей везде, где только можно. Новым людям на вершине власти предоставляется некоторая инициатива. Но – в определенных рамках. Их действия не должны причинять ущерб социальному строю и аппарату власти. Они не должны угрожать основной части аппарата. «Погромы» («чистки») не должны заходить слишком далеко и должны прекращаться после достижения основной цели – создания устойчивой лидирующей группы. Проходит некоторое время, и «переломный» период заканчивается. Новые люди укрепляются у власти. Теперь в их среде происходит разделение на лидирующую группу, «оппозицию», и пассивное «болото». Начинается новый период постепенного воспроизводства власти. Сами «молодые», превращаясь в «стариков», становятся главным препятствием в осуществлении тех преобразований, за которые они ратовали, идя к власти.

Этот процесс в классически ясной форме можно было наблюдать в Советском Союзе в брежневские годы. Молодые в те годы карьеристы горбачевского типа постепенно накопились в системе власти и поднялись вплоть до высших ступеней. Они совершили перелом в процессе воспроизводства власти, когда представился удобный момент. К этому времени они перевалили за пятидесятилетний возраст и с жадностью перезревших наследников набросились на блага власти.

То, какие люди попадают в число сотрудников органов власти и управления, влияет на то, как они функционируют. Но и то, как должны функционировать эти органы, влияет на то, какие именно люди отбираются для этого и как. Человек должен соответствовать занимаемому посту, пост обуславливает то, какой человек попадает на него. Бывает, конечно, несоответствие в ту или другую сторону. Но в массе случаев и с ходом времени эти несоответствия так или иначе выравниваются.

Отбор в систему власти происходит фактически из многих кандидатов. И в массе отбираются далеко не худшие граждане. Какими бы качествами ни обладали кандидаты на посты, они, будучи назначены или выбраны на эти посты, должны затем исполнять свои функции по законам власти и управления, а не в соответствии с какими-то лозунгами и прекрасными намерениями. Это – особая профессиональная работа. И она не сводится к речам на митингах и собраниях. Если допустить, что на все посты в системе власти в результате подлинно демократических выборов избраны самые честные, самые умные и самые деловые граждане, приступив к работе, они с необходимостью превратятся к таким же бюрократам, консерваторам,

карьеристов, стяжателей, взяточников, какими изображаются теперь работники аппарата власти в прошлом.

Функции государства

Коммунистическое государство выполняет функции, общие ему с государствами иного типа, и специфически коммунистические. Общими функциями являются такие, как поддержание общественного порядка, отношения с другими странами, оборона страны, денежная система, средства коммуникации и другие. Специфической задачей коммунистического государства является обеспечение жизнедеятельности общества как органического целого. В этом обществе для каждого коллектива и каждого более значительного объединения коллективов должны быть определены его положение в стране, деловые функции, отношения с другими коллективами, внутреннее строение, доля в производимом продукте и в получаемом вознаграждении. Здесь государство присвоило себе все те функции, какие в западных странах выполняют частные предприниматели и их конторы, банки и всякого рода негосударственные механизмы самоорганизации.

Важнейшим проявлением рассмотренной фундаментальной функции государства является планирование и контроль за исполнением планов. Планирование деятельности всех частей общественного организма есть чисто коммунистическое средство сохранения единства общества, ограничения коммунальной стихии и хаоса, неизбежного без этого в большом скоплении людей. Планы определяют статус коллективов и их объединений в обществе в целом, а выполнение плана является основным показателем их деятельности. Обязанность руководства – заставить коллективы действовать в рамках планов. С чисто экономической точки зрения они могут быть нерентабельными, но они что-то делают полезное и дают трудоустройство определенному числу граждан. И это оправдывает их существование. Коллективам и руководству предоставляется инициатива, но в рамках планов и с целью их осуществления. Ослабление плановости коммунистического общества ведет к возникновению неподконтрольных явлений, хаосу, преступности.

Планирование само по себе еще не гарантирует гармоничность общественной жизни. Относительная гармония достигается ценой огромных потерь и лишь как доминирующая тенденция в массе других, ведущих к хаосу и неподконтрольности. Планирование само порождает явления противоположного порядка. Поскольку судьба коллективов не зависит непосредственно от результатов их деятельности, они изобретают различные средства обхода планов, обмана властей и очковтирательства. Нарастает фиктивное выполнение планов при одновременном фактическом невыполнении. Плюс к тому – незапланированные события и меры властей, ведущие к отклонению от планов. Но несмотря на это планирование остается абсолютной необходимостью жизнедеятельности коммунистического общества. Ликвидация его привела бы к полному краху. Оно несмотря ни на что удерживает общество в рамках единства.

В реальной жизни учреждения и предприятия приспособляются к условиям плана, добиваются некоторой свободы действий, тем самым фактически осуществляя децентрализованное поведение. Начальство обычно смотрит на это сквозь пальцы. Лишь бы в отчетах все выглядело нормально. Карательные меры принимаются в исключительных случаях.

Коммунистическому государству принадлежит также функция реформаторства и прогресса. Это обусловлено самим положением и ролью руководства. Руководство не просто захватывает эту функцию из каких-то эгоистических соображений, а вынуждается на это всей организацией жизни общества. Здесь все значительные преобразования осуществляются как решения свыше. Кроме того, руководство здесь выполняет функцию прогресса не из любви к прогрессу как таковому и не из желания облагодетельствовать массы граждан, а из соображений самосохранения и сохранения общества, в котором они занимают привилегированное положение. Ведь и короли стремились сохранить свои королевства не из любви к подданным, а из желания сохранить свою корону. Наконец, в коммунистическом обществе даже для сохранения данного состояния требуется производить какие-то улучшения во избежание деградации. Поэтому здесь борьба против тенденции к деградации принимает форму насильственных реформ сверху. При этом властям приходится преодолевать косность и инертность масс населения.

Интеллект власти

Коммунистическое государство образует своего рода интеллект (мозг) общественного организма. Но оно само для этого нуждается в интеллектуальных средствах. Эти средства образуются из того образования, которое получают индивиды, включаемые в систему власти. Во власть, попадают далеко не лучшие в интеллектуальном отношении индивиды. И образование, которое они получают, является далеко не первоклассным. Так что образовательный и интеллектуальный уровень массы представителей власти значительно ниже образованной и творческой части населения. Однако он выше уровня, большинства населения страны. В послевоенные годы он, значительно вырос.

Важным элементом интеллекта власти является идеология. До начала кризиса советская идеология служила своего рода инструкцией для высших властей. В сталинские годы идеология вообще имела явно нормативный характер. В послесталинские годы эта нормативность несколько ослабла. Но тем не менее идеология оставалась теоретическим орудием деятельности высшего руководства страны. Когда советские вожди говорили, что они действовали в соответствии с учением марксизма-ленинизма, Они не лицемерили. Марксизм-ленинизм на самом деле был для них руководством к действию. В нем на самом деле содержались идеи, которые позволяли давать оценку исторического процесса, подтверждавшуюся в основных чертах на практике. В распоряжении представителей власти, далее, имеется большое число помощников и советников, специально выполняющих интеллектуальные функции. Они поставляют нужную информацию, готовят речи, подсказывают

мнение по самым различным вопросам. Интеллектуальный уровень массы этих помощников и советников выше уровня тех, кого они обслуживают. Но не очень-то значительно. Эти должности являются сравнительно привилегированными, и на них в массе пробиваются наиболее ловкие, но отнюдь не наиболее умные претенденты.

Наконец, отдельные специалисты и целые исследовательские учреждения используются в интересах государственного интеллекта особыми подразделениями и лицами стержневого аппарата власти, до сих пор – партийного аппарата. Это – одна из важнейших его функций. Стержневой аппарат власти обеспечивает объединение разрозненного интеллекта общества в единый интеллект государства.

Интеллектуальная жизнь государства является весьма обширной по объему. Заключается она в сборе и обработке информации всякого рода, в сочинении инструкций, решений, речей и всякого рода исторических документов вроде конституций и программ. Поскольку работа в интеллектуальном аппарате государства дает целый ряд привилегий, отбираются и проникают в него далеко не лучшие представители мыслящей и образованной части общества. Но в него проникают и способные люди. Кроме того, используются и результаты деятельности способных людей. В сочетании с большим числом людей, вовлеченных в дело, это дает сравнительно высокий потенциальный уровень интеллекта государства. Но он занижается самими представителями власти, от которых зависит организация и использование его. В практическом исполнении он выглядит довольно убого. Возможны отдельные вспышки интеллекта. Например, в брежневские годы в КГБ, руководимом Ю. Андроповым, был постигнут довольно высокий уровень в отношении познания ситуации на Западе.

Воля власти

Коммунистическое государство обладает, естественно, и волевыми функциями. С этой точки зрения оно мечется между двумя крайностями – между волюнтаризмом и приспособленчеством. Эти крайности воплощаются в двух стилях руководства. Первый тип – волюнтаристский. При этом власть стремится принудительным порядком заставить общество жить так, как того хочет высшей власти. Наиболее адекватное выражение он нашел в сталинском руководстве. Второй тип – приспособленческий, или рутинно-бюрократический. При этом высшая власть приспособливается к тому образу жизни, какой ведет обществом в силу его объективных закономерностей. Наиболее адекватное выражение он нашел в брежневском руководстве. Так что можно говорить о сталинском и брежневском стиле руководства и с этой точки зрения.

Разумеется, нельзя эти стили противопоставлять полностью. Любая власть имеет волюнтаристские (волевые) и приспособительные свойства. Приспособленческий, или рутинно-бюрократический аспект доминирует в повседневной деятельности власти, когда поведение людей предопределено законами, инструкциями, традициями и навыками. Волюнтаристский аспект

преобладает тогда, когда приходится принимать решения в отношении дел, не предусмотренных инструкциями, экстраординарных, связанных с ответственностью за последствия и риском.

Ситуация выработки, принятия и исполнения решения есть необычайно сложное явление. В нее вовлекается большое число людей, занимающих различное положение в обществе и имеющих различные интересы. Это – реальная жизнь людей со всеми ее атрибутами. Тут завязывается узел сложных взаимоотношений, который может быть либо распутан по правилам бюрократической рутины, либо разрублен мечом волевого решения. И в том и в другом случае есть своя система правил. Одна из них порождает тупой консерватизм, безынициативность и безответственность, а другая – авантюризм и катастрофические скороспелые решения.

Подавляющее большинство действий властей совершается в соответствии с инструкциями. Инструкции упрощают интеллектуальную работу представителей власти и снимают с них персональную ответственность за последствия их действий. Инструкции строятся так, что всегда находятся лазейки в интересах тех, кто ими пользуется. Их легко отменять и заменять другими. Множество текущих устных и письменных распоряжений вообще делает систему инструкций довольно неопределенной. Случаи несоблюдения властями своих же инструкций являются столь же обычным явлением, как и следование им.

Система инструкций дополняется системой установок. Установка есть решение органа власти, обязывающее нижестоящие органы власти и вообще определенный круг подчиненных совершать какое-то множество действий с заданной ориентацией. Им задается эта ориентация, но предоставляется свобода выбора конкретных мер по ее реализации. Установка точно так же может быть отменена и заменена на другую. Исполнители ее имеют возможности уклоняться от нее или делать вид, будто следуют ей, делая на самом деле нечто другое, порою – противоположное ей. Установки различаются по степени важности, широте, продолжительности действия. Некоторые из них касаются всей страны и на длительный период. Такими были, например, установки на коллективизацию и индустриализацию страны в сталинские годы, на гласность – в горбачевские годы.

Установка выражает цель власти. Для коммунистического общества такого рода цели являются необходимым элементом их нормальной жизнедеятельности. Оно не может длительное время существовать без них. Если целевая установка теряется, система власти и общество в целом приходят в состояние растерянности. Причем более важным является наличие установки, а не то, выполнима она или нет. В докризисные годы такую роль эпохальной установки играла ориентация страны на построение «полного коммунизма» как общества всеобщего благополучия.

При принятии решений, затрагивающих интересы представителей различных звеньев власти, имеет место согласование этих решений в среде лиц, как-то причастных к делу. Цель согласования – не нахождение некоего наилучшего варианта решения какой-то деловой проблемы, а нахождение наилучших взаимоотношений между людьми, участвующих в ситуации решения. Интересы дела, играют тут роль второстепенную. Процедура согласования

часто (если не как правило) есть длительный и болезненный процесс. Даже в экстренно-важных случаях она затягивает и порою срывает принятие решений. Волонтаристские методы в таких случаях кажутся благом. Часто они являются единственно возможным выходом из положения, причем – не наилучшим. Авантюристость действий властей тут уживается с осторожной бюрократической волокитой.

Одним из свойств коммунистической власти является система секретности и дезинформации. Политика гласности, начатая Горбачевым, не ликвидировала эту систему, а лишь изменила ее форму и ориентацию. Предметом гласности стало то, что не затрагивало повседневную деятельность аппарата власти или вышло из-под его контроля.

Коммунистическое государство как в волонтаристской, так и в рутинно-бюрократической форме стремится к тому, чтобы подвластное население послушно соблюдало установленный порядок и выполняло его (государства) волю. Однако оно само в силу его размеров и условий деятельности составляющих его индивидов вынуждается на нарушения установленного порядка и на несоблюдение своей же воли. Одно дело – требования государства как целостной системы. И другое дело – поведение составляющих его индивидов. Служа интересам организации общества в его качестве целостной системы власти, государство как множество индивидов становится главным источником дезорганизации общества. По этой линии в ситуацию кризиса вливается не просто ручеек, а мощная река.

Социальный хамелеон

При рассмотрении значительных событий в жизни коммунистического общества надо установить, что в этих событиях является неподконтрольным власти и что является результатом их провокации. Причем соотношения этих факторов могут быть различными. Провокация может породить стихийность, стихийность может быть усилена провокацией. В самих действиях власти в свою очередь надо различать то, что вынуждено давлением снизу и не соответствует ее желаниям, и то, что является результатом желаний самой власти.

В какой форме и в какой мере власть превращает вынужденные ответные меры в преднамеренную операцию, зависит от обстоятельств. Принцип власти тут таков: из любой плохой ситуации надо извлечь пользу, любое поражение надо превратить в победу. С точки зрения коммунистической власти любой ход событий может быть превращен в операцию власти, если только ей удастся внедриться в него и взять его под свой контроль. Нет плохих результатов хода событий, есть лишь плохое использование его и плохое руководство им.

К сказанному следует добавить еще и то, что связано с функционированием самого механизма власти как особого социального феномена. В отношении к нему не столько трудно найти однозначное объяснение причин, мотивов и намерений властей, сколько это сделать в принципе невозможно, не впадая в ошибки. Дело в том, что все более или менее значительные действия властей в коммунистическом обществе в принципе неоднозначны и неустойчивы с

точки зрения их мотивации, намерений и интерпретации. Совершенно незначительное явление здесь может послужить толчком к принятию важного решения. Затем этот исходный мотив может вообще исчезнуть и быть забытым, уступив место мотивации иного рода, возникшей уже в ходе принятия и даже исполнения решения. По мере осуществления мероприятия могут измениться его мотивация и цели. То, что получается в результате осуществления решения, вообще может отличаться от того, что было задумано в самом начале, и все компоненты ситуации решения могут быть пересмотрены и заменены новыми. В процессе выработки, принятия и исполнения решения возможно возникновение новых намерений и забвение прежних. Причем все это облекается в словесные формы, которые обычно не совпадают с существом дела. В языке власти есть много такого, что имеет различный смысл для самих участников аппарата власти и посторонних наблюдателей. Все то, что воплощается в официальных документах, выходит на страницы прессы и потом входит в исторические книги, на самом деле есть лишь одна из возможных интерпретаций прошлого, обычно мало что общего имеющая с тем, как протекал процесс такого рода.

Общественный порядок

Те функции, которые общи коммунистическому государству с другими типами государства, оно выполняет как государство коммунистическое со всеми вытекающими отсюда последствиями. Возьмем, например, функцию поддержания общественного порядка. Она здесь перерастает в тотальный контроль за населением со стороны органов государственной безопасности и в массовые репрессии, так что задача охраны общественного порядка отходит на задний план и становится вообще производной от порожденной ею функции насилия государства над обществом. Для этой цели тут создается мощнейшая система карательных органов и мер. Этот аспект деятельности коммунистического государства хорошо известен в мире. Он даже непомерно раздут. Так что нет надобности об этом говорить еще раз.

Поддержание общественного порядка есть функция всякого государства. Но понятие такого порядка различно в обществах различного типа. Например, забастовки на заводах и демонстрации, не предусмотренные властями, не считаются нарушением общественного порядка в странах Запада. В коммунистических же странах в период их нормального состояния они запрещены. Так что общая функция сохранения порядка принимает здесь специфически коммунистическую форму. Здесь важно то, как понимается общественный порядок, какие он имеет основания в самой социальной организации общества и какую силу приобретают органы общественного порядка над населением страны.

Понятие общественного порядка отражает реальные условия жизни населения страны. Органы порядка возникают из реальной потребности населения. Но как понятие порядка, так и органы порядка не являются лишь пассивным отражением и исполнением воли народа. Они складываются в самостоятельные феномены, навязываемые обществу сверху и силой. Тут

имеет место сложный исторический процесс, в котором происходит совпадение различных линий эволюции и аспектов жизни общества, а также изменение ролей участников процесса. Дело не обстоит так, будто некие беспристрастные исследователи изучают условия жизни людей и опрашивают их об их потребностях. Общество исторически структурируется в ожесточенном борьбе масс людей за их место в жизни, и люди редко отдают себе при этом отчет в том, что получается в результате их совместных усилий. Когда же процесс более или менее завершается с определенным результатом, бывает уже поздно думать о некоей справедливости. Государство с его органами порядка и с представлениями о том, каким порядок должен быть, превращается в реальную силу, властвующую над населением. Представления о порядке теперь навязываются населению как представления государственные.

Такое «оборачивание» не является тут историческим исключением. В древней Руси население призывало князей с дружинами защищать их от внешних врагов и охранять внутренний порядок. Но князья быстро превращались в господ. Русская государственность вообще сложилась прежде всего не из некоего раскола на антагонистические классы, как полагает марксизм, а именно из потребности в охране общественного порядка и в защите данной человеческой общности от внешних нападений. Не думаю, что это – чисто русская особенность. Это – общая закономерность. Главную опасность для существования коммунистического левиафана внутри страны представляет образование неподконтрольных граждан, групп граждан, организаций, процессов. Все неподконтрольное ведет к образованию в теле социального организма разрушительных и дезорганизирующих явлений и тенденций. В обществе имеются средства исключать такие неподконтрольные явления и без участия властей. Это – прикрепление к месту работы и жительства (система прописки), ограничение передвижений, сведение к минимуму заработной платы, дефицит предметов потребления, очереди, бюрократическая волокита, система распределения благ и т. д. Однако эти средства не абсолютны и не всеобъемлющи. Условия жизни порождают всеобщее недовольство, преступность и прочие негативные явления. Органы и меры общественного порядка создаются также и потому, что население своими силами неспособно удержаться в рамках естественных норм. Нормы жизни порождаются в самой социальной организации. Но они действуют как нормы поведения людей и постоянно нарушаются. Органы насилия и порядка возникают как отчуждение стремления массы населения к соблюдению норм. Они вырастают как необходимый элемент самой социальной организации в реализации естественных принципов организации. Насилие над населением и карательные меры есть необходимое условие функционирования самих фундаментальных принципов социальной организации.

Возьмем, например, принуждение к труду. По идее гражданин коммунистического общества имеет только одну возможность приобрести средства существования, а именно – работая в каком-либо первичном коллективе. Кто не работает, тот не ест. И если человек уклоняется от этого, значит, он незаконными путями добывает средства существования, значит, он преступник. Он должен быть прикреплен к какому-то коллективу. Человек, не

прикрепленный к коллективу, опасен для общества. Его поведение трудно контролировать. Однако общество по самым различным каналам создает возможность для сравнительно большого числа людей существовать, не будучи членами деловых коллективов. Задача органов порядка – следить, чтобы число таких людей и их доходы держались в каких-то допустимых рамках. Автоматически это не делается. Условия жизни дают лишь основу для определенного порядка, но реализуется последний в деятельности специально уполномоченных на то граждан.

Той же цели служит форма вознаграждения за труд. Уровень вознаграждения должен быть таким, чтобы человек не смог сделать больших сбережений, которые позволили бы ему оторваться от коллектива. Человек должен быть закрепощен постоянно. Человек обречен всю жизнь сражаться за постепенное улучшение условий своего существования, оставаясь членом коллектива и подчиняясь его законам. Человек должен быть занят настолько, чтобы у него не оставалось времени, сил и средств на деятельность, угрожающую установленному порядку. Однако общество; одновременно порождает бесчисленные возможности для значительной части граждан добывать больше благ, чем это допускается их социальным положением и нормами распределения. Задача органов порядка и в этом удерживать общество в определенных рамках.

Аналогично обстоит дело с прикреплением граждан месту жительства. Нормой здесь является то, что получение жилья и улучшение жизненных условий зависит от коллективов и от властей. Здесь государство и коллективы распоряжаются жилым фондом, и это становится сильнейшим средством контролировать людей и держать их в узде. Вместе с тем возможности нарушения общественных норм такого рода в коммунистической стране оказываются колоссальными. И предохранить общество от этого без органа порядка невозможно.

Но возникнув, органы порядка приобретают самодовлеющее значение, как и государство вообще. Они приобретают силу, позволяющую им рассматривать себя не как слуг, а как хозяев общества. И в обществе нет постоянна действующих ограничителей их произвола.

Народ и власть

На Западе широко распространена концепция советского общества, согласно которой советское население разделяется на угнетаемый народ и угнетающее ей правительство. Советский строй держится на насилии и обмане. Советский народ ненавидит свой строй и свя власть и ждет момент, когда он их может сбросить. Ее советскому народу дать возможность свободного выбора, он выберет социальный строй западного типа. И так далее в том же духе.

Бесспорно, насилие и обман играют свою роль в советском обществе. Бесспорно, население недовольно своим положением и не отказалось бы от благ западных стран. Но назовите мне нормальное общество, в котором так или иначе не использовалось бы насилие и обман! Назовите мне большую страну, в которой все довольны своим положением! В советском обществе

есть нечто другое, что определяет все стороны его жизни, в том числе – тип насилия, тип обмана, тип недовольства. Это – его реальная социальная структура. То, что называют советским режимом, есть естественная организация многих миллионов людей в единый социальный организм. Эту организацию просто невозможно сбросить, не разрушив общество до основания физически. Здесь власть отделить от народа практически невозможно. Здесь фактически в систему власти вовлечено почти все взрослое здоровое и активное население. Советский народ социально не однороден. Посчитайте, сколько здесь мини стров, генералов, профессоров, офицеров, директоров, заведующих, партийных чиновников... Здесь число людей, занимающих руководящие посты, таково, что из них и их семей можно образовать целое государство размером с Францию, Англию или Западную Германию. А число людей, не занимающих официальных постов, но наделенных некоторой долей власти, сосчитать невозможно. Возьмите любое советское учреждение и посмотрите, как оно организовано в реальности, и вы увидите, что такое советская власть в действительности. А если вы примете во внимание организацию многих учреждений в целом, вы увидите, какая густая сеть власти пронизывает все общество. Чтобы разрушить эту систему власти, нужны достаточно серьезные исторические основания и время. На это нужны века, если рассчитывать на чисто внутреннюю эволюцию советского общества.

Экономика

Как я уже говорил выше, главная специфическая функция коммунистического государства – установление характера и меры участия каждой части общественного организма в его жизни как органического целого, контроль за их деятельностью, принуждение к этой деятельности, контроль за соблюдением норм жизни коллективами и отдельными гражданами. Эта функция охватывает прежде всего управление хозяйством страны, – экономикой.

Общепринято, что капиталистическая (западная) экономика отличается от коммунистической как стихийно-рыночная от планово-государственной. И стоит теперь, каким-то оппозиционерам или новым правителям в «социалистических» странах заявить о переходе к рыночной экономике, как на Западе (да и в этих странах) расценят это как переход от коммунизма к капитализму. А между тем такого рода заявления суть бессмысленные лозунги, рассчитанные на простаков, или безответственная демагогия. Западная экономика не на все 100 процентов является рыночной. Не знаю, какова доля западной экономики, функционирующей вне рыночных отношений. Но думаю, что она значительна. К тому же само понятие «рыночная» стало многосмысленным и неопределенным для капиталистического мира. И в коммунистической экономике не все охвачено государственным контролем и планом. И опять-таки трудно подсчитать, какой процент экономики функционирует по законам, по крайней мере близким к законам рыночной экономики. И в западной экономике централизованное

управление и планирование играет роль огромную, а в коммунистической экономике имеет места отклонение от планов, неподконтрольность, стихийность и хаос. И в западных странах имеют место вложения капиталов без расчета на прибыль, а в коммунистических странах работу многих предприятий оценивают с точки зрения прибыли.

Есть два подхода к производственной деятельности людей и предприятий, – экономический и социальный. Я всякая организация производства и вообще деловой жизни общества осуществляется в соответствии с экономическими принципами. Экономические критерии основываются на соотношении затрат на какое-то дело и его результатов. Если есть количественное выражение тех и других, то отношения этих величин дает величину, характеризующую экономическую эффективность производства. Экономические принципы имеют целью так организовать дело, чтобы экономическая эффективность была как можно более высокой или по крайней мере не была ниже некоторого минимума. Это буквально суть принципы экономии трат и выгоды. Социальные же критерии основываются на том, в какой мере деятельность предприятий соответствует интересам целого общества или какой-то его части. При этой предприятиям устанавливаются определенные рамки деятельности, включая источники сырья и сферу сбыта продукции. И эффективность их характеризуется тем, насколько успешно они придерживаются установленных для них норм. Главным, подчеркиваю, здесь является не экономическая эффективность отдельных предприятий, а интересы целого, причем – не обязательно экономические. Например, коммунистические предприятия должны обеспечить работой и тем самым дать источники существования максимально большому числу людей, в принципе исключив безработицу.

В капиталистическом обществе доминирует экономический подход к производственной деятельности людей, в коммунистическом – социальный. Они не совпадают. Коммунизм имеет более высокую степень социальной эффективности сравнительно с капитализмом, но более низкую степень экономической эффективности. Социальная эффективность экономики характеризуется многими факторами. Среди них – способность существовать без безработицы и без ликвидации экономически нерентабельных предприятий, сравнительно легкие условия труда, способность ограничивать и вообще не допускать избыточные предприятия и сферы производства, не являющиеся абсолютно необходимыми, способность сосредоточивать большие средства и силы на решение исторически важной задачи – милитаризация страны и другие.

Повторяю и подчеркиваю, что для предприятий в коммунистическом обществе нет необходимости быть рентабельными экономически, достаточно быть социально оправданными. Они должны удовлетворять в первую очередь внеэкономическим требованиям. Их судьба зависит от решений управляющих органов. С чисто экономической точки зрения все сто процентов коммунистических предприятий, взятых по отдельности, являются нерентабельными. И все же они существуют. Какие из них считать экономически нерентабельными, это решают управляющие органы, а не принципы выживания вроде тех, по каким существуют предприятия в

обществе капиталистическом.

Понятие производительности труда людей в экономическом смысле имеет в коммунистическом обществе весьма ограниченное значение. Огромное число граждан общества выполняет свои обязанности более или менее удовлетворительно. Это – чиновники, учителя, врачи, ученые, офицеры, писатели, журналисты, директора, заведующие. Они работают так, как позволяют им обстоятельства и как это нужно, чтобы считаться нормальным работником и как-то улучшать условия своей деятельности и быта. Призывы повышать производительность труда в отношении к ним лишены смысла. Они имеют смысл лишь в отношении всей системы, в которую они включены. А эффективность системы зависит от факторов социальных в первую очередь и лишь в малой степени от факторов экономических.

Сфера экономики, как и любая другая, подвержена действию привентации. Конкуренция здесь сведена к минимуму.

Деньги

Общеизвестна ситуация с деньгами в коммунистических странах. Они не являются конвертируемыми и имеют постоянную тенденцию к инфляции. Руководители коммунистических стран постоянно грозятся сделать валюту своих стран конвертируемой. Ту же иллюзию разделяют и оппозиционеры. И даже на Западе есть энтузиасты, надеющиеся на это. Но валюта коммунистических стран в принципе ни может стать такой же, как валюта стран Запада. И дело тут не в плохой политике. И не в некоем «золотом обеспечении» бумажных денежных знаков. В Советском Союзе золота и драгоценностей не меньше, чем в западных странах, а рубль все равно не является конвертируемым. Коммунистическую страну можно завалить золотом и бриллиантами, а «деньги» все равно останутся такими же. И инфляцию это не остановит. Дело в закономерностях самого коммунизма.

Как известно, марксизм свел сущность денег к функции выражения стоимости товаров. Но эта функция денег не является единственной, а в коммунистическом обществе, она вообще не является главной. Здесь главная функция денег – служить мерой учета труда, мерой вознаграждения за труд, средством распределения благ, средством учета и планирования деятельности учреждений и предприятий. В этой функции деньги суть знаки, не предполагающие никакого золотого обеспечения, как это вроде бы имел место для денег в их функции мерила и выражения стоимости. При этом деньги в значительной мере вообще могут оставаться чисто символическими (например, в случае безналичных расчетов). Государство в принципе выпускает денежные знаки в зависимости от потребностей хозяйственных расчетов и оплаты труда граждан. В идеале денежных знаков должно функционировать ровно столько, сколько нужно для этого. Но – лишь в идеале. В реальности имеется огромное число факторов, не учитываемых в идеале и порождающих тенденцию к отклонению от него. Среди них можно назвать такие, как неравномерность и разнообразие в распределении продуктов по торговой сети, разнообразие граждан в трате денег, спекуляция,

черный рынок, изменения в экономической конъюнктуре и т. д. Мыслимо некое идеальное коммунистическое общество, в котором вообще нет денежных знаков. Марксисты мыслили такое общество как общество изобилия, где люди все будут иметь по потребности. Опыт же показал, что не изобилие, а крайняя бедность является наиболее адекватной реализацией марксистского идеала. Приближением к идеалу безденежного общества является карточная система, нормированное распределение предметов потребления, закрытые распределители, армия, тюрьмы, лагеря, натуральный обмен. В гигантском же обществе из многих миллионов людей, занимающих различные социальные позиции и ведущих разнообразный образ жизни, осуществить безденежный учет труда и потребностей граждан – дело довольно трудное, если это вообще практически возможно. Даже во время войны, когда жизнь страны была предельно упрощена, деньги сохраняли какое-то значение. Государство стремится сохранить устойчивость денежных знаков, что похоже на устойчивость денег в западных странах. Но только похоже, так как основы устойчивости принципиально различны.

И механизмы цен в коммунистическом и капиталистическом обществе принципиально различны. Во втором это суть законы экономические, в первом – внеэкономические. Тут имеет место политика, а не экономика цен. Ценообразование тут есть функция государства. При этом учитываются многочисленные факторы, включая и экономические. Но последние здесь играют роль подчиненную. Здесь допущение некоего «рыночного» механизма цен, независимого от воли государства, ведет в конечном счете к росту преступности и к усилению хаоса в государственной экономике, в том числе – к инфляции и дезорганизации системы распределения.

Надо опять-таки различать абстрактную схему ценообразования, которая отражает скрытую закономерность и тенденцию, и то, что происходит в реальности, т. е. проявление абстрактной закономерности в конкретных условиях. Пусть измерение происходит в каких-то единицах, имеющих видимость денег, допустим – в неких рублях. Пусть имеется некоторая категория предметов потребления, которую можно считать основной (хлеб, молоко, масло, соль, мыло, школьные тетради и т. п.). Пусть месячная зарплата основной категории граждан составляет 200 рублей («средняя» зарплата). Цены на упомянутые продукты устанавливаются государством не в зависимости от конкуренции (которой нет) производящих их фирм и от общей ситуации на «рынке», которого тоже нет, а в зависимости от возможности граждан приобретать их в рамках упомянутой зарплаты, т. е. в зависимости от покупательной способности населения. В результате возможно и на самом деле имеет место такое положение вещей, когда на производство этих предметов потребления тратится средств больше, чем выручается в результате их продажи. Это – наглядный пример различия экономических и социальных факторов. Всякие попытки следовать экономическим критериям (т. е. продавать товары в соответствии с затратами на них и извлекать из продажи прибыль для тех, кто их производит) ведут к дезорганизации экономики, к инфляции, к возникновению «левой» экономики. В длительном и мучительном процессе жизни находится какой-то компромисс, но, как правило, – в пользу социальных критериев.

Догонять или не догонять Запад

Идеологи коммунизма, не имевшие ни малейшего представления о том, каким будет реальный коммунизм, были искренне убеждены в том, что коммунизм обладает неограниченными способностями к прогрессу и быстро превзойдет капитализм в сфере экономики. С первых же дней существования Советского Союза был выдвинут лозунг догнать и перегнать передовые капиталистические страны в сфере экономики. В сталинские годы этот лозунг казался реальным. Тогда все начинали с нуля, и в процентном выражении успехи страны производили ошеломляющее впечатление. А «железный занавес» позволял создавать такое впечатление о ситуации на Западе, что массы советских людей невольно поверили в пропагандистские лозунги. Кризис конца двадцатых и начала тридцатых годов на Западе добавил свою долю в укрепление этих иллюзий.

В послевоенные годы началось отрезвление. Развеялись иллюзии насчет «догнать» и тем более «перегнать». Горбачевское руководство уже открыто отказалось от лозунга «перегнать», выдвинув задачу поднять советскую экономику на уровень высших мировых стандартов, да к тому же ускоренными темпами. И это – почти через семьдесят лет после революции и через сорок лет после окончания мировой войны! Конечно, и горбачевский лозунг оказался несбыточной утопией. Но он интересен как фактическое признание неспособности коммунизма конкурировать с капитализмом в сфере экономики, причем – признание на высшем уровне власти, а также как показатель растерянности руководства и идеологии страны перед лицом этой исторической необходимости.

А между тем особых оснований для паники не было. Достаточно было признать бессмысленность самой идеи соревнования с капитализмом в той сфере, где он наиболее силен.

Коммунистическое общество обладает своими средствами поднимать экономику до некоторого свойственного ему уровня, поддерживать порядок в экономике и даже осуществлять какой-то прогресс. Эти средства суть средства неэкономические. И они уже были неоднократно использованы, причем – успешно. Назову основные из них. Это – принудительность труда, тотальный контроль, карательные меры, низкая заработная плата, минимизация средств потребления, минимизация сферы обслуживания, исключение избыточных сфер производства, создание привилегированных условий для особо важных предприятий и программ, хищническое использование природных ресурсов, полурабские формы труда. Используются и материальные стимулы. Но они имеют так же мало общего с экономическими стимулами на Западе, как советские деньги с западной валютой.

Предприятия и учреждения в коммунистической стране могут работать лучше, чем раньше. Экономические условия могут быть улучшены. Но это может быть достигнуто и без повышения экономической эффективности производства. Мировой уровень производительности труда и эффективности производства в западном смысле для советского общества в обозримом

будущем недостижим в принципе. Коммунизм шел и в будущем пойдет своим путем в экономике. Идея догнать Запад в экономическом отношении есть идея идеологическая, а не экономическая.

Но есть другие аспекты во взаимоотношениях со странами Запада, которые тоже называют словом «экономика», но которые являются внеэкономическими. Это – технологический и бытовой аспекты. Советский Союз по целому ряду причин, среди которых важнейшей является необходимость обороны, вынужден тянуться за Западом в сфере технологии. Своими силами подняться на уровень Запада в этом отношении и тем более внедрить технологические достижения в серийное производство коммунистические страны неспособны. Это ставит их в невыгодное положение во взаимоотношениях с Западом и вынуждает на поведение, чуждое природе коммунизма. И в смысле материального уровня жизни коммунистические страны неспособны подняться на уровень Запада в силу свойств коммунизма. А Запад породил в этом отношении колоссальные соблазны, заражая ими коммунистические страны. Это действует деморализующе на них. Потребность догнать передовые капиталистические страны в сфере экономики есть прежде всего потребность парализовать деморализующее влияние соблазнов Запада на население коммунистических стран, улучшить бытовые условия и укрепить вооруженные силы. В коммунизме самом по себе не содержится никаких объективных стимулов экономического прогресса. Если бы не было Запада, ни о каком подъеме экономики и речи не было бы.

Сельское хозяйство

Положение с сельским хозяйством в Советском Союзе может служить классическим образцом переплетения факторов, связанных не только с природой коммунизма, но и с конкретными историческими условиями. Сваливать вину за его катастрофическое состояние на сталинскую политику и колхозы есть грубейшая фактическая ошибка. В сельском хозяйстве природа коммунизма и исторические условия, в которых коммунизм охватил деревню, сказались особенно болезненно. И несмотря ни на что, коллективизация не была всего лишь глупостью и преступлением.

Остановлюсь лишь на двух вопросах, связанных с сельским хозяйством. В сталинские годы был принят закон, по которому земля передавалась в вечную (!) собственность колхозам. Это был пропагандистский трюк, конечно. Но только. Это была попытка прикрепить людей к земле, деревне. Но ничего из этого не вышло. Остановить массовый бегство крестьян в города было невозможно. Политика индустриализации свела на нет этот трюк с «вечной собственностью». Об этом опыте не мешало бы вспомнить тем сегодняшним демагогам, которые призывают передать землю в собственность крестьянам. Суть дела тут не в том, что у крестьян отобрали собственность на землю, – таковой вообще не было. Суть дела в том, что крестьян в старом смысле слова уже нет, а те люди, что остались в деревнях, в массе своей землю в собственность просто не возьмут. Это невозможно сделать в силу

объективных условий нынешней деревенской жизни и ее отношений с жизнью городской.

Второй вопрос касается производительности труда частников и колхозов. Приобрело прочность предрассудка убеждение, будто продуктивность людей, работающих на своих маленьких приусадебных участках единолично, неизмеримо выше продуктивности колхозов. Такой вывод делается путем примитивной логической операции. Берется то, что производит один человек или одна семья на своем малюсеньком участке, и сравнивается с тем, что производит колхоз из многих десятков и сотен человек на огромной территории. Результат сравнения получается ошеломляющий. Но ошибочный, если это не есть умышленная фальсификация сути дела. При этом не принимается во внимание то, каких усилий стоит производство продуктов на единоличном участке. Если увеличить этот участок в несколько раз, это не значит, что во столько раз увеличится продуктивность этих людей. У них просто не хватит сил на это. Не принимается во внимание, далее, исключительность положения таких частников. Если число их увеличится в несколько раз, они утратят свои привилегии, и интерес к такому виду наживы пропадет. Не принимается во внимание расположение таких частных участков и многое другое, что делает сравнение бессмысленным.

Обычно критики советского сельского хозяйства ссылаются на западные страны (особенно – на США), где в сельском хозяйстве занято меньше людей, чем в Советском Союзе, и земли меньше, а производится продукции во много раз больше. Это действительно так. Но перенести опыт западных стран на советскую почву простым решением властей в принципе невозможно. Чтобы сделать тут нечто подобное, нужно разрушить коммунизм во всей стране, Дать свободу развития капитализму в деревне со всеми последствиями, о которых теперь не хотят говорить, и запастись историческим терпением на несколько десятков лет, если не столетий.

Колхозы, совхозы и различные государственные фермы суть естественный для коммунизма путь эволюции сельского хозяйства. Колхозы исчезнут, уступив место государственным предприятиям типа совхозов. Все прочие формы трудовой деятельности в деревне суть исторически преходящие меры. Они нежизнеспособны. Коммунизм с большими частными хозяйствами и фермами американского типа есть нонсенс, который приходит в голову безответственным болтунам, демагогам и дилетантам. Сказанное мною не следует понимать как апологетику советской политики в сельском хозяйстве. Это следует понимать как констатацию того, на что способен коммунизм. На другое он просто не способен. Со временем и в случае, если условия будут благоприятными, в деревнях будут созданы предприятия, подобные промышленным, и условия жизни работающих в них людей уравниются с таковыми городских работников. Но когда это будет? И|каким будет этот уровень?

Распределение

Официально считается, что граждане коммунистического общества вознаграждаются соответственно их труду. Но принцип вознаграждения по труду имеет очень узкую сферу приложения. В силу разнообразия видов деятельности единственным универсальным критерием сравнения: трудовых вкладов людей в общественное благосостояние становится сравнение людей по их социальным позициям и по их социальной ценности (значимости) вообще. Так что фактически действующим принципом вознаграждения за труд здесь является принцип «Каждому – по его социальному положению». Даже самое педантичное следование этому принципу порождает неравенство в распределении жизненных благ. Неизбежным следствием рассматриваемого принципа является также система социальных привилегий, т. е. тех преимуществ, которые человек в данной социальной позиции имеет сравнительно с нижестоящими. Кроме того, на этой основе развивается система коррупции и использования своего служебного положения в корыстных целях. Она фактически становится дополнительным средством распределения и перераспределения жизненных благ. В практической реализации для огромной массы людей рассматриваемый принцип распределения превращается в принцип «Каждый урывает для себя максимум того, что позволяет ему его социальное положение». Для этого люди объединяются в мафиозные группы по совместной эксплуатации общества в своих интересах.

Коррупция не есть нарушение некоторой социальной нормы. Она есть нарушение юридического закона, призванного охранять фактические нормы. Но она есть неизбежное следствие и проявление самого объективного принципа распределения благ. Отклонением от нормы является нарушение меры коррупции. Например, бывают случаи, когда для подчиненного складываются более благоприятные условия для взяток, чем для начальника, или подчиненный оказывается более ловким в отношении эксплуатации общества в своих интересах. Тогда его жизненный уровень оказывается выше, чем у начальника. Это не соответствует абстрактному принципу распределения благ и сознанию справедливости распределения. Такое отклонение от нормы должно быть как-то пресечено и даже наказано. В большинстве случаев коррупцию нельзя разоблачить, – она происходит в рамках юридических законов (например, взаимные услуги по знакомству). Ее разоблачают, когда она явно выходит за рамки закона, и появляются лица, заинтересованные в ее разоблачении и достаточно сильные для этого. А это не так-то просто. Иногда требуются усилия высших властей и аппарата государственной безопасности в течение многих лет, чтобы приостановить ее разгул.

Если богатством буржуазного общества являются деньги, то богатством общества коммунистического является прежде всего положение, занимаемое человеком в социальной иерархии. Формально высшие чиновники государства получают не такую уж высокую заработную плату сравнительно со многими другими категориями граждан. Но они имеют высокий жизненный уровень независимо от денег. Последние для них в значительной мере условны.

Обратите внимание, я уже много сказал о коммунизме, но лишь теперь упомянул о деньгах. Это не упущение. Деньги вообще играют в коммунистическом обществе иную роль, чем в обществе капиталистическом.

Распределение жизненных благ есть то, с чего граждане начинают познавать сущность своего общества. Неравенство в распределении прежде всего прочего порождает социальные эмоции. Люди, как правило, стремятся устроиться в жизни так, чтобы иметь как можно больше и лучше жизненных благ, тратя на это как можно меньше сил и избегая риска. Это естественно. Объективно действующая система распределения жизненных благ порождает в массе населения отсутствие заинтересованности в труде, в его лучшем исполнении, в добросовестности. Коммунистическое общество в принципе есть общество плохо работающих людей. Повышение производительности труда, на которое рассчитывали идеологи коммунизма оказалось одной из самых трудных проблем для этого общества в значительной мере из-за такого отношения к труду. Поэтому коммунизм вынужден прибегать к мерами внешнего принуждения и контроля, а также к созданию таких условий деятельности, в которых люди вынуждаются как-то исполнять свои обязанности под угрозой наказания и потери достигнутого.

Распределение жизненных благ есть функция государства. Но это – только в идеале. В реальности имеют место многочисленные каналы, неподконтрольные государству. Часть из них образуется благодаря соблюдению норм общества, часть – как отклонение от них. Государство борется с отклонениями от норм, но так, что нарушения принципа распределения усиливаются. Эти нарушения идут по двум линиям: 1) по линии усиления законного неравенства людей, находящихся на различных ступенях социальной иерархии; 2) по линии нарушения самого принципа распределения согласно социальной позиции граждан. Первое общеизвестно. Во втором случае получается так, что какие-то граждане ухитряются иметь жизненных благ больше, чем положено им по их положению в обществе, больше своих начальников и вообще лиц, занимающих более высокое положение в обществе. Обычно это достигается за счет уголовно наказуемых методов. Но часто это происходит вполне официально.

В распределении жизненных благ играют роль и другие факторы, кроме социального положения, а именно – престижность профессии, личные способности, трудовые усилия, дополнительные заработки, премии, блат, ловкость, благотворительность.

Идеологи коммунизма обещали построить общество всеобщего изобилия. На деле оно оказалось обществом дефицита всего необходимого для большинства населения. Но для некоторой части населения коммунистических стран реальный коммунизм оказался действительно обществом изобилия, – для высших и привилегированных слоев общества. Они действительно имеют все в изобилии, причем – даром или за условную цену. А используя свое служебное положение и личные связи, они имеют и сверх того, что они могли бы потребить сами. Разница в том, что имеют представители этих слоев и что имеют представители низших и даже средних слоев, оказывается колоссальной.

Кроме того, здесь присоединяется еще один фактор, усиливающий эту

разницу. Многими благами представители этих слоев пользуются, не владея ими как личной собственностью. Это – дачи, машины, санатории, поездки по стране и за границу. На содержание этих людей общество также тратит огромные средства, оплачивая обслуживающих их лиц и целые учреждения. Так что здесь нужно вводить новый критерий оценки богатства людей и сравнения их с этой точки зрения, а именно – во что обходится обществу содержание данной личности. А с этой точки зрения различие в тратах общества на представителей низших и высших слоев вполне сопоставимо с различием в наличных богатствах людей в капиталистическом обществе. Изменилась форма неравенства, но неравенство осталось.

Отмечу, наконец, что для коммунизма более опасен не дефицит и бедность, а относительное изобилие и богатство. Последнее усиливает материальное неравенство, порождает негативные страсти, разврат, цинизм, паразитизм. Материальные интересы становятся доминирующими, что ведет к морально-психологической деградации общества. Тлетворное влияние Запада, против которого в Советском Союзе боролись все годы после революции, не вымысел пропаганды, а реальная угроза существованию коммунизма. Это влияние идет главным образом по линии усиления материальных интересов. Причем в самой большой степени этому влиянию подвержены высшие слои общества. Моральное разложение советского общества началось прежде всего сверху.

Вместе с тем, и дефицит предметов потребления усиливает ценность материальных благ в глазах населения. Борьба за приобретение их любой ценой становится основным стимулом поведения огромной (если не большинства) массы населения. Стремление властей и идеологии навязать ей преобладание неких «духовных» интересов терпит крах. Лишь для незначительной части образованных и творческих личностей «духовные» интересы играют более важную роль, чем материальные, да и то лишь до тех пор, пока какой-то минимум удовлетворения последних гарантирован и не открылась возможность перейти в лучше обеспеченные слои.

Идеология

Коммунистическое общество держится на трех опорах: 1) стандартная социальная организация населения в первичные коллективы; 2) система власти и управления, густой сетью пронизывающая общество во всех измерениях; 3) единая государственная идеология и систематическая идеологическая обработка населения. Первые две опоры мы уже рассмотрели. Обратимся к третьей.

Надо различать идеологию как определенное учение идеологию как определенное состояние сознания граждан общества и общества в целом. Идеологическое учение есть(обобщающее и суммарное учение о мире, о человеческом обществе, о человеке, о познании мира человеком, об истории человечества, о будущем, о своей стране, короче говоря, – обо всем, что в данных условиях и в данной человеческой общности считается важным для осознания человеком самого себя и своего природного и социальной

окружения. Идеологическое состояние человека есть состояние его сознания в той мере, в какой оно касается тех же вопросов, о которых я упомянул выше. Оно складывается у людей под влиянием многочисленных факторов, – опыта жизни, общения с другими людьми, литературы, кино, газет, образования, а также влияния западной пропаганды. Разумеется, свою долю в это вносит идеологическая обработка населения.

Коммунистическая идеология претендует на то, чтобы считаться наукой. Но на самом деле она таковой не является. Цель науки – познание действительности. Задача идеологии – организация и стандартизация сознания людей, управление людьми путем формирования определенного типа их сознания, необходимого с точки зрения интересов самосохранения общества.

Коммунистическая идеология претендует на роль духов, ного пастыря людей. Но она не есть форма религии. Она принципиально отлична от религии. В нее вообще не верят. Ее принимают на тех же основаниях, на каких принимают социальный строй и систему власти. Ее вольно или невольно впитывают в себя, причем – независимо от того, как ней относятся. Когда на Западе говорят, что советские люди потеряли веру в марксизм-ленинизм, то говорят не что бессмысленное.

Принято думать, будто советская государственная идеология есть марксизм-ленинизм. Это верно лишь отчасти. Советская идеология имеет сложное строение. В ней можно выделить актуальную (т. е. постоянно используемую) и потенциальную (т. е. используемую лишь в особых случаях) части. Сочинения Маркса, Энгельса и их последователей, признаваемых в советской идеологии, входят в потенциальную идеологию целиком и полностью. Но далеко не все из них входят в актуальную часть. То, что извлечено в актуальную часть и переработано в ней, функционирует уже само по себе, без содержательной связи с контекстом исторического марксизма. Ссылки на Маркса и Энгельса делаются, но они носят уже сугубо формальный и даже ритуальный характер. В большинстве случаев они имеют целью поднять престиж изрекаемых банальностей или освятить авторитетом «величайших мыслителей» очевидную чепуху или бессмыслицу. Сочинения классического марксизма лежат на складах потенциальной идеологии. Их используют лишь специалисты. Но даже многое из того, что из марксизма вошло в актуальную идеологию и в ее ядро, уже не может на все сто процентов удовлетворить советскую идеологию.

Идеологическое учение есть лишь одно из средств для создания нужного идеологического состояния общества. В Советском Союзе для этой цели был создан грандиозный идеологический механизм. Он в основных чертах сложился еще в довоенные годы. Но нынешнего состояния он достиг в послевоенные годы, в особенности – после смерти Сталина. Его разрастание и непомерное усиление связано с именем Сулова. С точки зрения числа и качества людей, вовлеченных в работу идеологии, и с точки зрения затрат времени, усилий и средств на эту работу суловская идеологическая империя многократно превзошла сталинскую, уступив ей, однако, по другим качествам. В послесталинские годы была утрачена ясность, простота и общедоступность идеологического учения.

Идеологическая обработка людей есть основа и сущность процесса

формирования человека коммунистического общества и сохранения его в этом качестве. Этот процесс начинается с рождения человека, продолжается всю его жизнь и заканчивается лишь с его смертью. Цель его – создание и поддержание в нужном состоянии социального интеллекта общества как целого и интеллектуального стереотипа для членов общества по отдельности. Он включает в себя идеологическое образование, воспитание и вовлечение в идеологические действия.

Идеологическое образование есть ознакомление людей с идеологическим учением и развитие навыков идеологического мышления о явлениях, с которыми так или иначе приходится сталкиваться людям, а также ознакомление людей с событиями в стране и в мире, с достижениями науки и техники, истолкованными в духе идеологии. Само по себе это не есть оглушение людей. Идеологически образованный человек не становится глупее аналогичного ему во всех прочих отношениях человека. Цель идеологического образования – не просто привить людям определенные представления о себе и своем природном и общественном, окружении, но натренировать их мозги так, чтобы они даже при желании не смогли бы выработать иные представления. В результате прохождения этого курса упражнений все люди в случае надобности понимать какие-то новые явления действительности поступают сходным образом, – у них вырабатывается сходная интеллектуальная реакция на окружающее. Поэтому советские люди не сговариваясь и без подсказок со стороны начальства более или менее одинаково реагируют на события, происходящие в стран «и за границей, на научные открытия, на произведения искусства, даже на явления природы.

Задача идеологического воспитания – привить людям определенные качества, проявляющиеся в их поведении, важном с точки зрения признанных норм поведения в дан ном обществе. Не следует думать, что идеология стремится привить людям отрицательные качества – эгоизм, карьеризм, двуличие, продажность, ненадежность. Идеология стремится привить людям самые что ни на есть лучшие качества. И это не есть лицемерие. Если бы идеология к этому не стремилась бы и не выполняла бы это на самом деле, жизнь в обществе превратилась бы в сплошной кошмар и стала бы практически невозможной для масс людей. Стремление идеологии прививать людям положительные личные качества (честность, отзывчивость, скромности, правдивость, самоотверженность, ответственность перед коллективом и др.) выражает лишь стремление общества к самосохранению. Главным объектом идеологического воспитания является не отдельно взятый человек (индивид), а коллектив людей как единое целое. Идеологическое воспитание есть воспитание человека как члена коллектива. Воспитать коллектив – значит натренировать его жить функционировать как единое целое в соответствии с требованиями, которые общество предъявляет к социально здоровому коллективу. Коллектив должен быть способен своими силами обеспечить правильное исполнение этих функций.

Третий аспект идеологической обработки населения – вовлечение людей в идеологические действия. Задача этого вовлечения – сделать всех граждан общества соучастниками и сообщниками мероприятий, затеваемых на высшем уровне, возложить на всех людей ответственность за совершаемое и прививать

людям сознание ответственности за судьбы общества в целом. Это выражается в том, что все социально активное население страны принимает участие в бесчисленных общественных мероприятиях, – собраниях, демонстрациях, выборных кампаниях, общественной работе. Регулярно проводятся идеологические кампании, охватывающие целые районы, области, республики и даже всю страну. Эти кампании приурочиваются к каким-то важным датам, постановлениям высших властей и из ряда вон выходящим событиям. Цель их – заставить само население стать сообщниками властей в их действиях. От человека коммунистического общества требуется не покорность и послушание, а активность, но активность, желательная для власти. Ослабление этого аспекта идеологической обработки населения имеет неизбежным следствием усиление его неподконтрольной активности, которая перерастает в противодействие властям и в бунтарские порывы. Между прочим, массовые демонстрации и митинги, возникавшие в годы кризиса и направленные против властей, суть явления того же рода с точки зрения поведения масс, что и демонстрации и митинги, которые ранее организовывались и направлялись властями. Граждане коммунистических стран, подвергаясь идеологической обработке в пользу коммунизма, тем самым проходят школу антикоммунистического воспитания.

Нет надобности объяснять, каких огромных размеров достигает механизм идеологии, какое огромное число людей вовлечено в его деятельность в форме проповедников идеологии и объекта их деятельности, какие огромные усилия и средства тратит общество на идеологическую жизнь. Многим такой размах идеологической работы кажется неоправданным. Однако такое мнение ошибочно. Дело в том, что идеологическое состояние общества не есть сумма идеологических состояний отдельных индивидов. Это есть явление коллективное, массовое, совместное. Идеологический механизм со всей массой вовлеченных в его деятельность людей и массой идеологических действий и есть реальность идеологии как особого социального феномена, есть носитель идеологии. Без этого идеология просто не существует как нечто реальное. Идеология формирует и организует массовое сознание, но не просто в форме проповеди каких-то идей, а в форме идеологической организации самих масс.

Идеология претендует на то, чтобы безраздельно владеть душами людей. Но она не религия, и выполнить такую роль она в принципе неспособна. Она антирелигиозна. В силу исторически сложившихся условий она должна вдохновлять людей на борьбу с религией и церковью. Вместе с тем, она вынуждена идти на уступки им. В этом – одно из уязвимых ее мест. Идеология, далее, претендует на то, чтобы давать якобы научное объяснение всему тому, что входит в круг интересов населения. Она требует уважения к себе как к якобы высшему продукту познания и претендует на то, чтобы владеть умами людей. Но она не наука, и выполнить такую роль она в принципе не способна. Она не может конкурировать с наукой как явление интеллектуальное. Ее интеллектуальный уровень не соответствует таковому образованной части населения, которое не может испытывать искреннее уважение к ней. Поэтому для поддержания своего авторитета интеллектуального учителя и духовного наставника идеология нуждается в

силе, которую и дает ей идеологический механизм и его функционирование. И никакие реформы идеологии неспособны устранить необходимость идеологического принуждения. Идеологический механизм так же органически присущ коммунизму, как и государство.

Роль идеологии в коммунистическом обществе настолько огромна, что это общество можно считать идеологическим. Здесь нет возможности описать эту роль во всем объеме. Коснусь еще некоторых вопросов, непосредственно связанных с темой книги. Выше я уже говорил о роли идеологии для руководства страны. Идеология, далее, ставила перед советским обществом эпохальную цель – построение коммунистического земного рая. То, что цель была недостижима, играло роль второстепенную. Она играла роль не научного предсказания, а ориентировочную и организующую массовое сознание. Страна жила с сознанием великой исторической миссии, что оправдывало все трудности и несчастья, обрушивавшиеся на ее население. Возникновение такой эпохальной цели не является случайностью для коммунистического общества. Она является необходимым фактором в его жизни как органического целого. Она придает исторический смысл его существованию. Это – распространение принципа плановости и управляемости на всю последующую историю.

Другим важнейшим элементом советской идеологии докризисного периода была идея внешнего эпохального врага, неразрывно связанная с идеей будущего земного рая. Таким эпохальным врагом с первых же лет существования советского общества стало капиталистическое «окружение», и в первую очередь – капиталистические страны Запада. И опыт истории, казалось, полностью подтверждал эту идею. В годы гражданской войны страна пережила интервенцию со стороны Запада. В сталинские годы вся ситуация перед второй мировой войной и война с Германией давали убедительнейшее доказательство правоты идеологии. Союз со странами Запада в борьбе с гитлеровской Германией несколько ослабил эту идею. Но начавшаяся «холодная война» и мировые конфликты полностью восстановили прежнее отношение к Западу как к эпохальному врагу коммунизма.

Человеческий фактор

Вся совокупность условий жизни коммунистического общества, естественно, порождает тип людей, приспособленных жить именно в этих условиях. Хотя все средства воспитания и идеологической обработки людей и стремятся сделать из людей своего рода коммунистических ангелов, обстоятельства жизни оказываются сильнее призывов воспитателей, и в результате получают коммунистические дьяволы. Коммунистическое общество есть общество в массе плохо работающих, ненадежных, склонных к обману и прочим негативным качествам людей. Доминирующим в их поведении становится социальный расчет, т. е. поведение по законам коммунальности. Приведу поясняющий пример. Если директору завода предоставить возможность выбрать – некое новшество с экономической выгодой, но с риском для своего положения, или отказ от новшества с гарантией сохранения

и даже улучшения своего положения, то в массе случаев такого рода директор предпочитает второе.

Одна из труднейших проблем коммунизма – как сделать более или менее терпимое общество из плохого человеческого материала, как снизить значение человеческого фактора. Для этого имеются разнообразные методы. Помимо методов принуждения, контроля и наказания, тут имеет силу стремление сделать ход дела по возможности независимым от человеческого фактора или приспособить его к качествам занятых в нем людей. Следствием этого является более грубая и упрощенная технология, чем в странах Запада, сдерживание технологического прогресса вообще. Но все эти средства не в состоянии элиминировать роль человеческого фактора. Он так или иначе дает о себе знать. В будущем коммунизм выработает формы и средства деятельности, которые сведут к минимуму роль человеческого фактора. Это – один из источников исторической миссии коммунизма остановить безудержный прогресс, вдохновляемый капитализмом.

Общество как целое

Я рассмотрел отдельные аспекты коммунистического общества, причем – далеко не все. Это есть лишь одна, аналитическая часть задачи научного исследования этого общества. Все рассмотренные аспекты существуют не изолированно друг от друга. Они взаимосвязаны, воздействуют друг на друга. В результате их взаимодействия возникают явления, характеризующие общество как единое целое. Это, например, такие явления, как эффект системности, стабильность, выживаемость, скорость процессов, сопротивляемость среды, паразитарность, иммунитет и многие другие. Исследование их составляет задачу синтетической части исследования коммунизма. При этом должны быть разработаны способы измерения и вычисления характеристик общества как целого. Должна быть построена научная теория, удовлетворяющая требованиям современной науки, позволяющая давать точные оценки конкретных событий жизни коммунистических стран и делать достаточно надежные прогнозы.

Приведу пример, поясняющий сказанное выше. Пусть, например, по расчетам соответствующих учреждений на строительство некоторого объекта потребуется пять миллиардов рублей. Пусть расчеты произведены самым педантичным образом, как это делают на Западе. Но так как объект строится в коммунистической стране, должен быть принят во внимание особый коэффициент системности, вычисленный теоретически и проверенный на массе эмпирических случаев. Расчетная величина затрат на объект должна быть умножена на этот коэффициент. В результате можно предсказать заранее, что на строительство уйдет не пять, а не менее десяти миллиардов.

Нормальное состояние целого не есть всего лишь сумма нормальных состояний частей. Для этого еще нужна скоординированность частей, соблюдение их определенных пропорций. Тут имеются свои объективные нормы, нарушение которых ведет к ослаблению социального организма как целого. В течение всей советской истории постоянно происходило нарушение

этих норм. Это нарушение отчасти было вынуждено историческими условиями (подготовка к войне с Германией, война, «холодная война»), а отчасти было результатом деятельности государства. Самыми характерными примерами нарушения норм целостности могут служить непомерно сильное развитие военной промышленности и вооруженных сил, с одной стороны, и чрезмерное ослабление сельского хозяйства, с другой. Тот факт, что страна все же уцелела, несмотря на постоянные нарушения норм целостности, объясняется многими факторами, и в их числе тем, что эти нарушения компенсировались другими качествами коммунизма, его высокой степенью живучести.

При рассмотрении коммунистического общества как целого надо принимать во внимание многие явления, от которых можно было отвлечься в первой (аналитической) части исследования. Это, например, размеры страны, географические условия, состав населения, историческое наследие и т. д. Хотя эти явления и не учитываются в общем понятии коммунизма и в его общей теории, они сыграли существенную роль в образовании кризисной ситуации в Советском Союзе. Вот лишь один пример этому. В Советском Союзе к общим проблемам управления добавились особые, связанные с гигантскими размерами страны, разнородностью его частей и населения. Уже в брежневский период стало ощущаться несоответствие между сложившейся системой управления и необычайно усложнившимся и внутренне дифференцировавшимся управляемым телом общества. Это несоответствие могло быть ликвидировано либо путем деления страны на ряд автономных государств, либо путем перехода к некоммунистическим методам управления, либо путем препятствования дальнейшему прогрессу общества. Последний путь оказался наиболее подходящим. Он совпал с общей тенденцией коммунизма к застою, что и породило «застойные годы».

Стабильность

Понятие стабильности социального организма является довольно сложным. Оно охватывает такие свойства его, как способность сохранять некое нормальное (считаемое нормальным, допускаемое) состояние общества и способность возвращаться в это состояние в случае отклонения от него. Возможны различные варианты стабильности. Например, общество может обладать высокой способностью сохранять нормальное состояние, но, будучи выведено из этого состояния, с большим трудом возвращается в него. Другой случай – общество легко выходит из нормального состояния и легко возвращается в него. Варьируются и количественные характеристики. Каждый тип общества характеризуется своим типом и степенью стабильности. Насколько мне известно, серьезные научные исследования на этот счет еще не производились. Обычно ограничиваются очень общими и довольно неопределенными выражениями вроде «высокая», «низкая» и т. п. При этом вносят в суждения о стабильности оценочный момент. Характерный пример тому – высокую стабильность советского общества, обнаружившую себя в брежневские годы, назвали словом «застойность», вложив в него чисто

негативный смысл.

Стабильность не следует смешивать с выживаемостью. Предметы с высокой степенью стабильности разрушаются столь же часто, как и с низкой. Предметы с низкой степенью стабильности очень часто существуют дольше, чем с высокой. Продолжительность существования предметов зависит не только от их внутреннего состояния, но и от внешних обстоятельств. Общество может быть относительно прочным и устойчивым не благодаря внутренней гармонии, а благодаря слабости соседей и противников. Кроме того, из того факта, что данное общество стабильно, не следует, что оно хорошее. Из того, что данное общество нестабильно, не следует, что оно плохое. Общественный строй западных стран обладает сравнительно низкой степенью стабильности. Зато феодально-крепостнический строй в до революционной России по степени стабильности может конкурировать с советским строем.

Высокая степень стабильности предмета, в том числе – общества, не есть абсолютное добро, а низкая не есть абсолютное зло. Лист бумаги, лежащий на плоскости, занимает более стабильное положение, чем поставленный вертикально на острие карандаш. С повышением уровня организации социальной системы усиливается тенденция к снижению степени ее стабильности. Социальная система, в организации которой доминируют энтропийные процессы, обладает высокой степенью стабильности. Коммунистическое общество как раз является таким типом объединения миллионов людей в единое целое, в котором наиболее активные и влиятельные граждане стремятся занять наиболее безопасное для выживания, наиболее удобное для процесса жизни и успеха положение в самой системе организации людей, в их социальной структуре. По тем же принципам коммунистическое общество располагается в окружающей среде. Оно как бы течет по законам падения, проникая во все поры и щели окружающей среды и избирая наиболее доступное русло.

В качестве теоретической модели типа стабильности этого общества можно вообразить себе некоторую совокупность вогнутых поверхностей с дырами различного размера и расположения, в которые как бы проваливаются различной формы и различного размера тела – элементы вещества общества. В противоположность этому моделью стабильности западного общества может служить карабканье вверх по стволам скользких или колючих деревьев, удерживаемых вертикально целой системой искусственных подпорок. Здесь очень сильной является тенденция антиэнтропийная, – тенденция к повышению степени организации.

Коммунистическое общество обладает высокой степенью стабильности в смысле способности сохранять некоторое более или менее нормальное состояние. Здесь образуется мощный механизм самосохранения. Борьба против отклонений от норм является одной из важнейших функций этого механизма. Причем главным в деятельности этого механизма является повседневная профилактика отклонений, осуществляемая особыми органами власти и контроля, а также внутри первичных коллективов различными общественными организациями и администрацией. В тех случаях, когда отклонения все же выходят за допустимые рамки и даже выходят из-под контроля общества, принимаются чрезвычайные меры и проводятся особые

кампании, имеющие целью ввести жизнь страны в целом или данной ее части в рамки принятой нормы.

Зато будучи выведено из нормального состояния, коммунистическое общество с большим трудом возвращается в него. С этой точки зрения его степень стабильности является сравнительно низкой. Оно обладает, можно сказать, статичной стабильностью, тогда как западное общество обладает стабильностью динамичной, – оно быстрее и легче восстанавливает нормальное состояние, чем общество коммунистическое. Так что чисто теоретически можно предсказать, что выход из кризиса для коммунистических стран будет мучительным и длительным процессом, если это будет возвращением в нормальное коммунистическое состояние.

Социальный иммунитет

Каждый тип общества вырабатывает определенные механизмы, защищающие его от внешних вредных влияний, т. е. от влияний, нарушающих его нормальную жизнь и угрожающих разрушением, – вырабатывает механизм социального иммунитета. На это нужны многие десятилетия, а может быть, и века. Коммунистическое общество существует меньше ста лет. Оно лишь начало вырабатывать этот механизм. И, как показал опыт, оно мало преуспело в этом.

Из чего складывается механизм социального иммунитета? Это прежде всего физическая изоляция данной человеческой общности от внешних влияний. В Советском Союзе этой цели служил «железный занавес». Что это такое, общеизвестно. Он был создан не по злему умыслу Сталина, а как исторически необходимое средство выживания только что родившегося нового общественного устройства. И он эту роль сыграл. Во-вторых, в механизм социального иммунитета входит воспитание масс населения в коммунистическом духе. И в этом отношении в Советском Союзе была проделана огромная работа. Был сформирован тип массового человека (гомо советикус), который стал естественным носителем коммунистических социальных отношений. Советский Союз выстоял в тяжелые годы войны с Германией и стал великой державой в значительной мере благодаря тому, что коммунистически воспитанная масса населения терпеливо вынесла все тяготы. В-третьих, в механизм социального иммунитета входят карательные меры в отношении тех, кто на самом деле или по видимости поддается тлетворным внешним влияниям. Из в этом отношении в Советском Союзе было сделано более чем достаточно, что общеизвестно. Даже слишком много. Важно тут отметить то, что в этих карательных мерах ошибочно усматривать только злой умысел и преступления. Они играли и исторически целесообразную роль. Без них молодой коммунистический социальный строй вряд ли выжил бы. И они будут играть эту роль в той или иной мере всегда, пока существует коммунизм. Наконец, в механизм социального иммунитета входит создание таких отношений между людьми в самом фундаменте общества, когда само ближайшее окружение человека следит за тем, чтобы он не подпал под чуждые влияния, и беспощадно карает его за всякие попытки нарушить

общепринятые и передаваемые из поколения в поколение нормы жизни. В Советском Союзе этот самый главный элемент механизма социального иммунитета был выработан.

Однако, как показал опыт, механизм социального иммунитета в Советском Союзе оказался не таким сильным, как казалось, а в странах Восточной Европы он вообще еще не успел сложиться настолько, чтобы стать надежной защитой социального строя. В самих коммунистических странах обнаружили себя многочисленные факторы, препятствовавшие созданию и укреплению механизма социального иммунитета. А международные отношения коммунистических стран со странами Запада просто вынудили властителей Советского Союза и других коммунистических стран встать на путь ослабления и даже разрушения механизма иммунитета.

Живучесть

Советский Союз пережил гражданскую войну, интервенцию, сталинский террор, войну с Германией... И все-таки уцелел и стал еще сильнее. Несмотря на это, казалось бы, бесспорное подтверждение живучести советского общества, многие люди на Западе до сих пор надеялись, что оно скоро развалится само по себе, в силу внутренних причин. В качестве этих причин обычно называли следующие. Советские люди не верят в марксизм-ленинизм. Предприятия не приносят почти никакой прибыли и даже убыточны. Сельское хозяйство находится в катастрофическом состоянии. Без закупок продовольствия на Западе советский народ погиб бы от голода. Технология на десятки лет отстает от западной. Если бы Запад не снабжал Советский Союз своими техническими изобретениями, то последний вообще стал бы технологически отсталой страной вроде слаборазвитых стран третьего мира. Все большее число советских людей обращается к религии. Советские люди недовольны низким уровнем жизни и отсутствием демократических свобод. Национальные конфликты разъедают монолитность советской империи. Страны советского блока стремятся обрести независимость от Советского Союза и изменить свой социальный строй. Что, кажется, еще нужно? Разве все это не говорит о том, что советский режим непрочен?! Но годы шли. «Режим» не разваливался. Страх на Западе перед этой вроде бы почти рухнувшей страной все рос и рос. В последние годы надежды на скорый крах резко возросли и превратились в убеждение. Но насколько это оправдано?

Живучесть общественного организма есть нечто отличное от его стабильности и иммунитета. Это – способность страны с данным социальным строем выживать в трудных, обстоятельствах. Здесь трудно разделить живучесть социального строя как такового и живучесть народа, занимающего данное пространство. Советский Союз выжил в невероятно трудных исторических условиях. Но какова в этом доля социального строя и других факторов? Вопрос пока спорный. Но я склоняюсь к убеждению, что коммунистический социальный строй повышает степень выживаемости страны в огромной степени. Если бы не коммунизм, Россия была бы разгромлена в войне с Германией. И в современных условиях коммунизм является основным

фактором выживания страны в случае мировых конфликтов. Чрезмерное ослабление коммунизма в Советском Союзе будет иметь неизбежным следствием распад страны и превращение ее частей в колонии стран Запада, а также Японии и Китая.

На Западе много писали и говорили о старении советского социального строя. Суждения такого рода суть элементарная чепуха. Еще совсем недавно упорно говорили о старении капитализма. Все живое, конечно, стареет. Но старение социального строя есть процесс, который может растянуться на века, а то и на тысячелетия. А коммунистическое общество еще только появилось на свет и еще не успело развить все свои потенциалы.

Социальная структура населения

Согласно советской идеологии, советское население имеет такую социальную структуру: два дружественных класса рабочих и крестьян и интеллигенция. Последняя не удостоена ранга класса, она считается прослойкой между классами. Конечно, в Советском Союзе есть рабочие и крестьяне. Есть даже интеллигенция. Но дают ли эти три понятия, «рабочие», «крестьяне» и «интеллигенция», достаточно полное и точное описание социальной структуры населения? Куда вы отнесете, например, десятки и сотни тысяч людей, имеющих высшее образование и довольно высокий уровень культуры, но работающих в органах государственной безопасности, в милиции, в юридических учреждениях, в закрытых военных институтах и штабах, разведке? Писателей и журналистов вроде бы без всяких колебаний можно отнести к интеллигенции. Но их в Советском Союзе многие десятки тысяч. И подавляющее большинство из них суть функционеры и чиновники в советской идеологической и пропагандистской системе. К какой социальной категории вы их отнесете? С учеными ситуация еще труднее. Возьмите любой исследовательский институт, и вы в нем обнаружите представителей самых различных фактических социальных категорий, что делает понятие «интеллигенция» совершенно бессмысленным в применении к этой социальной группе, которая в прошлом веке была бы единодушно отнесена к интеллигенции. А к какой категории отнести партийных работников, министров, генералов, артистов, спортсменов (профессионально работающих в спорте)? Имеются ли другие социальные различия между людьми, которые являются более важными, чем упомянутые различия их как рабочих, крестьян и интеллигентов?

Возьмите любое достаточно крупное советское учреждение, и вы заметите такие социальные различия между людьми, по сравнению с которыми различия между рабочими, крестьянами и интеллигенцией отступают на задний план. Мы говорим о классе помещиков, хотя помещиков было меньше, чем теперь директоров, заведующих, начальников. И властью эти директора, заведующие, начальники обладают немалой, часто – не меньшей, а даже большей, чем помещики. И блага имеют не меньше, а то и побольше, чем помещики. Можно не употреблять слово «класс». Но разве дело в словах? Назовите это категорией, видом, рубрикой... Суть дела от этого не меняется.

Сходите на любой достаточно современный завод, и вы увидите такие различия в «рабочем классе», что наши представления о классах, навязанные сочинениями классиков, покажутся чудовищным анахронизмом. Работающие на заводе люди различаются по уровню зарплаты, по условиям работы, по роли в производстве и многим другим признакам, исключающим возможность рассматривать их как однородную массу «рабочих». А сколько существует министерств, трестов, советов, комитетов партии, комсомола и профсоюза, союзов и прочих учреждений! И они не однородны. Самый маленький чиновник в аппарате ЦК партии может оказаться значительнее в социальном отношении самого крупного лица в нижестоящем учреждении.

Определяющим для коммунизма является различие людей не по отношениям собственности, не по сферам занятости, не по профессиям, а по социальному положению в коллективах и в обществе в целом. В основе социального структурирования населения коммунистической страны лежат отношения начальствования и подчинения, обусловленные самим фактом объединения людей в группы и последних в более сложные коллективы и в единый социальный организм. Но было бы крайне абстрактным остановиться на этом. Подавляющее большинство начальников само находится в подчинении других, более высоких начальников. Имеются многочисленные факторы, делающие границы между людьми различных категорий неопределенными и изменчивыми. И все же в реальной жизни происходит расслоение массы населения в зависимости от их социального статуса. Последний характеризуется следующими параметрами: положение на иерархической лестнице социальных позиций, престижный уровень профессии, размер заработной платы, наличие или отсутствие привилегий, характер привилегий, возможности использования служебного положения, образование и культурный уровень, бытовые условия, доступ к жизненным благам, сфера общения, перспективы улучшения положения и устройства детей. Лишь совокупность этих параметров определяет социальный статус человека, а не каждый по отдельности.

По социальному статусу население коммунистической страны разделяется на три группы слоев – на высшие, средние и низшие слои. Грани между ними не абсолютны. Многие люди переходят из одних слоев в другие или занимают промежуточное положение. Внутри каждой группы имеют место свои подразделения и иерархия уровней. Тем не менее это разделение ощущается достаточно отчетливо.

К высшим слоям на районном уровне принадлежат высшие лица аппарата власти, начальники наиболее значительных предприятий и учреждений, подконтрольных районным властям, и сравнительно неопределенная категория лиц, так или иначе связанных с руководящими лицами района, входящих лично в районную правящую и привилегированную клику. На более высоком уровне (город, область) в высшие слои входят не все представители высшего слоя района, а лишь основные. На этом более высоком уровне в высшие слои входят высшие лица аппарата власти этого уровня (города, области), начальники наиболее значительных предприятий и учреждений городского или областного значения, а также целый ряд привилегированных лиц, связанных с областным начальством, имеющих высокий социальный

престиж. Высшие слои этого уровня, таким-образом, не есть сумма представителей высших слоев районов. Это есть более широкое и, вместе с тем, более высокого ранга множество привилегированных лиц. Такая иерархия высших слоев образуется вплоть до масштабов всей страны. Высшие слои страны в целом включают в себя часть представителей высших слоев более низких уровней. Но ядро их образует множество высших лиц центральной власти и системы управления, а также множество лиц, обладающих высоким престижным уровнем в масштабах страны (привилегированные директора, ученые, писатели, музыканты, художники).

Представители высших слоев имеют самый высокий жизненный стандарт. В их распоряжении все блага, достижимые в данной стране, причем они имеют все почти без денег или за условную плату. Их богатством являются не деньги, а социальное положение. На всех уровнях они связаны служебными и личными отношениями, круговой порукой, взаимными услугами. Они образуют правящие клики, принимающие мафиозный характер и зачастую перерождающиеся в уголовные. Мощный аппарат власти и идеологии охраняет их привилегированное положение. Коммунизм есть в первую очередь их общество. Они здесь хозяева. Они суть коллективный эксплуататор общества в своих интересах. Они заботятся о прочих соотечественниках лишь в той мере, в какой рабовладельцы заботились с рабах, помещики – о крестьянах, капиталисты – о рабочих. Кроме того, их забота о других слоях является вынужденной тем, что последние сами так или иначе добиваются некоторых благ явочным порядком и благодаря самим объективным условиям коммунизма.

К низшим слоям относятся рабочие всех типов, работники сферы обслуживания, не занимающие постов, лица, занятые на подсобных работах в различных учреждениях, служащие контор и канцелярий, низший медицинский и научный персонал, воспитатели детских учреждений, рядовые милиционеры и прочие лица, выполняющие непосредственные деловые функции на низших ступенях социальной иерархии. К этим слоям относятся также начальники самых низших категорий. Социальная активность низших слоев близка к нулю. Они раздроблены, имеют самый низкий образовательный уровень, легче всех поддаются манипуляциям властей. Их солидарность ограничивается бытовыми отношениями асоциального характера. Их интересы представляют официальные общественные организации, администрация и органы власти. Их материальное положение в основном зависит от общих условий в стране и от политики руководства.

Средние слои образуют сотрудники системы власти и управления среднего уровня, директора и заведующие обычных предприятий и учреждений, преподаватели высших учебных заведений, деятели культуры, научные работники, короче говоря, – основная масса служащих и начальников среднего уровня иерархии, а также творческая и интеллектуальная часть населения. К этим слоям относятся также многочисленные деятели спорта и других непроизводительных профессий. Эти слои самые разнообразные по составу. Их положение является двойственным. В одних отношениях они тяготеют к высшим слоям. Многие их представители обслуживают высшие слои, имеют с ними контакты и переходят в них. Для некоторой их части это вообще есть

лишь этап на пути в высшие сферы. В других отношениях и в других частях они близки к низшим слоям, разделяют их судьбу, зависят от произвола властей. Они поставляют наиболее активных апологетов режима. В них входят работники идеологии и пропаганды, сотрудники партийного аппарата, карательных органов. Вместе с тем, эти слои являются основой новых веяний в стране, прогрессивных и даже порою оппозиционных унастроений. Они имеют самый высокий образовательный и культурный уровень. В них входит сама деловая и творческая часть населения. В них гораздо больше возможностей для неофициальных объединений, чем в низших слоях. И одновременно они в гораздо большей степени подвержены контролю властей, поскольку в них входит самая активная и бдительная часть власти. Представители средних слоев являются проводниками политики высшей власти. Вместе с тем, именно средние слои являются основной базой всякой более или менее серьезной оппозиции. Это суть самая живая ткань общества. Коммунистическое общество еще только начинает свою историю. Не все еще определилось в нем достаточно четко. Пока еще обычным делом является переход граждан из низших слоев в средние и из средних в высшие. Обратный-переход является редким исключением, что является одним из показателей тенденции к замыканию слоев и к превращению их в нечто вроде классов. Эта тенденция к более четкому классовому структурированию населения усиливается тем, что дети родителей из высших слоев имеют ряд преимуществ в смысле устройства в жизни перед детьми из средних и низших слоев, а дети из средних слоев – перед детьми из низших слоев. Между представителями одного и того же слоя личные контакты устойчивее и привычнее, чем между представителями разных слоев. В том же направлении действуют браки в рамках одного слоя, привилегированные учебные заведения и учреждения, система распределения. Но есть и тенденция, препятствующая установлению четких границ между слоями, – классовому структурированию общества. Как это ни странно на первый взгляд, важнейшим фактором в этом отношении является способ формирования и воспроизводства системы власти. Дети из привилегированных и даже средних слоев не стремятся к работе в системе власти. Туда отбираются выходцы из «низов», – из «народа». Это особенно касается партийного аппарата, армии и органов порядка. Но пока трудно сказать, как долго такое положение сохранится.

Социальная оппозиция

Во всяком большом, дифференцированном и развитом обществе имеет место борьба между различными людьми, группами людей, слоями, классами. Не является на этот счет исключением и коммунистическое общество. Обещанная идеологами коммунизма, гармония и всеобщая дружба была достигнута лишь на короткий срок, да и то благодаря жесточайшим репрессиям. Но и репрессии не могли остановить возникновение публичных протестов и оппозиционных движений. Достаточно в качестве примера сослаться на диссидентское движение в брежневские годы и бунты многочисленных деятелей культуры.

Пока еще рано делать далекоидущие выводы относительно социальной оппозиции в коммунистическом обществе, так как опыт на этот счет ничтожен. Но можно уже теперь сделать некоторые предположения относительно специфически коммунистической оппозиции. Анализ социальной структуры общества и условий его жизни обнаруживает, что лишь высшие слои образуют некое подобие социального класса в традиционном смысле, т. е. сравнительно однородное объединение людей, связанных единством интересов, образом жизнедеятельности и привилегированным положением. Основная же масса населения представляет собою раздробленное скопление индивидов различных категорий, по самим условиям жизни не склонных к образованию больших и устойчивых неофициальных объединений. Но уже в послесталинские годы в Советском Союзе наметилась некоторая тенденция к образованию независимом от властей и устойчивой среды из представителей различных слоев населения (главным образом – средних), – к образованию своего рода неофициального подобщества со своим образом жизни, со своими вкусами и взглядами, со своими критериями оценки явлений культуры и событий жизни, со своим отношением к официальной идеологии, к власти и вообще – ко всем явлениям, входящим в круг их интересов, со своими внутренними связями и отношениями. Это – некое подобие гражданского общества. Представители такой среды проявили солидарность в деле десталинизации страны, причем – солидарность, независимую от органов власти. В брежневские годы диссидентское движение поддерживалось именно в этих кругах населения. Без этой поддержки оно не достигло бы такого размаха.

Гражданское общество в описанном выше смысле имеет основания в самих базисных условиях коммунизма. Здесь возникает и систематически воспроизводится довольно большое число образованных и профессионально подготовленных людей, которые являются постоянными служащими государства, имеют гарантированную работу. Условия их труда сравнительно легкие. У них остается много сил и времени на свободную интеллектуальную жизнь. Для многих из них профессиональная деятельность есть их жизненное призвание. Она вынуждает их на размышления и на поведение, выходящее за рамки официально дозволенных и поощряемых. Им гарантирована по крайней мере минимальная заработная плата. Они независимы друг от друга материально. Поскольку они довольствуются достигнутым положением на иерархической лестнице социальных позиций, они и в социальном отношении оказываются взаимно независимыми. Благодаря этому складывается сравнительно свободная и некарьеристическая общность людей, имеющих высокий образовательный уровень, свободное время и склонность размышлять на социальные темы. Бея лее того, в этой среде развивается озабоченность положением в стране и желание стать активными участниками исторического процесса.

Многие из этих людей не могут в полную меру развить и использовать свои способности и навыки, а за свою деятельность получают вознаграждение, которое ими воспринимается как несправедливое. Они суть наиболее творческие и деловые члены общества. Их социальный статус не соответствует их самосознанию и жизненным претензиям. Это, естественно,

порождает у них недовольство своим положением. В силу их роли в обществе это недовольство принимает форму критического отношения к самому социальному строю и к системе управления общества.

К этой категории граждан относится также большое число молодых людей, начинающих свою трудовую и творческую деятельность. Они отдают обществу все свои свежие силы и способности, получая за это самое мизерное вознаграждение. Они в начале жизненного пути находятся в самом низу социальной иерархии, получая вознаграждение соответственно их положению, а не соответственно их потенциальным способностям и реальной отдаче сил обществу.

Эта категория членов коммунистического общества является относительно немногочисленной с точки зрения их числа в социальных группах, в которых они работают. Но в масштабах страны в абсолютном выражении она представляет весьма значительное явление. Роль ее в практической жизни страны становится все более серьезной.

Эти люди не превращаются автоматически в оппозиционеров. Они суть лишь потенциальная база для оппозиции. Нужно время и сложный исторический процесс, чтобы какая-то часть из них осознала свое фактическое положение и начала вырабатывать формы сознания и поведения, адекватные своему состоянию и ведущие к конфликту с правящими слоями общества. Это началось в сравнительно больших масштабах с началом кризиса.

Национальные проблемы

Национальные проблемы вообще принадлежат к числу таких проблем, которые чрезвычайно примитивны с некоей научно-беспристрастной точки зрения, если бы таковая была возможна. Но они обставлены таким множеством всяких габу, что такой научно-беспристрастный подход к ним оказывается практически невозможным. Всякие попытки пойти по этому пути немедленно вызывают обвинения во всяческих грехах, и пишущие на эти темы вольно или невольно избегают касаться самой сути дела.

Национальные проблемы, будучи теоретически примитивными, оказались чрезвычайно запутанными не только вследствие боязни говорить и писать по существу, но также вследствие самого способа подхода к ним. Они рассматриваются недифференцированно. Игнорируется тот факт, что проблемы немцев отличаются от проблем евреев, проблемы армян – от проблем татар, проблемы эстонцев – от проблем абхазцев и т. п. И почти полностью игнорируются национальные проблемы русских, которые не менее серьезны, чем проблемы армян, грузин, евреев, украинцев и других народов, населяющих Советский Союз. Вместо объективной оценки положения того или иного народа в ход идут привычные клише, будто русские угнетают другие нации, силой удерживают их в составе Советского Союза и осуществляют насильственную русификацию, будто межнациональные конфликты приведут к скорому крушению советского режима, будто рост мусульманского населения приведет к перерождению советского общества. Национальные проблемы, далее, рассматриваются сами по себе, как

самодовлеющие проблемы. Обычно констатируется факт их существования и на этой основе строятся умозрительные «объяснения» и планы, лишенные реалистического содержания и выражающие не столько понимание объективных причин этих проблем и возможностей их решения, сколько субъективные эмоции и пожелания, морализаторские сентенции и идеологические доктрины. Игнорируется тот факт, что они суть часть более глубоких проблем, касающихся самой сущности коммунистического социального строя, его системы власти и управления, внутренних отношений общества как целостного социального организма. Наконец, не принимается во внимание различие проблем чисто национальных и имперских.

Коммунистический социальный строй в Советском Союзе не изобрел национальные различия и национальные проблемы. Они достались ему от прошлой истории и от Российской империи. Существенно здесь то, как этот строй поступил с национальным наследством. При этом; возникают следующие фундаментальные вопросы. Почему марксисты-ленинцы, декларировавшие право наций на самоопределение вплоть до отделения в виде самостоятельных государств и призывавшие к разрушению Российской империи, считавшейся «тюрьмой народов», после прихода к власти приложили титанические усилия к тому, чтобы; сохранить империю? Почему их преемники, точно так же признающие упомянутое право наций, расширяли империю даже вопреки воле и желаниям наций, присоединяемых к ней? Почему различные нации не восставали до сих пор против империи и не требовали осуществления права на отделение от нее в виде самостоятельных государств? Ответы на эти вопросы, т. е. на вопросы об основах сохранения, расширения и упрочения бывшей Российской и ныне Советской империи, дает ключ к пониманию всех аспектов национальных проблем в Советском Союзе. Самые фундаментальные национальные проблемы Советского Союза являются национальными лишь по внешней форме. А по существу они суть проблемы социальные.

В результате Октябрьской революции 1917 года Российская империя распалась. Но ненадолго. В ходе гражданской войны она восстановилась вновь, но уже как империя советская, или коммунистическая: в 1922 году произошло формальное образование Союза Советских Социалистических Республик (СССР). От бывшей Российской империи откололись только Финляндия, Польша и прибалтийские провинции – Эстония, Литва и Латвия. Восстановление империи не было случайным. Новая власть была вынуждена пойти на это вопреки дореволюционным лозунгам и намерениям ее лидеров. Дело в том, что коммунистический социальный строй в Советском Союзе, как я уже писал выше, не есть нечто абсолютно новое, возникшее лишь после революции, как утверждает советская идеология. Предшественником его был государственно-бюрократический строй дореволюционной России с его системой начальствования и подчинения, с его централизованной системой управления и стандартизированной социальной организацией населения. Именно этот строй был основой империи и в силу внутренних закономерностей порождал имперские тенденции. Октябрьская революция 1917 года уничтожила деградировавший класс дворян и еще слабый, недоразвитый класс капиталистов. Но она сохранила третий важнейший фактор социальной

организации страны – государственную организацию общества. Революция, сломав царский государственный аппарат, немедленно на его месте восстановила и упрочила сам государственно-бюрократический строй, осуществив лишь смену лиц в нем и характер исполнения функций. Так что нет ничего удивительного в том, что революция сохранила и даже упрочила имперские тенденции этого строя.

Характер империи в результате революции существенно изменился с точки зрения отношений между народами и властями. Прежде всего изменилось отношение между «метрополией» и «провинциями». Отношения эти многосторонние. Я здесь хочу обратить внимание лишь на два аспекта этих отношений, которые обычно игнорируют националисты из «провинций». Во-первых, за все годы советской власти высшее руководство до последнего времени проводило фактически антирусскую политику. Русский народ в массе своей оказался в гораздо худшем положении, чем все прочие нации. Фактически происходило разрушение русского народа в качестве нации и превращение его в множество разрозненных людей, разбросанных по гигантской территории и занимающих в основном низшие ступени социальной иерархии. Советская национальная политика в отношении других народов была успешной в значительной мере за счет русского населения. Прочие народы получили в той или иной мере привилегии сравнительно с русскими. В последние десятилетия начался естественный социальный процесс, результате которого многие нации страны стали терять привилегии, приобретенные в результате революции, они стали рассматривать это как ущемление их национальных прав, хотя это происходило и в еще большей степени будет происходить в будущем в силу естественной эволюции народов в условиях коммунистической социальной системы.

При рассмотрении национальных проблем в Советском Союзе обычно берут различные нации как некие бесструктурные множества людей. Тот факт, что население тех Ц и иных районов страны имеет определенную социальную структуру, игнорируется. Население всех районов страны имеет одинаковую социальную структуру. Оно разделяется; на слои, занимающие различное положение в социальной иерархии, имеющие различный уровень жизни и различные интересы. Местные социальные структуры включены структуры большего масштаба и в конечном счете – в структуру страны в целом. Это сказывается существенным образом и на национальных проблемах. Например, привилегированные и правящие слои различных наций заинтересованы в сохранении империи, поскольку последняя дает защиту и оправдание их привилегированному положению. Вместе с тем, они имеют возможность сваливать вину за недостатки в условиях жизни, явившиеся следствием самого социального строя, на другие народы и центральное руководство. Центральное руководство страной на местах представляется русским, хотя оно таковым не было до последнего времени, и недовольство населения своим положением принимает антирусский характер. Местное руководство имеет тенденцию к обособлению от центрального руководства и к превращению в мощнейшие национальные мафии, от которых начинает страдать местное население. Последнее может защититься от своих мафий лишь благодаря помощи «сверху». Короче говоря, складывается очень запутанная ситуация, в которой

переплетаются противоречивые национальные и социальные причины и интересы.

Исторические условия и среда

При исследовании и описании коммунизма надо различать то, что вытекает из его внутренних закономерностей, и то, что связано с конкретными историческими условиями его возникновения и выживания, а также с условиями борьбы за существование в окружающей среде. Коммунизм в России возник в условиях краха монархической системы и ужасающей разрухи вследствие первой мировой войны. Затем – гражданская война и интервенция. Угроза реставрации дореволюционных порядков и нападения извне. Нищее и безграмотное население, разбросанное по огромной территории. Около ста различных национальностей и народностей с феодальными и даже родовыми социальными отношениями. Подготовка к войне с гитлеровской Германией и сама война, которая стоила Советскому Союзу беспрецедентных жертв. После короткой передышки – подготовка к новой войне и «холодная» война. Если вырвать ситуацию в стране и политику советского руководства из этого исторического контекста, то она покажется серией глупостей и преступлений. Но это не было глупостью и преступлением, хотя и глупостей было много, а о преступлениях и говорить нечего. Это была трагическая и беспрецедентная по трудностям история. Будь в стране иной социальный строй, она была бы разрушена и растащена по кусочкам. Страна выжила главным образом благодаря новому социальному строю – коммунизму. И нельзя все дефекты жизни в Советском Союзе относить за счет коммунизма. Многие из них суть результат неблагоприятной истории. Собственные дефекты коммунизма были усилены этими историческими обстоятельствами.

Перед Советским Союзом с первых дней его существования в качестве коммунистической страны встала проблема выживания в трудных исторических условиях. И это наложило свою печать на сам коммунистический социальный строй. Он с поразительной быстротой сложился, буквально проскакал период детства и юности и уже через каких-то сорок лет, что для истории – миг, вступил в состояние зрелости. И в том состоянии, в каком он пришел к началу кризиса, в нем перемешались явления самой различной природы. Для наблюдателей многие исторически преходящие явления стали выступать как неотъемлемые свойства коммунизма вообще, а многие его собственные качества – как нечто второстепенное и случайное.

И нынешнюю ситуацию в коммунистических странах нельзя объективно понять и оценить, если вырвать их из исторического потока и из мировой среды. Это факт, а не идеологический вымысел, что борьба двух социальных систем – капитализма и коммунизма – стала по крайней мере одним из решающих факторов мировой истории. Это факт, что западные страны приложили огромные усилия к тому, чтобы направить гитлеровскую Германию против коммунистического Советского Союза. Это факт, что после

второй мировой войны началась мировая эпидемия коммунизма и возникла мировая коммунистическая система ставшая смертельной угрозой для капитализма. «Холодная» война тоже реальность, а не вымысел. И гонка вооружений. И бесчисленные «малые» войны. Короче говоря, чем шире распространялся коммунизм по планете и чем больших успехов он добивался, тем ожесточеннее становилась борьба между ним и миром капитализма. Третья мировая война не состоялась прежде всего потому, что каждая из враждующих сторон была в состоянии разрушить другую и ни одна из них не имела шансов уцелеть и воспользоваться плодами победы. Переживаемый кризис коммунизма является составной частью этой мировой борьбы социальными систем, а не нечто локальное.

Кризис

Советская идеология, подчеркивая неизбежность кризисов при капитализме, настаивала на том, что коммунистическое общество является бескризисным. И это убеждение так или иначе разделяли даже противники и критики коммунизма. Во всяком случае, не было сделано ни одно серьезное исследование, результатом которого было бы предсказание кризиса коммунизма или хотя бы вывод о возможности такого кризиса. Были бесчисленные «предсказания» гибели коммунизма в Советском Союзе и других странах. В их числе была нашумевшая на Западе работа советского диссидента Амальрика, в которой он предсказал крах Советского Союза к 1984 году. Но все «предсказания» такого рода не имели ничего общего с предсказанием именно кризиса. Он произошел фактически неожиданно для политиков, специалистов и широких слоев населения. Его осознали как кризис лишь после того, как он разразился и начал свирепствовать во всю мощь, да и то не сразу и не в адекватной ему форме.

Хотя кризис назрел уже в брежневские годы, даже Горбачеву, который пришел к высшей власти в 1985 году, еще и в голову не приходила мысль о нем. Он начал свою деятельность еще в полной уверенности в том, что советское общество покорно подчинится его воле и призывам. Он начал свою деятельность с намерением ускорить развитие советского общества и вывести его на уровень высших мировых достижений, т.е. догнать Запад в экономическом отношении, а не с сознанием, что придется иметь дело с кризисом и что догонять придется не столько Запад, сколько оплеванного Брежнева. Даже наоборот, он сам больше, чем кто бы то ни было, способствовал развязыванию кризиса, не ведая о том.

Неожиданность кризиса объясняется многими причинами и в их числе – отсутствием научной теории коммунизма. Отсутствие такой теории в какой-то мере сказалось и в том, что сущность кризиса и его причины остались непонятыми горбачевцами, новыми правителями стран Восточной Европы, советскими и западными теоретиками. Они сам кризис осознали в извращенной форме, а именно – как некое обновление и выздоровление общества, как некую «перестройку». Вместо выяснения причин кризиса они бросились искать виновных и козлов отпущения. И нашли их в лице Сталина,

Брежнева, Хоннекера, Чаушеску, консерваторов, бюрократов, органов государственной безопасности. Думаю, что отсутствием научной теории коммунизма отчасти объясняется и растерянность западных коммунистов перед лицом кризиса, их предательство идеалов коммунизма и паническая «перестройка».

Конечно, дело тут не только в отсутствии научной теории. Если бы такая теория была, она вряд ли была бы признана, а в случае какого-то признания лишь несколько снизился бы эффект неожиданности, была бы несколько иной демагогия властей и болтовня теоретиков. Но кризис и растерянность властей это не остановило бы. Перед войной с Германией даже школьникам было очевидно, что война неизбежна. Было известно даже время нападения Германии на Советский Союз. И все же война застала советское руководство врасплох. Одно дело – пассивное предвидение событий, и другое дело – готовность активно встретить их своими действиями, направленными именно против них.

Как я уже сказал, деятели и мыслители всех сортов и рангов усмотрели причину кризиса в ошибках и преступлениях руководителей коммунистических стран в прошлые годы, ставших дозволенными и общепризнанными объектами ругательств. Но Сталин, Брежнев, Хоннекер, Чаушеску и прочие совершили ошибок не больше, чем уже успел наделать Горбачев, признанный на Западе «человеком десятилетия». А исторический процесс не есть цепь преступлений. Конечно, ошибки властей и преступления властей сыграли какую-то роль в создании предпосылок кризиса. Но не они суть причины кризиса. Кризис произошел бы и в том случае, если бы никаких ошибок и преступлений не было. К тому же нет никаких критериев установления того, что есть ошибка и что есть преступление, когда речь идет о большой истории. Суждения на этот счет, как правило, субъективны, диктуются эгоистическими интересами новых правителей и их лакеев.

Такой подход к причинам кризиса связан с тем, как понимается сам кризис. А понят он был лишь как накопление трудностей и недостатков, а не как более глубоко состояние общественного организма, лишь проявившееся в усилении трудностей и недостатков.

Общее понятие социального кризиса

Исторический процесс не есть некое непрерывное наращивание плюсов, не есть прямая линия. В нем имеют место подъемы и спады, попятные движения, отклонения в сторону от основного течения. В нем прогресс сопровождается регрессом, периоды здорового состояния сменяются периодами болезни. В нем есть спокойное глубинное течение и поверхностные бурные завихрения. По отдельным явлениям того или иного периода нельзя категорически судить о процессе в целом. Ветер, поднявший мусор в воздух, не отменяет действие закона тяготения.

Каждый живой организм, если он существует достаточно долго, переживает кризисную ситуацию или, короче, кризис. Социальные организмы суть живы организмы. Тот факт, что они тоже подвержены кризисам, является банальной

исторической истиной. Переживали кризисы страны античного мира. Переживали кризисы феодальное и капиталистическое общество. Теперь можно констатировать как факт, что утверждение о бескризисном существовании коммунистического общества ложно, что и это общество подвержено действию общих законов бытия живых организмов – и оно подвержено кризисам. Точно так же ложным является убеждение, будто капитализм теперь может существовать без кризисов. Тенденция к кризису в странах капитализма сохраняет свою силу и будет сохранять в будущем. Идея Маркса насчет неизбежности кризисов при капитализме остается верной, несмотря ни на что. Есть основания предполагать, что именно предчувствие надвигающегося кризиса на Западе в огромной степени определяет нынешнюю политическую стратегию стран Запада в отношении коммунистического мира.

Уточним само понятие социального кризиса. Кризис есть отклонение от некоторых норм существования общественного организма. Но не всякое отклонение есть кризис. Уклонение от норм может быть результатом какой-то природной катастрофы, эпидемии или нападения со стороны внешнего противника. Социальный кризис является таким отклонением от норм, которое само является нормой жизни общества в том смысле, что является результатом действия внутренних закономерностей социального организма в условиях нормальной и даже успешной жизнедеятельности этого организма.

Тенденция к социальному кризису, подчеркиваю, есть закономерное явление нормальной жизнедеятельности социального организма. Она действует и тогда, когда кризис не происходит актуально. Ее можно ослабить и даже на какое-то время парализовать. Например, очередной экономический кризис в странах Запада был предотвращен второй мировой войной, а в послевоенные годы тенденция к кризису на Западе была ослаблена «холодной» войной и многочисленными «малыми» войнами.

Ошибочно объяснять наступление кризиса какой-то одной причиной. Наступление кризиса есть результат совокупного действия многочисленных причин и условий. Причем эти причины и условия действуют не обязательно одновременно и согласованно. Они могут давать о себе знать в различное время и в различных направлениях. Требуется достаточно большой промежуток времени и сравнительно благоприятные условия для действия различных условий и причин, чтобы произошло наложение различных линий и аспектов эволюции социального организма и кризис стал актуальным и всеобъемлющим.

Одни и те же закономерности, следование которым обеспечивает самосохранение организма и его нормальное существование, порождают тенденцию к отклонению от норм. При определенном стечении обстоятельств эта тенденция превышает допустимые размеры и выливается в кризисную ситуацию. Среди этих обстоятельств свою роль играют внешние причины, например, – взаимоотношения с другими странами. Но эти внешние причины лишь способствуют наступлению кризиса, усиливают его, влияют на его проявления и ход. Главными причинами социального кризиса являются сами внутренние механизмы социального организма. Классическим примером социальных кризисов могут служить экономические кризисы в

капиталистическом обществе, которые являются следствием именно успешного или, точнее говоря, слишком успешного функционирования капиталистической экономики.

Каждому типу общества свойствен свой, характерный для него тип социального кризиса. Последний определяется тем, что является базисом общества данного типа. В основе капиталистического кризиса, например, лежат закономерности экономики, являющейся базисом обществам капиталистического. И проявляется он прежде всего в перепроизводстве товаров, дефиците рынков сбыта для них, избыточности капиталов и дефиците сфер их приложения. Потому капиталистический кризис в своей основе и по существу есть кризис экономический. Иначе, как увидим далее, дело обстоит с кризисом коммунистическим.

Социальный кризис есть сложный процесс во времени и в пространстве. В нем происходят многочисленные изменения. В нем причины и следствия могут меняться местами, одни и те же феномены изменяют свои роли, порою на противоположные. В него включаются явления из процессов иного рода, переплетаясь с явлениями, присущими ему. Он накапливается во времени по различным линиям, совпадение которых дает наиболее острые и критически ситуации. Он «стягивается» из разных мест социальной пространства к одному центру и затем расходится от центра к периферии, усиливая и доводя до крайности ранее наметившиеся кризисные явления.

Еще в хрущевские годы наметился кризис советской (марксистской) идеологии. В брежневские годы стали ощущаться признаки морально-психологического кризиса общества. К концу этого периода кризис углубился, охватил экономику страны и вообще ее деловую жизнь. С приходом Горбачева к власти начался кризис всей системы власти и управления обществом, оказавший обратное влияние на углубление кризиса деловой сферы, идеологии, культуры, общественной нравственности и психологии. Опять-таки еще в хрущевские и брежневские годы стало заметным нарастание кризисной ситуации во взаимоотношениях между Советским Союзом и другими социалистическими странами, а также во взаимоотношениях между различными народами внутри страны. Когда кризис углубился до самых основ советского общества, он оказал обратное воздействие на упомянутые взаимоотношения. По времени кризис начался раньше в Югославии, Венгрии, Чехословакии и Польше. Его на много лет удалось заглушить. Но вот он докатился до Москвы. Разразившись во всю мощь в центре коммунистического мира, он затем охватил и весь европейский социалистический лагерь с новой силой. Точно так же и ход кризиса есть не прямолинейное движение, а брожение. И выход из кризиса будет также неравномерным, противоречивым, с попятными движениями, завихрениями.

Сущность кризиса

Надо различать сущность кризиса и его отдельные проявления. Поясню смысл этого различения на гипотетическом примере. Представим себе современный гигантский аэропорт. Нормально он функционирует как слаженный механизм.

Но вот стали опаздывать самолеты и отменяться рейсы, началась путаница с билетами и багажом, стали происходить аварии. Катастрофы и другие неприятные события. Естественно, стали в этом винить пилотов, администраторов, технику, погоду. А между тем в основе этих явлений была общая дезорганизация работы аэропорта. Она накапливалась по самым различным направлениям, но до поры до времени как-то исправлялась и оставалась незаметной. Но вот сложились неблагоприятные условия, в которых что-то нарушило меру, и дезорганизация стала реальностью.

Нечто подобное произошло с коммунистическими странами. Сверх обычного усилились инфляция, дефицит предметов потребления, коррупция, преступность. Упала трудовая дисциплина, участились аварии, потеряла действенную силу идеология, моральное разложение превзошло все допустимые размеры. Короче говоря, усилилось и разрослось все плохое и стало доминирующими факторами жизни масс населения. Стали искать виновных. Обвинили в этом Сталина, Брежнева, Хоннекера, Чаушеску, Живкова, КГБ, партийный аппарат, консерваторов, бюрократов. А между тем суть дела заключалась в том, что постепенно накопилась дезорганизация всего общественного организма. Коммунистическая страна с многомиллионным населением неизмеримо сложнее, чем упомянутый выше аэропорт. Ее жизнь организована так, что все в части должны выполнять определенные функции по установленным нормам, причем – согласованно друг с другом, Нарушения норм, конечно, происходят постоянно. Но до поры до времени соблюдается какая-то мера, нарушения исправляются и компенсируются. Теперь же эта мера оказалась нарушенной, причем – по самым различным направлениям. Дезорганизация охватила все части и аспекты общества. Отдельные ручейки дезорганизации стеклись в реки, а последние образовали общий стремительный поток. Произошла всеобъемлющая дезорганизация общественного организма. Произошло сложение, совпадение множества линий дезорганизации, давшее новое качество – кризис. Разразившись, кризис усилил и сделал явными все отрицательные явления общества. Они-то и стали восприниматься как суть кризиса, оттеснив на задний план подлинную суть кризиса – дезорганизацию целостности общественного организма.

Источники и условия кризиса

Ответить на вопрос, почему произошел кризис, так же трудно, как ответить на вопрос, почему произошла французская революция в конце XVIII века или русская революция в 1917 году, почему произошла первая или вторая мировая война и другие грандиозные исторические события. Блестящие рассуждения на этот счет читатель может найти в романе Л.Толстого «Война и мир». Конечно, произнеся какую-то фразу в ответ на тот вопрос «почему» может всякий. Но это не будет объяснением великого исторического события. Объяснение может дать лишь анализ события по правилам науки. Я не претендую здесь на исчерпывающее объяснение, – это дело будущего. В дальнейшем я ограничусь рассмотрением лишь некоторых аспектов кризиса, которые мне представляются наиболее существенными.

Я различаю источники и условия кризиса. Источниками или механизмами кризиса коммунизма явились те же самые факторы, которые обеспечивали нормальную его жизнедеятельность. Как говорится, наши недостатки суть продолжение наших достоинств. Только тут недостатки нарушили меру и превзошли достоинства. Механизмы кризиса органически присущи коммунизму. Они в коммунистическом обществе действуют всегда, порождая тенденцию к отклонениям от его норм. Их кризисное действие может быть ослаблено и парализовано, но они тем самым не уничтожаются. Постепенно накапливаясь и суммируясь, их отрицательные следствия готовят предпосылки для кризиса. Условия, в которых произошел данный кризис и которые способствовали ему, исчезнут и сменятся другими. Механизмы же кризиса не исчезнут, они останутся вечными спутниками коммунизма. В другое время при соответствующих условиях они вновь породят кризисную ситуацию, которая в самых существенных чертах повторит нынешний кризис. Постоянно действующий механизм кризиса, повторяю и подчеркиваю, есть механизм нормального функционирования общества, лишь рассматриваемый с той точки зрения, с какой он сам порождает отклонения от своих же норм. Поэтому я предлагаю читателю вернуться назад, к описанию нормального коммунизма, и обратить внимание на те места, где я говорил об отклонениях от тех или иных норм. Кроме того, я об этом буду говорить ниже, описывая сам кризис, ибо они отчетливо видны в его проявлениях. Условия кризиса суть нечто такое, что необходимым образом не связано с природой коммунизма как такового. Они суть нечто внешнее для него, не обусловленное внутренними закономерностями социального организма, переживающего кризис. В их числе может оказаться, например, какая-то природная катастрофа. Условия способствуют действию механизмов кризиса, ускоряют его наступление, усиливают его и делают явным. Но сами по себе они не порождают кризис. Последний мог произойти и без них, в других условиях. Ниже я рассмотрю некоторые из многочисленных условий кризиса. Эти избранные мною условия, как мне кажется, сыграли решающую роль в развязывании кризиса.

Пропущенная мировая война и «холодная» война

Среди условий кризиса следует в первую очередь назвать тот факт, что человечество пропустило одну очередную мировую войну. Не отсрочило, а именно пропустило. Война по идее должна была бы состояться. Но человечество еще не успело избавиться от страха ужасающих последствий прошлой войны и уже успело заразиться страхом еще более катастрофических последствий предполагавшейся войны. И война не состоялась. Она как бы рассосалась, не решив проблем, которые она по идее должна была бы решить, и не устранив причин, порождающих войны. Угроза новой войны не исчезла, но та война, которая теперь угрожает человечеству, является другой войной сравнительно с той, которая оказалась пропущенной, а не ее отсроченной реализацией. Ситуация здесь подобна ситуации с отменой спектакля в театре и новым спектаклем после этого, ничего общего не имеющим с отмененным. Причем пока еще нет уверенности в том, что новый спектакль состоится.

Благодаря непомерно затянувшемуся мирному времени внутренние закономерности коммунистического социального строя получили возможность проявить свою неумолимую силу. Если бы разразилась мировая война, страна оказалась в более тяжелом положении, чем сейчас. Но это состояние не было бы социальным кризисом коммунизма. Это было бы явление иного рода. Во время войны с Германией Советский Союз был на грани гибели. Но это опять-таки не было кризисом коммунизма. Для созревания социального кризиса требовался достаточно длительный период более или менее нормального существования страны, а не вынужденные и внешние отклонения от нормы. Затянувшийся мирный период дал тот минимум времени, который был необходим для превращения постоянно действующей возможности кризиса в действительность.

Но затянувшийся мирный период не был периодом абсолютного мира, т. е. периодом всеобщей любви и дружбы. Он включил в себя «холодную» войну, которая по своей силе и ожесточенности может быть поставлена в один ряд с войнами горячими. Ее исход явился вторым важнейшим условием кризиса коммунизма.

В «холодной» войне главными противниками были «Запад» и «Восток», т. е. капиталистические и коммунистические страны. Это была война социальная, т. е. по преимуществу между социальными системами. Но было бы вульгаризацией думать, будто люди, развязавшие эту войну, вдохновлявшие ее и руководившие ею, исходили из понимания различия социальных систем. Если бы капиталистический мир имел свою планету, а коммунистический – свою, то никакой войны не было бы. Но планета на всех одна. И история ее давно стала историей внутри некоего единства, враждебного единства, но единства.

«Холодная» война велась по многим направлениям – в сфере экономики, пропаганды, деятельности секретных служб, вмешательства во внутреннюю жизнь других стран, а также путем провоцирования вооруженных конфликтов и участия в малых войнах. Она сопровождалась стремительным распространением коммунизма по всей планете. Первая половина ее прошла явно с преимуществами для коммунистического мира. Сработало такое преимущество коммунизма, как возможность для властей бесконтрольно манипулировать ресурсами страны, сосредоточивать все силы на достижении определенной цели, не считаясь с потерями. Но постепенно стали сказываться и преимущества Запада, и прежде всего – в экономике, науке и технике. Советский Союз истощил свои силы в расточительной международной активности, в безудержной гонке вооружений и в безнадежном соревновании с Западом в сфере экономики и технологии. Снизился международный авторитет Советского Союза. Произошел раскол между крупнейшими коммунистическими державами – Советским Союзом и Китаем. Стали выходить из-под контроля Москвы европейские коммунистические партии, возник еврокоммунизм. Баланс сил качнулся в пользу стран Запада. К началу восьмидесятых годов можно было констатировать как факт, что «холодная» война закончилась в основном в пользу Запада.

Перелом в советской политической стратегии

В качестве следующего важного условия кризиса заслуживает упоминания перелом в политической стратегии Советского Союза в отношении Запада. Это условие интересно как иллюстрация к тому, что сами руководители советского общества, упиваясь своими успехами, готовили будущий кризис.

Советская политическая стратегия обычно смешивается с советской официальной идеологией. А между тем тут имеет место существенное различие. Марксистско-ленинская идеология дает общую концепцию исторического процесса, тогда как советская политическая стратегия касается конкретного исторического периода, определяет роли участников этого периода и программу действий Советского Союза. Она не выражается так явно, как идеология. Ее фактические принципы официально отрицаются советскими властями или маскируются идеологической фразеологией. Это создает ложную видимость, будто советское руководство действует по принципам идеологии. На самом деле советская политическая стратегия выросла не из идеологии, а из реального исторического опыта страны и практического здравого смысла. Она навязывается советскому руководству не в университетах и партийных школах на уроках марксизма-ленинизма, а закономерностями коммунистического социального строя и отношениями в мире.

В основе советской политической стратегии лежат принципы, которые приобрели принудительную силу аксиом. Назову некоторые из них. Первая аксиома устанавливает исторического врага Советского Союза в переживаемую эпоху. Этот враг есть «Запад». Этот взгляд имеет реальные основания. Достаточно упомянуть здесь распространение коммунистического социального строя по планете и расширение сферы советской активности, сокращающие возможности Запада в смысле эксплуатации планеты в своих интересах и угрожающие самому существованию социального строя стран Запада, что вряд ли способно вызвать всеобщий восторг. Другая аксиома дает установку советскому руководству на использование неоднородности Запада с целью раскалывания и тем самым ослабления его. Эта установка конкретизируется путем выделения такой части Запада, которая считается потенциально самой опасной для Советского Союза в данный период, и такой части, которая считается потенциально самой доступной для советского влияния и самой соблазнительной в данный момент. Первая рассматривается в качестве стратегического врага номер один, а вторая – в качестве стратегической жертвы номер один. Врага номер один следует откалывать от остальной части Запада и всячески дискредитировать, а жертву номер один следует включить в сферу своего влияния и заставить служить своим целям. Перед второй мировой войной врагом номер один была Германия. После войны им стали США. К началу восьмидесятых годов стратегической жертвой номер один для Советского Союза стала Западная Германия, что существенно повлияло на ситуацию с Восточной Германией.

В брежневские годы беспрецедентных в истории человечества масштабов достигла советская разведка на Запад, возглавлявшаяся Ю.В. Андроповым. Она включила в себя не только профессиональную разведку КГБ и армии, но и

дипломатов, журналистов, ученых, деятелей культуры, туристов и даже эмигрантов. Советская разведка тщательно изучила ситуацию в странах Запада, отбросив все идеологические предрассудки прошлого. Она сделала открытие, которое имеет исторически важное значение. Она установила, что разоблачения ужасов прошлой советской истории и сущности коммунистического социального строя не могут иметь достаточно длительного и глубокого влияния на умонастроения и тем более на поведение масс людей на Западе, что массы людей на Западе неспособны и не хотят знать всю беспощадную правду о советском обществе, что средства массовой информации Запада и бесчисленные специалисты по советскому обществу являются надежными помощниками советских органов в деле введения в заблуждение западных людей во всем, что касается сущности советского общества, что Запад просто жаждет быть обманутым, но обманутым удовлетворяющим его образом. Советская разведка установила, что западная потребность в самообмане в отношении Советского Союза вполне может быть удовлетворена теми возможностями, которые обнаружились в самом Советском Союзе. С приходом Горбачева к власти эти две линии сомкнулись, и советское руководство предложило Западу именно ту форму обмана, которая ощущалась на Западе как современная потребность в самообмане: советское руководство стало изображать готовность осуществить преобразования, снимающие все претензии Запада к Советскому Союзу, до сих пор занимавшие внимание масс людей.

Но при этом не учли того, что это отразится в самом Советском Союзе как поощрение разрушительных антикоммунистических тенденций.

В хрущевские и брежневские годы в советской внешнеполитической стратегии доминировала установка на создание автономной экономики стран советского блока. Теперь же советские руководители стали настойчиво говорить о необходимости советской интеграции в мировую экономику. Хотя это желание мотивировалось ссылкой на некое «международное разделение труда», подлинные причины его остались невысказанными: желание всосаться в тело капиталистических стран и высосать из них как можно больше жизненных соков. Теперь Западу стали предлагаться такие формы экономического сотрудничества, которые раньше считались угрозой социальному строю страны. Теперь положение изменилось. С одной стороны, без живительных соков западной экономики советская экономика, склонная к застою и паразитизму, не могла даже удержаться на достигнутом уровне. А с другой стороны, советскому руководству казалось, что Советский Союз мог без особого риска допустить кусочек капитализма у себя дома и более тесные отношения с капитализмом вовне. И опять-таки не учли последствий этой политики для внутреннего состояния своей страны.

Советское проникновение на Запад было палкой о двух концах: оно усилило западное проникновение в Советский Союз. Постсталинские годы были одновременно и годами сильного влияния Запада на советское общество. Общеизвестно, к каким последствиям привела ликвидация «железного занавеса» в хрущевские и брежневские годы. Это влияние Запада на советское общество сохранило свою силу; и в послебрежневские годы и даже усилилось. К ним добавилось еще одно явление, позволяющее говорить о новой эпохе в

этом отношении.

Те проблемы, которые назрели в Советском Союзе, хотя и являлись проблемами внутренними, возникли они как результат взаимоотношений Советского Союза с Западом. Запад – вот что теперь стало мерилom и образцом для всего серьезного, что делалось в Советском Союзе. Задачей советского руководства стало добиться того, чтобы Советский Союз выглядел не так безобразно в сравнении с Западом, как тогда, укрепить советское общество во все отношениях (и в военном в первую очередь), чтобы усилить его позиции в конкуренции с Западом и в противостоянии Западу. А сделать это в современных условиях можно было лишь одним путем, а именно – уподобляясь Западу. Запад стал таким же объективным фактором во внутренней советской жизни, как и Советский Союз в жизни Запада. Это обстоятельство наряду с положительными (с точки зрения советского руководства) последствиями принесло с собой и последствия отрицательные, а именно – то, что в советской идеологии и пропаганде называют «тлетворным влиянием Запада». Любое советское руководство в этих условиях так или иначе вынуждалось проводить линию на сближение с Западом, хотя такое сближение имело следствием ущерб самому социальному строю Советского Союза.

Такое влияние Запада на советское общество было пассивным, т. е. самым фактом своего существования и открытостью для советских людей. Что касается активной деятельности, то тут произошел перелом огромного исторического значения. Запад не только не был разгромлен или даже ослаблен благодаря пропущенной войне, но обрел новые силы и перспективы. Началась сильнейшая атака Запада на коммунистический мир в форме борьбы за демократию. Она охватила не только сферу пропаганды, но и практических мер. Я имею в виду экономические и политические санкции, стимулирование демократических и национальных движений, дискредитацию политических режимов. Эта атака оказалась настолько сильной, что руководители коммунистических стран отказались от открытого применения специфически коммунистических методов решения своих проблем и встали на путь своего рода западнизации своих стран. Это способствовало усилению и углублению кризиса коммунизма и породило на Западе надежды на то, что коммунистический «режим» рухнет в ближайшее время в силу внутренних причин. И Запад стал проводить в отношении Советского Союза политику поощрения этой воображаемой тенденции эволюции коммунизма. Она проявилась в создании легенды о Горбачеве как великом реформаторе и миротворце, в кредитах Советскому Союзу, в предоставлении трибун для советских эмиссаров, в мощном потоке дезинформации о реальном положении в Советском Союзе и о сущности перестройки, в создании препятствий для серьезного анализа и критики горбачевизма. Среди причин, породивших западные иллюзии в отношении Горбачева и политику задабривания и восхваления, можно назвать желание масс людей в странах Запада склонить Советский Союз на путь эволюции в сторону западной демократии, надежду, что горбачевцы разлагали и ослабляли советское общество изнутри, соображения о возможной выгоде от улучшения отношений с Советским Союзом, высокомерное отношение к советским людям как к некоей «низшей»

расе, страх перед военной угрозой со стороны Советского Союза, неосознанное стремление оправдать свою трусость и безответственность, подражание моде. Совпадение этих и ряда других факторов определило состояние умов и чувств масс людей на Западе. Идя на такой перелом во взаимоотношениях с Западом и добившись на первых порах огромных (как казалось) успехов, советское руководство и не подозревало о том, что оно ускоренными темпами толкало страну к кризису.

Смена руководства

Следующим важным условием кризиса явилась смена советского руководства. В Советском Союзе произошло несколько таких смен. И все они по-своему характерны. После смерти Сталина была предпринята попытка совершить «плавную» смену руководства, сохранив преемственность. Попытка не удалась. И это произошло не в силу личных качеств высших лиц в системе власти, а по причинам более серьезным: сталинизм изжил себя, десталинизация страны стала вопросом ее жизни и смерти. Хрущевский «переворот» знаменовал собою переход от сталинского народовластия к государственно-бюрократическому типу руководства. На этот переход наложились и другие явления, скрывшие его суть и зашедшие дальше того, что допускала эта суть. Я имею в виду попытки Хрущева осуществить реформы, которые считаются предшественницами реформ Горбачева.

Брежневский «переворот» произошел с социологической точки зрения плавно. Хрущевские годы были еще годами переходными от сталинского волюнтаризма, склонного к авантюризму, к приспособленческому или рутинно-бюрократическому типу руководства. Хрущев потерпел крах, так как еще пытался действовать сталинистскими методами принудительных реформ. Приход Брежнева к власти знаменовал собою установление той системы власти и управления, которую я описал выше. Брежневское руководство отбросило остатки сталинизма хрущевского руководства, сохранив и усилив результаты хрущевской десталинизации.

Годы брежневского правления не были годами застоя. Словечко «застой» – идеологическая пустышка в языке горбачевцев наряду с другими словесными фетишами вроде «консерваторы», «гласность» и т. д. В брежневские годы произошли огромные перемены в стране и в мире. Думаю, что они еще станут предметом беспристрастного исследования в будущем. Если уж искать какие-то условия кризиса в брежневском периоде, то в первую очередь следовало бы назвать не застой, а именно чрезмерность успехов и усложнения общественного организма и его чрезмерное влияние в мире.

Брежнева сменил Ю. Андропов. Думаю, что феномен Андропова заслуживает более пристального внимания, чем то, какое уделялось ему до сих пор. Андропов предполагал осуществить назревшие преобразования в стране, но в рамках той системы власти и управления, которая сложилась при Брежневе, сделать это спокойно, сохранив преемственность эволюции страны. Эта попытка не удалась. Андропов умер, не успев начать реформы. Тот факт, что на его место пришел Черненко, означал испуг брежневцев перед

предстоящими реформами и попытку сохранить прежнее состояние страны и власти. И эта попытка провалилась. Но уже по причинам иного рода: в стране назрела кризисная ситуация. Приближение кризиса ощущалось по многим каналам. Правда, этот процесс не осознавался как приближение кризиса. Он осознавался просто как наращивание трудностей и отрицательных явлений во всех сферах жизни общества. Новое поколение деятелей власти, начавшее карьеру еще в хрущевские и даже сталинские годы и преуспевшее в годы брежневские, было допущено до высшей власти и решающей роли во всех звеньях системы власти, так как оно грозило остановить движение страны к катастрофе, обеспечить новый подъем и процветание. Это поколение деятелей власти и не помышляло о той политике реформ, какую им потом навязали непослушные им обстоятельства. Оно мечтало об одном: взять власть и укрепиться у власти, используя новые лозунги, имевшие успех в массах и приносившие им поддержку. Они, конечно, думали о преобразованиях, но в андроповском духе, т. е. спокойно, под контролем системы власти. Они бы сочли достойной смеха чепухой, если бы им тогда сказали, что именно они своей демагогией и реформаторской суетой развяжут первый в истории специфически коммунистический кризис.

Политика перестройки

Советское руководство и пропаганда изображают дело так, будто во времена Сталина и Брежнева общество болело, а теперь, при Горбачеве, оно стало выздоравливать. То же самое утверждают новые правители стран Восточной Европы. Им следуют бывшие и вновь появившиеся оппозиционеры, завладевшие вниманием масс населения и играющие теперь весьма активную и вполне легальную (во всяком случае – безопасную и даже выгодную) роль. Но реальное положение как раз противоположно этому. Именно состояние коммунистического общества при Сталине, Брежневе, Хоннекере, Чаушеску, Живкове, Мао Цзе-дуне и прочих деятелях того же рода было здоровым, а теперь оно находится в состоянии тяжелой болезни. Повторяю, я не вкладываю в понятие здоровья и болезни никакого оценочного смысла. Здоровое состояние общества – не обязательно хорошее. Я не хочу тем самым защищать Сталина, Брежнева и прочих и оправдывать все то, что было сделано в прошлые годы. Я лишь подчеркиваю тот объективный факт, что для нормального (здорового) коммунизма характерно не то, что стало происходить при Горбачеве, а то, что происходило при Сталине и Брежневе.

В брежневские годы накопились предпосылки для кризиса – созрел потенциальный кризис. Но актуальным он стал лишь с приходом Горбачева к власти и с началом перестройки. Горбачевское руководство развязало кризис, дало толчок к превращению потенциального кризиса в актуальный. Горбачев своей перестройкой «нажал кнопку», и бомба кризиса взорвалась.

Я не отрицаю того, что у горбачевцев было намерение предотвратить надвигающийся кризис. Но это намерение реализовалось в таких мерах, которые ускорили и углубили кризис. Процесс вышел из-под контроля властей и хозяев общества, превратив их в своих марионеток, навязав им форму

поведения, о какой они никогда не помышляли ранее. Они выпустили джинна кризиса из бутылки. И сделали хорошую мину при плохой игре: превратившись в марионеток неуправляемого процесса, они стали играть роль сознательных реформаторов общества. И мир охотно принял эту игру за чистую монету.

Горбачевцы пустили в ход слова вроде «перестройка», «гласность», «революция сверху». На Западе, весьма склонном к словесному фетишизму, избавляющему от серьезного анализа реальности, ухватились за них и приняли идеологические феномены за чистую монету. Но что такое перестройка на самом деле?

Выше, в разделе «Социальный хамелеон» я уже говорил о способности коммунистической власти меняться в зависимости от обстоятельств. Сказанное там целиком и поде ностью относится к феномену перестройки. Судить о ней на основе официальных документов, сообщений прессы, речей политиков и идеологов и прочих явлений того же рода, – значит заранее обрекать себя на односторонность, поверхностность, иллюзии, искажение масштабов и важности событий. Горбачевская перестройка и есть подлинная реальность кризиса, кризис как таковой. И лишь во вторую очередь она есть попытка предотвратить и затем преодолеть кризис. Она могла начаться как попытка предотвратить кризис. Но как такая попытка, которая, как говорится, лишь подлила масла в огонь. Она превратилась в попытку выйти из кризиса. Но как такая попытка, которая усугубила кризис, а затем превратилась в маскировку контрперестройки.

На Западе не заинтересованы в понимании сущности горбачевской перестройки. Тут, наоборот, ее превозносят как неслыханный прогресс. И делают это не из неких гуманных соображений и не из желания осчастливить граждан коммунистических стран, а именно потому, что Горбачев нажал спусковой крючок кризиса, своей перестройкой углубил и расширил кризис, поставив коммунистические страны на грань катастрофы. Лидеры Запада уверены в том, что Горбачев, хочет он того или нет, является их человеком, ведущим коммунизм к гибели. Сокровенная мечта привилегированных классов Запада и его вождей – чтобы коммунизм рухнул в силу внутренних причин. И эта мечта вроде бы сбывается. Как тут не сделать Горбачева человеком года и даже десятилетия?! Если Горбачев со своей перестройкой доведет страну до такого же состояния, до какого дошли страны бывшего советского блока, то его сделают и человеком века. И XX век будет не веком Ленина и Сталина, под руководством которых произошла социалистическая революция и было построено коммунистическое общество, а веком Горбачева, под руководством которого это общество было дискредитировано и разрушено.

Политика власти и реакция общества

Для понимания сущности кризиса важно точно фиксировать, как конкретно он разразился. Дело тут обстояло не так, будто в обществе начались кризисные явления, вынудившие власть на определенную политику – на политику

«перестройки». Наоборот. Власть начала проводить определенную политику, будучи уверенной в том, что общество будет продолжать жить под ее контролем и следовать ее предначертаниям. Расчет власти оказался ошибочным. Общество, созревшее для кризиса, реагировало на политику власти неожиданным и нежелательным для нее образом. Так что рассматривая процесс с чисто социологической точки зрения, можно сказать, что кризис был «спущен» в общество сверху. Это отчетливо видно на примере всех важнейших мероприятий власти.

Одной из особенностей западного подхода к событиям в Советском Союзе является неспособность провести четкое различие между реформами и политикой реформ, между гласностью и политикой гласности, между демократией и демократизацией, между свободой и политикой свободы.

Что вообще считать реформой? Не всякие распоряжения властей суть реформы в собственном смысле слова. Иначе слово «реформа» вообще теряет смысл. Смена лиц в руководстве, деление и объединение учреждений власти, повышение или понижение цен на продукты питания и все такое прочее, – что это за реформы?! Только щедрая на эпитеты западная пресса и тщеславные советские вожди произвели эти заурядные распоряжения в ранг реформ. Реформа есть такое решение высшей власти, которое фиксирует или производит серьезный и устойчивый перелом в какой-то сфере жизнедеятельности страны в целом, в самих принципах организации этой сферы. Таких переломов не может быть много. Обилие горбачевских «реформ» говорит о том, что на самом деле происходит лишь начальническая суэта, лишь по видимости похожая на реформы, но не являющаяся таковыми по существу. Горбачевские «реформы» суть реформы иллюзорные. Они суть лишь принудительные политические средства власти добиться каких-то желаемых результатов любой ценой, придавая этим средствам видимость реформ. Словечком «реформа» тут маскируют и оправдывают неспособность осуществить настоящую реформу. Чем ничтожнее реальное содержание, тем грандиознее словесное оформление, – это характерно для коммунистической власти. Даже слово «реформа» показалось горбачевцам недостаточным, и в ход пошло слово «революция».

Результатом политики реформ явилось не новое устойчивое состояние общества, а его дестабилизация. Плохо ли – хорошо ли, но общественный механизм до этого как-то работал. Его детали были как-то скоординированы. Реформаторская же суэта разрегулировала его окончательно. Горбачевцы вели себя подобно некомпетентным в технике авантюристам, которые хаотически заменяют устаревшие детали в устаревшей машине новыми деталями, игнорируя принципы работы машины как целого. Прошло более пяти лет. Выдвинуто идей и планов, произнесено и написано слов, принято решений и дано указаний больше, чем сталинцами и брежневцами вместе взятыми за десятки лет. А каковы результаты? Обычно новые правители оправдываются тем, что, мол, нельзя исправить за несколько лет то, что портилось в течение десятков лет. Но это ложь. Положение как раз противоположно этому. Десятки лет строили. Плохо строили, но строили. А новые правители, одержимые тщеславием, бездумно испортили все за несколько лет.

Одним из принципов нормального функционирования коммунистического

социального организма является принцип секретности. Соблюдение его есть одно из важнейших средств тотального управления обществом. Плохо это или хорошо? Смотря с какой точки зрения и для кого. Объективно же говоря – это есть одно из условий нормального (для коммунизма) функционирования системы управления. Горбачевское руководство стало проводить политику гласности, принесшую ему неслыханную популярность на Западе. Горбачевцы надеялись пококетничать гласностью, сорвать аплодисменты, но удержаться в общем и целом в рамках принципа секретности. Расчет оказался ошибочным. В условиях назревшего кризиса политика гласности привела к нарушению фундаментальных принципов управления. Для всеобщего обозрения была обнажена вся подноготная работы власти, которая остается скрытой от посторонних даже в самом демократическом обществе. Система управления и власти стала незащищенной от любых внешних ударов, стала болезненно уязвимой. Начавшаяся оргия гласности переросла в такое мазохистское саморазоблачение и самобичевание, какое не допустило бы никакое западное государство.

Политика признания грехов прошлой истории страны началась точно так же с благими намерениями восстановить историческую правду, отмежеваться от деяний предшественников и заслужить похвалу на Западе. Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. Вместо восстановления исторической правды началось очернение всей прошлой советской истории. События вырывались из их исторического контекста и интерпретировались в духе требований нынешней конъюнктуры. Новая историческая ложь сменила старую. Причем новая ложь в отличие от старой стала играть роль разрушительную, разъедающую, деморализующую. Хотя новая власть и отрещивалась от своих предшественников, осуществить это противопоставление в сознании населения было уже невозможно. Грехи прошлой власти стали выглядеть как грехи власти вообще. Дискредитация сталинского и брежневского руководства сделала для дискредитации любого руководства страны больше, чем ее реальные промахи.

То же самое произошло с политикой демократизации страны. Любое общество вырабатывает свою систему запретов и разрешений для поведения своих граждан. Никаких универсальных и прирожденных свобод не существует. Идея неких прирожденных прав человека и всеобщих демократических свобод есть идея западной идеологии, а не некая научная истина. И в коммунистическом обществе есть свои свободы. А об ограничениях свободы (о запретах) и говорить нечего, – они общеизвестны. В послесталинские годы в Советский Союз стали проникать идеи западной демократии. Этот процесс стал особенно интенсивным в брежневские годы. Хотя брежневское руководство понимало его пагубность для советского общества, оно не могло его остановить. Все его усилия противостоять ему имели противоположный результат. И хотя под руководством Ю. Андропова (тогда – главы КГБ) диссидентское движение было разгромлено, фактическое влияние идей демократии в массе населения неуклонно возрастало по самым различным каналам.

Горбачевское руководство, приняв установку на демократизацию страны, исходило из того, что диссидентское движение уже разгромлено, а

разоблачительная деятельность критиков советского общества не имела того эффекта, как того боялись прежние руководители страны. Оно решило допустить некоторые послабления, будучи уверено к том, что это не будет иметь таких негативных последствий, как в годы расцвета диссидентства, зато принесет ему популярность на Западе. И действительно, на первых порах этот расчет оправдался. Горбачев на Западе заработал огромную популярность как «освободитель Сахарова». А освобожденные и допущенные диссиденты, включая Сахарова, стали расхваливать перестройку. Но произошло то, чего не ожидали не только сами горбачевцы, но и бывшие диссиденты. Политика демократизации развязала широкие слои населения. Они пошли дальше того, что предполагалось. Они явочным порядком сломали многочисленные запреты прошлого. Удержать этот взрыв было невозможно. Страна впала в состояние всеобщей смуты и распушенности. Начался такой разгул «демократии», какого теперь не увидишь даже в демократических странах Запада. К этому вопросу я еще вернусь ниже.

Кризис социальной организации

Начавшись с самых верхних «этажей» общества – с идеологии и морального состояния, кризис углубился до самых глубоких его основ – до его социальной организации. Был нарушен фундаментальный принцип владения? Вопрос об отношении граждан коммунистического общества к средствам и продуктам своей деятельности не есть вопрос экономический. Это – вопрос социальный. Ликвидация частной собственности в больших масштабах и классов частных собственников и предпринимателей означала не просто нечто чисто негативное. Она означала то, что ареной истории завладели социальные отношения иного рода – коммунальные, или коммунистические. Граждане оказались в одинаковом отношении к средствам и продуктам деятельности, зато их различия иного рода стали социальным базисом общества. Кризис же поставил под сомнение именно эту коренную переориентацию эволюции общества. В ней стали видеть одну из причин застоя и трудностей. Ее стали даже рассматривать как исторический тупик. Причем дело не ограничилось разговорами. Горбачевское руководство стало предпринимать практические меры в смысле поощрения форм владения, приближающихся к форме частной собственности и даже переходящих в них. Например – передавать землю гражданам в пожизненное владение, причем – с правом наследования, создавать частные предприятия, фактически легализовать многое из того, что ранее было преступной «побочной экономикой». Конечно, из этих мер вряд ли выйдет что-то позитивное и устойчивое, и через какое-то время они сами заглохнут или будут отменены или пересмотрены, но они свою долю в кризис уже внесли. Они в огромной степени способствовали разрушению коллективистских оснований коммунизма. В обществе наметилась тенденция к образованию слоя (класса) граждан, находящихся в исключительном положении сравнительно с прочими гражданами. Эти граждане уже не являются служащими государства. Они суть чужеродные вкрапления в теле общества, в котором все без исключения должны быть служащими

государства.

Нарушилась стабильность социальной структуры населения и механизма ее воспроизводства. Произошла та самая дестабилизация общества, о которой так долго мечтали на Западе. Усилилась сверх меры ненадежность социального положения людей, ослабли гарантии удовлетворения минимальных потребностей. Поскольку не было войны и улучшились какие-то бытовые условия, выросло население, возникло социально избыточное население, лишенное перспектив успеха, застопорилась смена людей в деловой жизни. В результате нарушилось естественное воспроизводство социальной структуры населения. Она одеревенела. Ослабла заинтересованность массы людей в делах и интимной жизни их деловых коллективов. Произошло ослабление и порою даже разрушение прикрепленности граждан к деловым коллективам, а также ослабление власти коллектива над индивидом. Принцип «интересы коллектива выше интересов личности» основательно поколеблен. Образовалось огромное число людей, вообще не прикрепленных ни к каким коллективам, но способных при этом как-то существовать, порою – лучше, чем если бы они работали в коллективах. Образовалось еще большее число людей, прикрепленных к коллективам, но практически не подчиняющихся воле коллектива. Они безнаказанно нарушают нормы поведения, какие они должны были бы соблюдать в качестве членов коллектива. Они потеряли перспективу улучшать свои жизненные условия и добиваться успехов в их коллективах и за счет коллективов. В их жизни большое, а порою – главное значение приобрело их поведение вне коллективов, к которым они прикреплены формально. Эта масса людей, выпавших из-под контроля коллективов, образовала особый слой, который стал ядром, опорой и ударной силой всякого рода оппозиционных умонастроений, восстаний, демонстраций, митингов, движений, групп. Этот слой стал оказывать огромное влияние на прочую пассивную часть населения. В «революциях» в Восточной Европе он сыграл и играет до сих пор главную роль. Он достиг значительных размеров и влияния и в Советском Союзе, стал угрозой существования коммунизма вообще. Он легко поддается манипулированию со стороны всякого рода демагогов, наживающих себе известность и репутацию на критике всего и вся. Он заражен антикоммунистическими идеями. Его лозунги и идеалы лишь по видимости позитивны. На самом деле они разрушительны для социального строя страны и негативны по своим последствиям для масс населения. Но эти последствия маскируются безудержной демагогией. Я бы назвал этот слой люмпен-отщепенцами.

Произошло, далее, вопиющее нарушение принципов вознаграждения за труд и распределения жизненных благ. Критики коммунизма и нынешнего состояния его обращают внимание на привилегии, какими обладают представители высших слоев, и игнорируют более серьезные отклонения от рассматриваемых принципов. Но привилегии, если они не выходят за определенные рамки, суть нормальное явление в системе распределения жизненных благ в коммунистическом обществе. Они укладываются в рамки принципа распределения и вознаграждения в соответствии с социальным положением человека и его признанной официальной ценностью. Гораздо опаснее для существования коммунизма образование массы граждан, которые

приобретают благ больше, чем это положено им согласно их социальному статусу, и ослабление самого фундаментального принципа распределения, именно – принципа «каждому – по его социальному положению», а также принципа «каждому – по труду». Если человек, потративший более двадцати лет жизни на то, чтобы приобрести образование и высокую квалификацию в своем деле, получает много меньше вознаграждения, чем другой человек, не имеющий способностей, не утруждавший себя учебой и тяжким трудом, то это дело и путь овладения им теряют привлекательность. А случаи такого рода стали обычными явлениями советской жизни. Инженеры, врачи, учителя, профессора, научные работники, высококвалифицированные рабочие и представители других профессий, требующих длительной учебы и тренировки, получают жизненных благ меньше, чем продавцы магазинов, портные, спекулянты на черном рынке, частники и прочие представители денежных профессий, процветающие за счет дефицита предметов потребления и послаблений властей. Этот слой граждан, приобретающих блага за счет отклонения от норм коммунистического распределения, стал огромным. Даже согласно советской прессе в стране существует огромное число необычайно богатых людей, не занимающих никаких постов, не сделавших никаких научных открытий и изобретений, не внесших никакого вклада в культуру, – слой «черных капиталистов» (так я бы назвал его). Этот слой совместно с люмпен-отщепенцами стал огромной силой в стране, способной если не похоронить коммунизм, то нанести ему непоправимый ущерб.

Произошло, далее, нарушение нормальных пропорций групп населения различных категорий. Сверх всякой меры выросло число представителей легких и престижных профессий, – художников, писателей, танцоров, артистов, журналистов, не говоря уж о необычайно раздутых штатах всякого рода контор и учреждений, а также управленческого аппарата деловых коллективов. Сложился многочисленный слой социальных паразитов, которые за счет малых усилий и способностей имеют приличную долю жизненных благ. Каждый тип общества характеризуется какой-то величиной социального паразитизма. Эта величина для коммунистического общества является очень высокой. Теперь она превзошла всякие допустимые пределы. Этот слой скрытых социальных паразитов вносит свою долю в социальную дезорганизацию страны. Многие представители этого слоя, уже не получая вознаграждения, на которое они претендуют согласно престижу их профессии, присоединяются к люмпен-отщепенцам и черным капиталистам, привнося в эту массу антикоммунистическую идеологию, психологию и мораль.

Кризис экономики

Кризис коммунистической экономики не имеет ничего общего с экономическими кризисами в капиталистическом обществе. В основе капиталистического кризиса лежит анархия производства. Заключается он в дезорганизации экономики. Проявляется он в избыточности капиталов и перепроизводстве товаров. Лучшим, на мой взгляд, исследованием капиталистических кризисов являются работы К. Маркса. Сейчас принято

считать, что его выводы ошибочны. Но дело обстоит как раз наоборот. Вроде бы после кризиса конца двадцатых и начала тридцатых годов капиталистических кризисов не было. Это и так и не так. Маркс писал о тенденции к кризисам. А она не исчезала и не исчезнет. Очередной кризис был предотвращен второй мировой войной, а следующие – пропущенной третьей мировой войной, которая хотя и осталась потенциальной, все же сгладила тенденцию к кризису. Плюс к тому – многочисленные малые войны сыграли свою роль. Эта тенденция ощущается и теперь. Она является одной из основ новой политики Запада в отношении коммунистических стран и наступления демократии по всей планете. Капиталистические страны нуждаются в сферах приложения капиталов и рынках сбыта. Они хотят, чтобы эту роль,; сыграли коммунистические страны. Конечно, последние могут несколько ослабить тенденцию к кризису. Но они не способны устранить ее совсем. Капиталистический кризис абсолютен в том смысле, что осознание его как кризиса не нуждается ни в каких сравнениях.

В основе кризиса коммунистической экономики лежат сами принципы ее организации, – системность, плановость, единое и централизованное управление, социальная организация людей. Внешними проявлениями кризиса является усиление обычных экономических трудностей сверх всякой меры. Кризис относителен в том смысле, что осознается как таковой лишь в сравнении с уровнем жизни и технологией стран Запада. Не будь Запада, состояние советской экономики превозносилось бы как верх совершенства. Люди воспринимали бы его как очередные экономические трудности. Но сущность его заключается в отступлении от коммунистических методов в экономике и в стремлении преодолеть экономические трудности и застой капиталистическими методами. Самые радикальные реформаторы стали говорить о приватизации экономики вообще и о переходе к рыночной экономике, как на Западе. Более умеренные стали говорить о планово-рыночной экономике, т.е. о сочетании плановой и рыночной экономики, и о частичной приватизации. Предприятия стали переводиться на «самофинансирование». Были допущены в большом количестве частные, кооперативные и смешанные предприятия. Был принят закон о собственности, допускавший пожизненное владение частными лицами средствами производства. Была ослаблена политика установления цен государством и допущена некоторая свобода рыночного ценообразования. Было ослаблено централизованное управление экономикой, расширена внеплановая ее часть. Нависла угроза закрытия какой-то части предприятий под предлогом их нерентабельности и возникновения явной массовой безработицы. Короче говоря, кризис в экономике выразился в таком отступлении от принципов коммунизма, какого не было за всю советскую историю. Даже ленинский НЭП и хрущевские экономические авантюры не идут с горбачевским «новым НЭПОМ» ни в какое сравнение. Тогда это были просто попытки преодоления трудностей. Теперь же это стало элементом всеобъемлющего кризиса.

Принеся ничтожные улучшения для ничтожной части населения, горбачевская экономическая политика усилила хаос и бесконтрольность в экономике, привела к вопиющим нарушениям коммунистического принципа распределения и внесла свой вклад в общую деморализацию страны,

непомерно усилив все те «родимые пятна капитализма», против которых боролись в течение всей советской истории. К моральному разложению общества, идущему от высших слоев, добавилось моральное разложение, идущее снизу.

Я подчеркиваю, что дело обстояло не так, будто возник кризис экономики и горбачевское руководство стало проводить экономические реформы с целью его преодоления. На самом деле сами экономические реформы горбачевского руководства явились реальностью кризиса экономики. Если хотите установить, в чем именно заключался кризис советской экономики, перечислите и опишите эти реформы. Имея намерением улучшить положение в экономике, горбачевцы ввергли ее в состояние кризиса.

Кризис системы управления

Говоря о кризисе системы управления, обычно обращают внимание на коррупцию, бюрократизм и консерватизм. На самом деле эти явления свойственны всякой сложной и многочисленной по составу системе управления. Разрастание их при коммунизме есть норма этого общества, а не отклонение от нее. Нарушением нормы является их чрезмерное разрастание и их крайние проявления. Тот факт, например, что руководители областного уровня используют свое положение в корыстных целях, есть норма коммунизма. Нарушением нормы является то, что они обогащаются больше, чем руководители более высокого уровня, или их корысть становится предметом всеобщего внимания. Суть кризиса системы управления заключается вовсе не в этом, а в том, что система управления утратила прежний контроль над управляемым обществом и сама оказалась дезорганизованной, разрегулировалась.

Почему система управления утратила прежний контроль над обществом? Не потому, что она стала хуже, заразилась коррупцией, бюрократизмом и консерватизмом. И этом смысле она даже как-то улучшилась. И не потому, что управляемое общество стало хуже, – люди стали хуже работать, упала трудовая дисциплина, возросло пьянство, возросла преступность и прочие негативные явления. Те, кто критикует советское общество с этой точки зрения, создают предвзятое и тенденциозное впечатление. Управляемое общество по крайней мере не стало хуже прежнего. Те ухудшения, которые произошли, явились следствием кризиса, а не одной из его причин. Суть дела в том, что нарушилось сверх меры соответствие между управляющей системой общества и управляемым телом общества, – нарушились принципы и нормы управления и управляемости.

Со стороны управляемого тела общества в послевоенные годы произошло следующее. В послевоенные, в хрущевские и в еще большей мере в брежневские годы в стране произошел колоссальный прогресс сравнительно со сталинскими годами. Было построено огромное число новых предприятий. Необычайно усложнилось хозяйство, культура и быт населения. Вырос его образовательный уровень. Улучшились бытовые условия. Были достигнуты успехи в науке и технике. Достаточно здесь назвать успехи в космосе и в

военной промышленности. Возросло число ученых и деятелей культуры вообще. Был ликвидирован «железный занавес», необычайно расширились контакты с Западом. Короче говоря, годы «брежневского застоя» вовсе не были такими застойными, как это изображает горбачевская пропаганда. Одной из важнейших причин кризиса явился как раз не застой, а чрезмерный для коммунизма прогресс. Была нарушена мера прогресса. Причем это нарушение было вынуждено необходимостью конкурировать с Западом, готовиться к новой войне и противостоять Западу в «холодной» войне. В результате этого прогресса общество приняло какой вид, что управлять им так же успешно, как это было ранее, и теми же методами стало невозможно. Достаточно сказать, что даже с чисто количественной точки зрения несоответствие системы управления управляемому обществу стало ощутимым: число «точек управления» возросло сравнительно со сталинскими годами в десятки раз. И следует подчеркнуть, что сама система управления всячески стимулировала это усложнение общества, тем самым ослабляя свою способность управлять им.

Со стороны управляющей системы произошло следующее. Эта система сама есть объединение огромного числа людей. Она имеет свою структуру и свои правила, обусловленные прежде всего тем, что она есть объединение множества людей, и лишь во вторую очередь тем, что ее дело – управлять людьми. Эта система разрасталась и структурировалась не только в силу необходимости управлять усложнявшимся обществом, но и в силу ее собственных закономерностей большого объединения людей. Главным делом для людей, занятых в ней, было (и это остается навечно!) их собственное существование за счет данного вида деятельности. Их участие в системе управления было средством их существования и жизненных успехов. Кроме того, эта система сама нуждалась в управлении, что усиливало ее иерархическую структуру помимо необходимости такой иерархии в зависимости от интересов управления людьми и их деловыми коллективами. Неизбежным следствием этого усложнения системы управления и ее функций по отношению к усложнявшемуся обществу явилось своего рода обособление ее от управляемого общества, замыкание в рамках своих внутренних дел и формальных взаимоотношений, т. е. то, что стали критиковать под видом критики бюрократизма, раздувания штатов, отрыва от масс. Сам управленческий аппарат общества усилил несоответствие его управляемому обществу. Последнее стало функционировать в значительной мере независимо от системы управления, игнорировать ее распоряжения и планы, действовать вопреки им.

Кризис государства

Коммунистическое государство есть часть системы управления, и к нему относится все сказанное выше. Но это такая часть, которая сама есть гигантская система и от которой зависит деятельность всей системы управления. В ней сконцентрировались все кризисные явления.

На примере кризиса власти особенно отчетливо проявляется глубокое различие коммунизма и капитализма. Правительственные кризисы суть обычное явление в капиталистических странах. Они существенным образом не нарушают нормальный ход жизни, механизм самоорганизации общества. Италия, например, живет в состоянии перманентных правительственных кризисов. Механизм самоорганизации и функционирования капиталистического общества сравнительно мало зависит от состояния политической системы. В коммунистическом же обществе кризис власти есть концентрированное проявление кризиса самих основ общества. Здесь власть есть явление не просто политики, но социальной организации страны. Здесь власть проводит какую-то политику, но она сама по себе не есть явление политическое в том смысле, в каком понятие политики сложилось на Западе.

Кризис власти (государства) проявился прежде всего в том, что стало невозможно сохранять ее как единое и слаженное целое. Высшая власть утратила прежний контроль над нижестоящими подразделениями. Стержневая часть утратила прежний контроль над прочими разветвлениями власти. Кризис, далее, проявился в том, что органы порядка перестали выполнять свои функции на должном уровне. Милиция оказалась неспособной бороться с ростом преступности, органы государственной безопасности оказались бессильными бороться против нарастающих антигосударственных и антикоммунистических умонастроений и действий.

Власть сама усилила этот аспект кризиса, освободив и даже реабилитировав прежних диссидентов и присвоив себе разоблачительские функции диссидентов. Заигрывания горбачевцев с Западом породили серию либеральных жестов, поощрив тем самым бунтарские, антигосударственные, антипартийные и антикоммунистические силы в стране. В том же направлении действовали разоблачения сталинизма и брежневизма. Расчеты власти на завоевание популярности не оправдались. Наоборот, она потеряла авторитет в глазах населения. Разоблачая сталинистов и брежневистов, горбачевцы фактически наносили удар по власти вообще. Начались такие массовые нападки на власть, каких не было за всю советскую историю. Причем все это делалось открыто, в прессе, безнаказанно и даже с выгодой для нападающих на власть. Все вывернулось наизнанку. Теперь всякое доброе слово в адрес нормальной коммунистической власти оказалось фактически под таким же запретом, под каким в свое время находилось слово критическое.

Коммунистическая власть разрыхлилась внутренне и зашаталась под ударами извне. Вместо того, чтобы давать указания свыше и добиваться их исполнения, она поддалась требованиям извне и занялась внутренними склоками. Получилось так, как получилось бы с армией, в которой низшие чины стали бы обличать командование, отказались бы выполнять приказы и потребовали бы перестроить армию так, как хотелось бы нерадивым солдатам, «сачкам», лодырям, дезертирам, трусам, мародерам, а генералы занялись бы обсуждением требований деморализованной армии и раскололись бы на группы, которые наперегонки бросились бы удовлетворять эти требования. Такая армия обречена на поражение, если командование не восстановит свое единство и дисциплину среди подчиненных.

В самой сильной степени кризис власти затронул ее стержневую часть –

партийный аппарат. Он утратил былой контроль за системой власти и оказался изолированным от управляемого общества. На него взвалили главную ответственность за то, в каком положении оказалась страна. Все нападки на представителей власти, обвинения их в коррупции, бюрократизме и консерватизме относились прежде всего к работникам партийного аппарата. Горбачевцы обрушились прежде всего на тех работников партийного аппарата, которые в какой-то мере мешали им укрепляться у власти. Антипартийные и фракционные выступления членов партии и даже представителей органов власти стали обычным делом. За них никто не наказывался ощутимым образом. Многие стали демонстративно выходить из партии. Началась оргия дискредитации органов государственной безопасности. Антикоммунистические выступления и неподчинение властям перестали даже удивлять. На выборах в советы кандидаты партийных органов стали терпеть сокрушительное поражение. Допущение формы выборности в отношении не выборной по существу власти поставило всю профессиональную власть на грань катастрофы.

Вполне отчетливо кризис партии констатировал Е. Лигачев, считающийся главой консерваторов, на пленуме ЦК КПСС в марте этого года. Он сказал следующее. В советском обществе обозначились силы и люди, которые, прикрываясь и манипулируя лозунгами перестройки, вынашивают намерение развалить общество, партию, выхлостить ленинские принципы ее построения и деятельности, преобразовать КПСС в социал-демократию, ввести в стране частную собственность и реставрировать капиталистическое производство. Кризисная ситуация в стране, по мысли Лигачева, обусловлена многими причинами. Но главная из них – ослабление партии как в организационном, так и в идейном отношении. Лигачев констатировал также наличие в партии фракционной и оппозиционной борьбы, антисоциалистических движений. Причем это коснулось и высших эшелонов партии.

Но Лигачев консерватор. Может быть, он перегибает палку? Ничего подобного. Он еще слишком мягко охарактеризовал ситуацию. Платформа ЦК КПСС к Двадцати восьмому съезду партии, принятая в феврале этого года, выражает умонастроения лидера реформаторов Горбачева. И в ней можно видеть ту же констатацию кризиса в стране и в системе власти. Правда, сделано это в форме благих намерений, призывов к обновлению общества, к перестройке самой партии. И в платформе речь идет о передаче власти советам, о ликвидации монополии КПСС, об исключении из конституции статьи о руководящей роли КПСС, о допущении многопартийности, о рыночной экономике, о конкуренции частных производителей, о парламентаризме. В том же духе высказывался Б. Ельцин в своей предвыборной программе. Он договорился даже до идеи коммунистической партии без партийного аппарата вообще. В марте этого года пленум ЦК КПСС одобрил проект нового устава КПСС, составленный в том же духе.

Выше я уже говорил о коммунистической власти как о социальном хамелеоне. Ситуация с перестройкой партии дает характерный пример этому. Упомянутые документы выражают на словах намерение усовершенствовать систему власти. По сути дела они фиксируют кризис власти. А к чему ведут махинации с перестройкой власти, это уже совсем иное дело, ничего общего

не имеющее со словесными лозунгами и проектами. Об этом я буду говорить ниже.

Кризис партийных масс

Официально КПСС считалась партией прежде всего рабочих. Но уже в хрущевские годы стало очевидно, что вступление в партию нужно прежде всего не рабочим, а тем, кто занимает какие-то посты и делает какую-то карьеру. Партия с точки зрения социального состава ее членов стала все более отчетливо превращаться в партию чиновников. Были введены ограничения на число принимаемых в партию служащих. Но это все равно не могло остановить процесс очинивничивания партии и в самой ее основе. Карьеристские цели подавляющего большинства служащих при вступлении в партию стали цинично откровенными. В широких кругах населения к членству партии стали относиться с насмешкой. Членство партии стали ассоциировать с начальством и стремлением стать начальниками. Поскольку подавляющее большинство представителей системы власти и управления выходило из рядовых членов партии, низовые партийные организации стали восприниматься той почвой, из которой вырастает все зло общества. В массовом сознании реальное положение вещей отражалось, как обычно, в извращенной форме. Но тем не менее это было все-таки отражением реальности.

Кризис сделал явным только что описанное отношение к партийности и усилил его многократно. Многие стали выходить из партии, причем – демонстративно. Раньше за выход из партии наказывали. Вообще человек, исключенный из партии, считался конченным с точки зрения дальнейших жизненных успехов. Теперь же этим стали гордиться. Недовольство широких слоев населения условиями жизни и новыми трудностями, порожденными кризисом, обратилось естественным образом на кажущегося врага, который был под рукой и казался уязвимым для их нападков, – на некую «партию». Провалы неких «кандидатов коммунистов» на выборах объясняются отнюдь не тем, что другие кандидаты лучше, а тем, что недовольство масс благодаря общим усилиям активных участников процесса направили на иллюзорного врага – на неких «коммунистов». При этом из поля внимания полностью выпал тот факт, что эти «коммунисты» суть не какие-то существа особой породы, сеющие зло, а представители самой массы населения, как-то выделившиеся из нее по законам коммунальности.

Среди партийных работников и активных членов партии появились такие, которые развили фракционную деятельность, угрожая расколом партии, отделением какой-то части в виде особой партии типа западной социал-демократии (об этом, как я уже заметил, говорил Лигачев на пленуме ЦК КПСС). Эта идея получила поддержку у многих рядовых членов партии. А это означает разложение в массе членов партии. Разрыв между партийным аппаратом и партийными организациями тем самым усиливается еще более.

Кризис комсомола

Кризис, естественно, захватил и комсомол (Коммунистический Союз молодежи). Аппарат комсомола всегда был послушным орудием партийного аппарата, а комсомольские организации контролировались и направлялись партийными организациями. Теперь же впервые в советской истории аппарат комсомола вступил в конфликт с партийным аппаратом, а рядовые комсомольцы в массе фактически вышли из-под партийного контроля. Пребывание в комсомоле утратило былой смысл. Множество комсомольцев (и бывших и действующих) влились в ряды бунтующего населения. Кризис комсомола – тяжелый удар для системы власти, так как основная масса членов партии пополнялась через комсомол, а работа в аппарате комсомола была подготовкой и тренировкой к партийной работе. Таким образом возникла угроза самому механизму воспроизводства личного состава системы власти.

Идеологический кризис

Уже в хрущевские годы наметился кризис советской идеологии. Но это был еще кризис лишь той формы идеологии, которая сложилась в сталинские годы и была связана с сочинениями самого Сталина. В брежневские годы мощный идеологический механизм, созданный и работавший под руководством Суслова, предпринял усилия преодолеть этот кризис. И он многого добился. Началась критика сталинской вульгаризации философии. Достижения науки хлынули в идеологию. Стала доступной западная философия и культура. Все это способствовало улучшению репутации идеологии. Но вместе с тем, это вело к снижению авторитета марксизма-ленинизма, оттеснение его на задний план в рамках самой идеологии. В какой-то мере преодолев недостатки сталинской формы идеологии, сусловский идеологический аппарат одновременно способствовал подготовке более обширного идеологического кризиса – кризиса марксизма-ленинизма как идеологии коммунизма вообще. В брежневские годы стало открыто осознаваться резкое расхождение между идеологической картиной реальности и самой реальностью, между идеалами коммунизма и объективными тенденциями эволюции реального коммунизма, между интеллектуальным уровнем образованной части общества и идеологией. Идеология фактически перестала быть руководством к действию для властей. Хотя они и прикрывались фразами из идеологии, практически они поступали совсем иначе. Идеологический цинизм убил остатки идеологической веры. Марксистская идеология все более становилась предметом насмешек. Миллионы людей изучали ее, но сугубо формально. Чем мощнее становился идеологический аппарат, тем меньше становилась эффективность его деятельности.

В сталинские годы доминировала убежденность в том, что коммунистический социальный строй несет с собою освобождение трудящимся от зол капитализма и что трудящиеся поддадутся обаянию коммунистического земного рая. В брежневские годы активная часть советского населения,

включая представителей власти, которые начали делать карьеру в хрущевские годы, сделала для себя открытие огромного исторического значения. Она на своем опыте почувствовала то, что коммунистический социальный строй не является тем земным раем, каким его изображают в советской идеологии и пропаганде. На смену убежденности в истинности идеологии пришло чисто прагматическое отношение к ней как к необходимому средству обработки и организации общественного сознания. На смену идеологически опосредованному отношению к реальности пришло практически непосредственное, лишенное субъективных иллюзий и лишь маскируемое идеологией.

Горбачевская политика гласности углубила и расширила идеологический кризис. Началось безудержное и бесконтрольное словоблудие, мазохистское саморазоблачение, оплевывание всех святых советской истории, очернение советской реальности. Все истины марксизма-ленинизма были подвержены сомнению и осмеянию. Всякая защита даже бесспорных истин его рассматривалась как признак реакционности и отсталости. Стало неприличным произносить само слово «коммунизм». Было отменено обязательное изучение марксизма-ленинизма во многих учебных заведениях, сокращено время на него, сокращены или ликвидированы совсем соответствующие семинары, школы, курсы. Короче говоря, с марксизмом-ленинизмом обошлись чуть ли не как с враждебным идеологическим учением. Одновременно началось столь же безудержное заимствование идей из западной идеологии. Стремление выглядеть западнообразно и заслужить похвалу на Западе стало определяющим в речах и в реформаторской суете самого Горбачева, а также всех прочих реформаторов и идеологов перестройки.

Важнейшей особенностью идеологического кризиса является то, что неверие в марксистские идеалы и отказ от марксизма-ленинизма как от руководства к действию захватил самые верхи правящего слоя. Дискредитация идеологии стала стимулироваться сверху, – такого советская история еще не знала. Причем марксизм-ленинизм при этом не был осмыслен и преодолен на научной основе, а просто отодвинут как нечто уже непригодное ни для пропаганды, ни для принятия важных решений. И это несмотря на то, что положения марксизма-ленинизма могли бы как никогда послужить путеводной звездой в современной запутанной ситуации в мире. Коммунисты предали марксизм-ленинизм именно тогда, когда на нем стоило настаивать особенно упорно.

Характерным примером варварского обращения со своей же, марксистско-ленинской идеологией может служить то, что горбачевцы стали рассматривать свою реформаторскую суету как революцию, причем – как революцию, осуществляемую сверху, по инициативе высшего руководства, можно сказать – по инициативе лично Горбачева и под его контролем. Я уже говорил о том, что инициатива сверху лишь дала толчок кризису и что власть потеряла контроль за ходом событий. Сейчас речи идет об идеологическом осмыслении происходящего. Употребление выражения «революция» в применении к ситуациям такого рода, как в Советском Союзе, простительно западным деятелям культуры, журналистам и политикам, не имеющим строгих

ограничений в словоупотреблении. Но когда поднаторевшие в марксизме советские партийные аппаратчики и оправдывающие их активность марксистско-ленинские теоретики начинают так легко обращаться с важнейшими категориями государственной советской идеологии, то невольно закрадывается сомнение: а в своем ли уме эти люди?! Давно ли они, сдавая экзамены по марксизму-ленинизму, сами настаивали на том, что революционный путь принципиально отличается от реформаторского, что социальная революция есть способ перехода от изжившей себя общественно-экономической формации к более прогрессивной. Конечно, как говорится, своя рука владыка. Высшая советская власть является высшей властью и в идеологии. Она может позволить себе иногда пококотничать фундаментальными понятиями подвластной идеологии. Тем более это так лестно войти в историю в качестве революционера, причем – революционера особого рода, совершившего переворот, можно сказать, в одиночку. Что за человечество! Маркс, Ленин и Сталин вместе взятые были неспособны на такое. А о Хрущеве и говорить нечего: мелочь!

Но дело в том, что и идеология имеет свои законы, неподвластные даже таким «революционерам» («диссидентам на троне»), как Горбачев. И нарушение этих законов не может пройти безнаказанно даже тем, кто хозяйничает в идеологии. Легкомысленное обращение с фундаментальными понятиями и положениями идеологии на самой вершине власти послужило заразительным примером, и массы людей, как-то причастных к идеологии, ринулись в антимарксизм. И впереди всех бежали дезертиры марксизма, которые по идее должны были бы защищать его до последнего слова. «Новое мышление» горбачевцев переросло в бездумную и безответственную болтовню, чреватую тяжелыми последствиями. Впечатление такое, будто огромная историческая бомба попала в руки шалунов и недоумков, и те принялись колотить по ней чем попало и ковыряться в ней с намерением полюбоваться на предполагаемый фейерверк.

Отказавшись от марксистско-ленинской идеологии как от руководства к действию, горбачевское руководство, однако, не сделало таким руководством науку. Это не значит, что оно не привлекло к себе на помощь профессиональных ученых. Наоборот, оно привлекло их в огромном количестве, освободив их от всяких идеологических пут и позволив писать и говорить все, что им придет в голову. Но беда в том, что у этих ученых помощников и советников Горбачева просто не оказалось под рукой готовой науки, которая могла бы служить надежным наставником действий власти. Бесчисленные советские ученые за много десятков лет существования реального коммунизма оказались неспособными создать науку об этом типе общества, отвечающую критериям современной науки. Важнейшим препятствием на пути создания такой науки была государственная идеология. Всякие попытки идти по этому пути рассматривались как враждебная клевета на советское общество и преследовались. И теперь, когда это препятствие отпало, советские ученые стали в спешке высказывать свои кустарные и скороспелые суждения, включая в них заимствованные на Западе идеи, что породило чудовищным интеллектуальный хаос в горбачевском окружении. В кратчайшие сроки было сочинено огромное количество всяческой чепухи.

Бесчисленные шарлатаны и безответственные болтуны, включая титулованных советских академиков, бывших советских диссидентов, удравших на Запад за славой и комфортом, и западных советологов, настолько засорили и замутили интеллектуальную атмосферу в обществе, что только полное игнорирование производимой ими галиматъи и доверие к простому здравому смыслу еще могло бы наставить руководство на путь истинным. Но, увы, всякие здравые суждения стали рассматриваться как проявления консерватизма, брежневизма и даже сталинизма. Только ничем неограниченная чушь, облакаемая в наукообразную форму, имела какие-то шансы быть замеченной.

Морально-психологический кризис

Разделить идеологическое и морально-психологическое состояние коммунистического общества практически невозможно. Если читатель отнесет то, о чем я скажу ниже, точно так же к идеологическому кризису, я не буду возражать против этого.

Морально-психологический кризис коммунистического общества заключался не в том, что усилилась и умножилась порочность его граждан, а в крушении системы ценностей и психологических опор. Ниже я отмечу лишь некоторые аспекты этого явления.

Была потеряна эпохальная цель общества – его ориентация на «полный коммунизм». Конечно, и в прошлом мало кто верил в марксистские сказки насчет общества, в котором все будет по потребностям. Но сама ориентация масс на такую огромную и отдаленную цель придавала определенную окраску всему процессу жизни. Сдерживались чисто мещанские интересы. Была надежда на лучшую жизнь. И она подкреплялась реальными улучшениями. Теперь же эта надежда рухнула. Доминирующим стало состояние беспросветности. Идеиные интересы заглохли или оттеснились куда-то на задворки человеческих душ. Кризис зашел настолько далеко, что массы граждан коммунистических стран не хотят теперь думать ни о чем другом, кроме материального благополучия. На задний план отошло даже то, о чем еще совсем недавно весь мир вопил как о главной и даже прирожденной потребности человека, – права человека и демократические свободы. Оказалось, что это было лишь идеологическим оформлением самых примитивных мещанских интересов граждан до ужаса мещанского коммунизма. Демократические свободы и права человека оказались лишь средством удовлетворения эгоистических интересов ничтожной части населения и средством возбуждения масс на бунты и беспорядки. Достижение их не делало жизнь прекрасном. Свободой и правами сыт не будешь.

Разрушилось также сознание исторической миссии советского народа и сознание внешнего эпохального врага. Последнее особенно показательное. Западная пропаганда в Советском Союзе совместно с горбачевскими идеологами и перестроечной прессой создали в массовом сознании новый образ Запада – некоего царства свободы. Советские люди стали видеть коммунистический идеал на Западе. Все то, что советская идеология и

пропаганда с полным основанием утверждала о реальном капитализме и о Западе, стало восприниматься как идеологическая ложь, а идеологическая ложь и дезинформация, идущая с Запада. – как святая правда. Короче говоря, в коммунистических странах с коммунизмом обошлись так же, как в свое время коммунистическая идеология обходилась с капитализмом. Причем все это было сделано с таким усердием, с каким в свое время превозносился коммунизм. Как будто была дана установка свыше на саморазрушение. Установка была дана. Но дававшие ее руководители не ведали, что творили. Суть морально-психологического кризиса, коротко говоря, заключается в том, что масса населения вдруг прозрела, увидела, что она такое построила и что она сама такое есть, ужаснулась этому, почувствовала, что это – не дело случая, а историческая судьба, что ничего другого и быть не могло, что и в будущем ждет то же самое, что и они, люди, останутся навечно такими же. И это породило всеобщее помутнение умов, массовое сумасшествие, извращенность сознания и поведения. В обществе не нашлось достаточно большого числа трезвомыслящих личностей, которые бы объявили нормальным явлением все то, что показалось уродством, которые призвали бы своих соотечественников к признанию исторической закономерности и естественности их бытия. Даже правящие и привилегированные слои общества оказались неспособными открыто и решительно отстаивать сложившийся нормальный порядок вещей. Сознание ненормальности, убогости и даже преступности своего бытия завладело людьми. Вполне естественно, что в этой обстановке умами и душами людей завладели политические авантюристы, демагоги, шарлатаны, экстремисты и прочие личности, в нормальных условиях заслуживающие презрения, насмешки, наказания или лечения.

Раскол общества

В обычное время граждане страны разделены по деловым ячейкам и различным группам, официально признаваемым и допускаемым. Доминирующим в их поведении при этом является коллективистское сознание, признание социальной иерархии, лояльности по отношению к властям и соблюдение норм общественного порядка. В этом состоянии они не образуют массу людей или толпу в социальном смысле слова. Масса (толпа, сборище) в социальном смысле есть скопление сравнительно большого числа людей на какое-то время в одном месте по одним и тем же причинам и для одних и тех же целей. Такие скопления людей бывают специально организуемыми (собрания, митинги, демонстрации, встречи важных персон) и играющими позитивную роль в жизнедеятельности общества, но они бывают и нежелательными и даже противопоказанными для нормальной жизни страны. Они возникают отчасти стихийно, отчасти провоцируются и организуются оппозиционерами, а порою они провоцируются самими властями для каких-то целей.

Масса в этом смысле (толпа) имеет свои закономерности. В ней теряет значение принадлежность к определенному деловому коллективу, коллективное сознание, социальное положение граждан. Ослабляется или

даже пропадает совсем уважение к власти и общественному порядку. Ослабляется рациональный контроль поведения. Людьюми овладевают сознание и эмоции толпы как некоего нового объединения. Сознание, эмоции и действия толпы ориентируются на негативные задачи – на нанесение ущерба и даже на разрушение существующего социально-политического устройства. Поведение толпы иррационально. Тон в ней задают демагоги, ораторы, вожаки. Они выдвигают лозунги, которые выражают какие-то настроения и желания людей. Причем эти лозунги практически играют роль лишь средства ориентирования людей на разрушительные действия. Они не содержат в себе ничего позитивного.

В толпе люди вырываются из привычной жизнедеятельности и ведут фактически паразитарный образ жизни. Это создает иллюзию свободы и весьма заразительно. Люди быстро привыкают к безделью. Возможность бесчинствовать и ощущать себя частичкой некоей силы становится главным связующим средством толпы. Такое состояние не может продолжаться долго. Люди устают от эйфории, нервного подъема, бездействия в обычном смысле слова. Наступает усталость и разочарование. На смену власти толпы приходит власть порядка, обычно – более жесткая, чем ранее. Но прежде чем это случится, масса может сыграть свою разрушительную роль.

Вследствие ряда исторических причин в коммунистических странах образовалось сравнительно большое число людей, которые как бы выпали из коммунистической сферы жизни. Выше я уже назвал каналы, по которым это происходило. К ним можно добавить еще то, что вследствие пропущенной войны в живых осталась масса людей, которые в случае войны погибли бы, и произошел прирост населения. Ослаб и даже порою совсем исчез контроль за этими людьми со стороны коллективов и властей. Ослабли меры наказания. Потеряла влияние идеология. Западная пропаганда с огромной силой обрушилась на коммунистические страны. Приобрела большое влияние внутренняя нелегальная критика коммунистического образа жизни. Образовалась человеческая масса, враждебно настроенная ко всему коммунистическому и готовая бунтовать. Ко всему сказанному следует добавить провокационную деятельность перестройщиков и реформаторов. Они сначала не ожидали больших последствий их провокаций, а когда массы взбунтовались на самом деле, они стали марионетками уже неподвластной им истории.

Такие массы вышли на улицы и заявили о себе. Это произошло отчасти стихийно, отчасти вследствие провокаций реформаторов, отчасти благодаря действиям активных оппозиционеров. Массы пошли дальше того, на что рассчитывали реформаторы. Массы пришли в движение с лозунгами фактически антикоммунистическими. И они вынудили реформаторов на реформаторскую демагогию, соответствующую ее умонастроениям. Умами и чувствами масс завладели демагоги. Самым популярным среди них стал Б. Ельцин. О нем стоит сказать особо, так как он воплотил в себе именно кризисный аспект перестройки.

В брежневские годы Ельцин, как и прочие перестройщики, сделал блистательную карьеру. Благодаря Е. Лигачеву был поднят на вершины власти. И он отплатил ему за это черной неблагодарностью, – явление,

характерное для морального облика партийных карьеристов. Будучи поднят на вершины власти, Ельцин возжаждал совместить в себе роль члена правящей клики с ролью диссидента у власти, – явление, характерное для горбачевцев вообще и для самого Горбачева в первую очередь. Слава диссидентов и критиков советского общества на Западе не давала покоя горбачевцам. И они решили присвоить себе и это, не думая о последствиях. Реформаторское усердие занесло Ельцина слишком далеко, и он был исключен из правящей группы. Но он уже вошел во вкус героя толпы и западных сенсаций. Ситуация смуты, разгула масс и растерянности высшей власти оказалась благоприятной для этой роли. Ельцин встал на путь некоего последовательного перестройщика, противопоставив себя некоему нерешительному и половинчатому Горбачеву, колеблющемуся якобы между двумя крайностями – консерватором Лигачевым и реформатором Ельциным.

Программа Ельцина в основных пунктах совпадает с программой Горбачева, если отбросить словоблудие последней: высшая власть советам, отмена статьи Конституции о руководящей роли КПСС, пост Президента, рыночная экономика. Но в ней есть пункты, идущие еще дальше по пути разрушения коммунизма. Это, например, ликвидация партийного аппарата, передача средств производства в собственность тем, кто работает, никаких запретов на частное предпринимательство, отделение банка от правительства, отмена привилегий партийных и правительственных руководителей. Последний пункт принес больше всего популярности Ельцину в «народе».

Выступления масс, о которых я говорил выше, выражают нечто большее, чем недовольство условиями жизни и возможность безнаказанно побунтовать. Они выражают факт расслоения коммунистического общества на различные социальные слои с различными и даже противоположными интересами. Я бы здесь употребил даже слово «классы». Это массовое движение есть первая ласточка того, что и коммунистическое общество не избавлено от «классовой борьбы». При социальной структуре населения, о которой я говорил выше, эта «классовая борьба» приняла весьма неопределенную форму. Лозунги масс еще не выразили открыто и определенно «классовые интересы». Лишь нелепый лозунг Ельцина насчет отмены привилегий можно считать смутным намеком на «классовость». В основном же массы выступили с некими общечеловеческими лозунгами. «Классовость» сказалась в размахе выступлений и в том, что они превысили меру дозволенности. Тем не менее эти выступления с полной очевидностью обнаружили утопичность марксистских идей насчет коммунистического общества как общества бесклассового, как общества гармонии и братства всего социально однородного населения страны. Коммунизму еще предстоит пережить свои классовые битвы, подобные тем, которые потрясли рабовладельческое, феодальное и капиталистическое общество.

Особенность нынешней ситуации состоит в том, что взбунтовавшиеся массы населения оказались в своего рода исторической ловушке. В обществе сложилась ситуация, которую можно было бы назвать революционной, если бы в реальности назрели предпосылки для настоящего революционного переворота. Но таких предпосылок не было. И массы устремились не вперед, не в будущее, а назад, в прошлое. Псевдореволюционная ситуация могла

породить только одно: попытку контрреволюции по отношению к революции, в результате которой возникло коммунистическое общество. С точки зрения эволюции коммунизма массы выступили как сила глубоко реакционная.

Тенденция к дезинтеграции

Наше время – время больших человеческих объединений из многих миллионов людей. Основные западные страны суть объединения из нескольких десятков миллионов человек. США перевалили за двести миллионов. В Советском Союзе уже около трехсот миллионов человек, в Китае – больше миллиарда. Имеются определенные закономерности на этот счет, которые почти совсем не изучены. Они касаются структурирования людей в группы и целое, управляемости, соотношения числа людей и занимаемого ими пространства, однородности и разнородности человеческого материала и многих других аспектов жизни людей как частичек огромного целого. Кстати сказать, одной из причин переживаемого кризиса коммунизма является нарушение критических норм такого рода.

В достаточно долго существующем многомиллионном объединении людей с необходимостью возникают тенденции к отделению каких-то его частей от целого и к образованию автономных групп внутри целого, – тенденция к нарушению целостности, к дезинтеграции. И было бы странно, если бы эта тенденция не дала о себе знать в коммунистических странах в ситуации кризиса. Она особенно сильно проявилась в многонациональных Советском Союзе и Югославии. На Западе стали усиленно говорить о распаде советской «империи».

В Советском Союзе тенденция к дезинтеграции страны проявилась прежде всего в стремлении окраинных национальных республик к отделению от Советского Союза в виде самостоятельных государств (прибалтийские и кавказские республики). Но не только. На Украине усилилось стремление отделения от России. И что самое любопытное – в самой России возникли настроения отделиться от других республик и разделиться по крайней мере на две самостоятельные республики – на европейскую и сибирскую Россию.

Кризис, естественно, усилил тенденцию к дезинтеграции целого. Центральная власть утратила былой контроль над периферийными районами страны. Кризис охватил и эти районы. Он проявился также и в ослаблении местных властей. Ухудшилось материальное положение населения. Ослабла заинтересованность «провинций» в связях с «метрополией». Резко возросло оппозиционное движение и безнаказанная пропаганда националистических идей. Массам стали усиленно прививать иллюзии, будто они будут жить лучше, если их территории обретут автономию и даже государственную независимость. Пропаганда такого рода велась не только изнутри, но и извне, главным образом – со стороны Запада. На задний план отошли соображения здравого смысла: а возможна ли такая автономия и независимость практически, и будут ли люди на самом деле лучше жить в своих «автономных» и «независимых» регионах?

В Советском Союзе тенденция к дезинтеграции приняла, повторяю, форму

борьбы за освобождение от некоего гнета со стороны русских, что вызвало поддержку во всей мире. Гораздо более основательное желание русских освободиться от тягот, какие на них пришлись в результате ленинской национальной политики, воспринимается скорее как курьез, чем как вопль отчаяния народа, которому пришлось хуже всех и который оказался в трагически безвыходном положении. А резко усилившийся русский национализм не внес ясности в сложившуюся ситуацию и вызвал враждебную реакцию среди других народов и на Западе.

Среди условий усиления тенденции к дезинтеграции следует назвать ослабление страха внешних нападений и возникновение иллюзий, будто угроза войны отпала вообще. Свой вклад в это внесла борьба за мир и против угрозы войны, принявшая форму грандиозной пропагандистской кампании в средствах массовой информации. Но главную роль в этом сыграла горбачевская установка на сокращение вооруженных сил и на прекращение военных конфликтов.

Дело дошло до того, что на Западе даже передвижения войск по территории Советского Союза и использование их в национальных республиках для наведения общественного порядка (для защиты населения в межнациональных конфликтах в Азербайджане и в Средней Азии, например) стали рассматривать как... советскую интервенцию в некие воображаемо независимые государства. Причем советское руководство само заразилось этой психологией и стало всячески заверять Запад в своих миролюбивых намерениях. Нерешительность центральной власти в отношении граждан национальных республик, демонстративно нарушавших советские законы, подкрепила сознание безнаказанности восстаний с намерением отделиться от Советского Союза. Горбачевская политика была воспринята как проявление слабости Москвы. И было бы странно, если бы сепаратисты не воспользовались этим.

Наконец, начался нажим на московское руководство со стороны Запада. Поддержка сепаратистов на Западе укрепила уверенность населения прибалтийских республик в реальности отделения и в том, что они будут иметь такую помощь Запада, которая сразу же подымет их условия жизни на уровень Запада.

Распад коммунистического блока

Кризисная ситуация в коммунистических странах Европы во многих отношениях назрела раньше, чем в Советском Союзе. Я имею в виду Югославию, Польшу и Чехословакию. Это способствовало кризису в главном бастионе коммунизма. Но лишь начало кризиса в Советском Союзе сделало кризис европейского коммунизма всесторонним и всеобъемлющим. Почти полностью распался блок коммунистических стран Восточной Европы. Здесь сработали те же причины и условия, что и внутри Советского Союза, только с удвоенной силой. Здесь тенденция к дезинтеграции приняла форму борьбы за освобождение от режимов, навязанных Москвой. Тот факт, что Москва в какой-то мере сама оказалась заинтересованной в этом, остался в тени. И

вообще говоря, социальные причины тенденции к дезинтеграции выпали из поля внимания или преднамеренно замалчивались.

Западные политики и средства массовой информации назвали события в странах Восточной Европы революцией. Эту оценку восприняли и сами участники событий. Хотя дело не в названиях, все же имеются какие-то нормы словоупотребления. Употребление тех или иных слов в современном мире, склонном к словесному фетишизму, не есть совсем безразличное и безобидное дело. Оно может служить прояснению сознания масс или, наоборот, замутнению его. В данном случае слово «революция» играет роль идеологического феномена, служащего именно помутнению умов. С этим словом люди так или иначе ассоциируют определенные представления об историческом процессе. Одни ассоциируют с ним массовые бунты, узурпацию власти и кровопролитие. Другие же, наоборот, представляют себе при этом прогресс, освобождение от тирании, народные торжества. Теперь, поскольку рассматриваемые события имеют целью разрушение коммунизма, слово «революция» в применении к ним на Западе и самими деятелями этих событий произносится в положительном смысле, с уважением и даже с любовью. Еще бы, наконец-то народы этих стран сбросили иго ненавистного коммунизма! При этом как-то ступшевался тот факт, что по крайней мере многие сбрасыватели этого ига сами прекрасно жили под этим игом и усердно служили ему. И уж совсем позабыли о том, что еще недавно слово «революция» вызывало злобу, ибо оно означало возникновение «марксистских режимов».

Слово «революция» здесь выражает лишь эмоции, а не объективное понимание событий. Последние прежде всего суть явления международные и лишь во вторую очередь локальные. Возьмем ситуацию в Восточной Германии. До недавнего времени режим Хоннекера казался незыблемым. И вот он рухнул в считанные дни. Хоннекер и его соратники стали козлами отпущения и оказались под судом. Коммунистическая партия потеряла свои позиции. Разгромлены органы государственной безопасности. Было заявлено о переходе к рыночной экономике и парламентарной системе правления. Нечто подобное было бы невозможно без сильнейшего воздействия Западной Германии, без подкупа восточных немцев подачками и совращения их соблазнами западного изобилия, без молчаливого согласия Москвы, без прямой провокации беспорядков со стороны Горбачева. Положение в стране вовсе не было катастрофичным. Массы немцев не вышли бы на улицы, если бы им это не разрешили и если бы даже их не призвали к этому.

Столь же характерна и ситуация в Румынии. Здесь «революция» оказалась неожиданной для самих румын. Даже специалисты по Румынии и диссиденты отрицали возможность таких событий накануне их. Трудно конкретно установить долю участия стран Запада в этой «революции». Но участие Москвы вряд ли может подлежать сомнению. Москва все равно утратила контроль над Румынией. Чаушеску не собирался следовать указаниям Горбачева. Я убежден в том, что Москва умышленно ввергла Румынию в состояние хаоса, способствовала свержению Чаушеску и его убийству. Румынская «революция» может служить классическим образцом «революции сверху», т. е. «революции», устроенной по приказу бывшего «старшего брата».

На первый взгляд это кажется странным: коммунистическая Москва способствует крушению коммунистического режима в соседней стране! Но если проанализировать положение в деталях, то странным покажется противоположное, а именно – ситуация, когда это не произошло бы. Ведь сыграл же Горбачев роль провокатора беспорядков в ГДР! Ведь предпринял же Горбачев попытку спровоцировать аналогичные беспорядки в другой мощнейшей коммунистической стране – в Китае!

Личности и эпоха

Характер эпохи выражается также в том, какого рода личности ее представляют, т. е. вылезают или выталкиваются волею обстоятельств на видимую сцену истории. Переживаемая эпоха характеризуется тем, что из гнойников человеческих душ выплеснулось море подлости, пошлости, лжи, лицемерия, цинизма, интеллектуальных помоев и прочих гнилых продуктов мирной жизнедеятельности человечества. Причем это моральное и интеллектуальное помутнение воспринималось участниками исторического процесса как просветление, очищение, оздоровление и совершенствование, а не как распад. Падение в бездну воспринималось как свободный полет ввысь. И выразили эту извращенную эпоху извращенные личности. Кризисной ситуацией воспользовались прежде всего и главным образом ловкачи, лжецы, лицемеры, циники, демагоги, предатели, мародеры, позеры, жулики, честолюбцы, авантюристы. А те, кто заявил претензии на роль вершителей прогресса, выглядели как дилетанты, опьяненные неожиданным успехом у обезумевших зрителей. Массы получили таких вождей, каких они заслуживали.

Характерным в поведении личностей коммунистических стран стало беспрецедентное пресмыкательство перед всем западным и перед личностями западными. Никакого чувства собственного достоинства и достоинства представляемых ими стран и народов. Если что-то похожее на это и появлялось, то это было скорее хамством и наглостью плебеев, почувствовавших слабость своих бывших хозяев и получивших возможность покуражиться за счет состояния всеобщей растерянности. Это явление не случайно. Коммунистическое общество порождает и свой тип личностей. В условиях кризиса личности, адекватные коммунизму, были сброшены со сцены истории и оттеснены на задний план. Сценой истории завладели личности, стыдящиеся своей коммунистической природы и имитирующие несвойственные коммунизму западные образцы. Получилась игра в великую историю, над которой можно было бы посмеяться, если бы она не вызывала чувство омерзения своей поддельностью.

Оргия антикоммунизма

На Западе и в странах Восточной Европы началась оргия антикоммунизма. Для граждан стран Восточной Европы коммунизм превратился в источник всех реальных и воображаемых зол. На Западе же это был реванш за все неприятности, пережитые из-за коммунизма со времени выхода в свет «Манифеста коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса.

Кризис настолько скомпрометировал идеалы и практику коммунизма, что быть коммунистом на Западе стало чем-то крайне негативным, чем-то вроде фашиста или нациста. Потому итальянская коммунистическая партия поспешила отречься от названия коммунистической. Этот жест имеет символическое значение. Раз идеи коммунизма в том виде, как их представляли коммунистические партии, потеряли привлекательность для масс, коммунистические партии Запада вынуждены эволюционировать в направлении социалистических и социал-демократических партий. Роль последних является двойственной. Они защищают капитализм от коммунизма, но делают это так, что толкают западное общество к коммунизму. Западный социализм есть лишь западный путь к коммунизму. И для западных коммунистов, вышедших из-под контроля и влияния Москвы, приспособление идеалов коммунизма к западным условиям есть неизбежный путь их эволюции. Верность прежним идеалам и методам в сложившихся условиях обрекает их на деградацию в качестве влиятельной силы общества. Во всяком случае, в обозримом будущем они, если не произойдет мировая война или не разразится мировой капиталистический кризис, не имеют никаких шансов прийти к власти. И за это Запад должен благодарить Горбачева.

«Теплая» война

Считается, что «холодная» война закончилась с началом горбачевской «перестройки». Верно это или нет, зависит от того, как определить это выражение. Не хочу спорить. Но теперь уже стало вполне очевидно то, что борьба между лагерями капитализма и коммунизма не только не закончилась, но приняла еще более острую форму. Я бы назвал этот новый период выражением «теплая» война. Запад воспользовался кризисом в Советском Союзе и Восточной Европе и начал беспрецедентное «мирное» наступление на Советский Союз и его бывших союзников. Атака оказалась пока весьма успешной для Запада. Она усугубила кризис в Советском Союзе. Все антикоммунистические, дестабилизирующие и дезинтеграционные силы получили поддержку со стороны Запада. А в Восточной Европе атака Запада оказалась триумфальной. Как далеко она может еще зайти, трудно предвидеть. Но обольщаться победой Западу еще рано. Не мешает помнить о том, что Советский Союз нанес поражение гитлеровской Германии, оказавшись на краю гибели. Советское отступление в происходящей сейчас «теплой» войне не может длиться настолько долго, как это, желательно Западу. Будучи доведен до крайности, он проявит свои потенции, которые не хотят и

неспособны увидеть на Западе. Я уверен в том, что и в этом отступлении советского коммунизма рано или поздно будет свой Сталинград. Интересно, появятся ли потом мыслители, которые в этом усмотрят некую традиционную русскую стратегию заманивать противника, как это имело место в войне с Наполеоном и в войне с Гитлером?

Массовое предательство

Одним из самых поразительных проявлений кризиса стала эпидемия предательств. Предательства добровольных, массовых, конъюнктурных и даже сладострастно мазохистских. Советское руководство без всякого внешнего принуждения стало в широких масштабах проводить политику предательства в отношении идеалов коммунизма и своей собственной советской истории. Оргия оплевывания Сталина и Брежнева переросла в оплевывание всего того, что было достигнуто советским народом ценой невероятных усилий и жертв независимо от Сталина и Брежнева и даже вопреки им. Эта кампания предательства началась под лицемерным предлогом восстановления некоей исторической правды. Но в реальности инициаторы и исполнители этой, казалось бы, благородной задачи оказались обыкновенными шкурниками и конъюнктурщиками, готовыми предать все то, что не было выстрадано ими самими, ради ничтожных подачек и даже ради красивого словца, приносящего им репутацию мужественных борцов против сталинского и брежневского террора. Такого бессовестного идейного цинизма и глумления над безопасным и беззащитным прошлым еще не знала выдавшая виды советская история. Вместо декларируемой исторической правды в умы и души советских людей полился поток новой лжи, превосходящий прежнюю ложь лишь более хитрой формой словоблудия.

Советские власти и на практике под предлогом поднятия страны на уровень высших мировых достижений посягнули на завоевания прошлой истории, достигнутые явочным порядком самим ходом повседневной жизнедеятельности миллионов советских людей в ряде поколений. Горбачевские идеологи, поддерживаемые бывшими интеллектуальными фрондерами, сразу же нашли оправдание этому предательскому глумлению над миллионами сограждан.

В хрущевские и брежневские годы в Советском Союзе образовалась культурная фронда. В нее вошли деятели культуры и интеллектуалы, которые выглядели исключением на фоне прочей конформистской массы их коллег. Некоторые из них испытывали какие-то неприятности от властей. Но большинство из них пользовалось всеми благами привилегированных слоев общества. Поскольку их аппетиты несколько сдерживались, они чувствовали себя обиженными. В уродливых советских условиях они выглядели борцами против режима. Эту их ложную репутацию раздували на Западе. Но все же они находились в какой-то оппозиции, пусть кажущейся и поверхностной, но оппозиции. С началом перестройки они встали на путь открытого сотрудничества с режимом, который они до этого поносили, и с властями. Они цинично и расчетливо предали все то, что зародилось в хрущевские и

проросло в брежневские годы, за счет чего они сами вылезли на сцену истории и поднажились. Они стали служить советскому режиму и властям вполне добровольно и со сладострастием, какого не было даже у сталинских и брежневских холуев. Они нашли адекватного их натуре хозяина.

Множество бывших диссидентов и десятки тысяч советских людей, далеких от политики, эмигрировали на Запад, пропагандируя это как бегство из мира насилия в царство свободы. Они в течение многих лет занимались антисоветской деятельностью, считая это благородным делом борьбы против язв коммунизма. С началом перестройки большинство из них вдруг стали яростными ее поклонниками. Началась оргия предательства идей, с которыми они покинули Родину и за счет которых кормились на Западе много лет. Они получили поддержку в Советском Союзе, где закрыли глаза на их прошлую, предательскую с советской точки зрения деятельность. Внутрисоветские предатели по натуре опознали своих собратьев во временно заблудших предателях, оказавшихся на Западе.

В огромной армии людей, считавшихся коммунистами и неплохо устроившихся в жизни за счет коммунизма, не нашлось сколько-нибудь значительных сил, способных мужественно противостоять общему потоку антикоммунизма ценой потерь и жизни. Их готовность к капитуляции напоминает то, как в первые месяцы войны с Германией в 1941 году в плен сдавались целые армии, еще способные оказывать сопротивление и по крайней мере имевшие возможность с честью погибнуть в бою. Они предпочли замедленную и позорную гибель.

Апогеем эпидемии предательств явилось поведение советского руководства по отношению к самым верным защитникам коммунизма – к Хоннекеру, Чаушеску и их соратникам. Во всем мире расценили это поведение как прогрессивное и заслуживающее похвалы. Но с моральной точки зрения не бывает прогрессивных предателей. Предатели суть прежде всего предатели. И как таковые они заслуживают величайшего презрения, какими бы прогрессивными ни были их цели и лозунги.

О предсказании будущего

Прежде чем начать говорить о перспективах кризиса коммунизма и коммунизма вообще, сделаю общетеоретическое отступление, касающееся предсказания будущего.

Я не могу здесь изложить мою логико-методологическую теорию прогнозирования будущего, которую я использовал в своих прогнозах. Ограничусь лишь некоторыми замечаниями на этот счет, чтобы пояснить сам характер моих прогнозов.

Научные прогнозы относительно будущего делаются на основе изучения настоящего. Предвидеть научно в будущем то, что не имеет каких-то оснований в настоящем, в принципе невозможно. Без этого можно высказывать какие-то предположения о будущем, которые могут подтвердиться. Но это будет не научное предвидение, а что-то другое, в частности – «гадание на кофейной гуще». Поэтому нужно прежде всего

выяснить, что мы считаем настоящим и о каком будущем думаем.

Настоящее не есть лишь миг, лишь граница между прошлым и будущим. Это – множество эмпирических состояний и событий в некотором пространственно-временном объеме. В моей логической теории, относящейся к эмпирическим предметам (я ее назвал «Логической физикой»), я доказал существование минимальных пространственных и временных протяженностей. Такие протяженности хотя и минимальны, но больше нуля и конечны. Если взять даже самый простой с логической точки зрения случай – одно минимальное событие во времени, то можно показать, что для него требуется временной интервал не меньше минимального. Если же взять множество эмпирических состояний и событий, то для их настоящего требуется временной интервал, минимальные размеры которого можно вычислить. Они зависят от числа и от временных отношений внутри данного множества событий. Если же мы обратимся к целому общественному организму или стране, в которых происходят бесчисленные события, то вопрос, о том, что понимать под настоящим, оказывается довольно сложным с методологической точки зрения. Я не знаю ни одной попытки разработать эту проблему на уровне строгой логической теории. Не только дилетанты, но и специалисты довольствуются на этот счет очень неопределенными представлениями.

Различение настоящего и будущего (точно так же, как и настоящего и прошлого) относительно. Однако есть некоторые более или менее определенные принципы такого различения. Они касаются соответствующих понятий, а не каких-то строгих разграничительных линий в реальности. Понятия настоящего и будущего (как и настоящего и прошлого) в применении к целому обществу являются соотносительными, т. е. определяются совместно. Есть некоторый временной интервал, который люди воспринимают как настоящее без всяких проблем. Например, то, что было вчера, и то, что какие-то люди предполагают сделать завтра, они относят к их настоящему. Проблема состоит в том, насколько рамки этого интервала можно расширить, – какую часть прошлого и предполагаемого будущего они могут включить в настоящее. Проблема, далее, состоит в том, как определять эти временные границы для больших коллективов людей, для целого общества, для страны. Абсолютно строгих критериев на этот счет нет. В каком-то пространственно-временном объеме люди живут и совершают поступки так, как будто время вообще не проходит, не рассматривая свою жизнь с точки зрения разделения на прошлое, настоящее и будущее. Они совершают поступки в соответствии с их данными интересами и данными условиями деятельности. Эту свою жизнь они считают настоящим по отношению к тем событиям в прошлом, которые они уже не принимают во внимание в своих расчетах в настоящем. Эту свою жизнь они считают настоящим по отношению к тем событиям, которые, с их точки зрения, возможны или наверняка случатся в будущем, но которые они сейчас могут не принимать во внимание в своих расчетах. Хотя множество таких событий прошлого и потенциального будущего довольно неопределенно, все же складывается некоторое суммарное представление о том, что относится к настоящему, прошлому и будущему. В социологическом смысле прошлое для сложного социального организма уже

не является определяющим фактором его жизнедеятельности, а будущее еще не является.

Настоящее, прошлое и будущее отчасти образуют единый процесс жизни социального организма, а отчасти – различные исторические феномены. В первом смысле настоящее есть воспроизводство каких-то явлений прошлого и реализация потенций прошлого, а будущее есть сохранение явлений настоящего и реализация потенций настоящего. Научное прогнозирование, очевидно, возможно лишь в этом аспекте. Невозможно научно предвидеть то, что по самому определению относится к непредвиденным следствиям эволюции.

Будущее общества есть продолжение настоящего в той мере, в какой в будущем сохраняется и воспроизводится строительный материал общества – люди и достижения их прошлой деятельности. Кроме того, в будущем сохраняют силу универсальные социальные законы организации и жизнедеятельности людей, а также универсальные законы эволюции и развития человеческих объединений. Будущее в этом смысле есть настоящее, лишь перенесенное в условия будущего. Если настоящее познано в соответствии с принципами науки, то тем самым познаны и самые фундаментальные предпосылки будущего. Настоящее дает ключ к пониманию не только прошлого, но и будущего. Подлинное научное познание вообще имеет целью открытие универсальных закономерностей, включающих в себя фактор времени, но не связанных специфически с настоящим, прошлым или будущим.

Я различаю детерминистическое и теоретическое прогнозирование. Первое основывается на принципах детерминизма. Эти принципы подвергались основательной критике в истории науки и философии. Я хочу здесь лишь отметить, что возможности детерминистического прогнозирования в области социальных явлений крайне ограничены. В социальных процессах участвует огромное число факторов и событий. Не все они имеют одинаковое значение для эволюции. Многие из них вообще не играют роли («допороговые» явления). Действие других остается скрытым. Различные факторы действуют порою в противоположных направлениях. Одни и те же факторы порождают противоположные следствия. Временные соотношения причин и следствий разнообразны. Одни и те же причины в разных условиях порождают разные следствия, а одни и те же следствия порождаются разными причинами. Так что если достаточно строго проанализировать случаи детерминистического прогнозирования с логической точки зрения, можно заметить, что они, как правило, логически несостоятельны, иллюзорны, апостериорны в отношении уже свершившихся событий и ненадежны в отношении будущего или в принципе невозможны. Так что когда некоторые из моих критиков приписывают мне социологический детерминизм, они либо не знают, что такое детерминизм, либо не понимают сути моего подхода к прогнозированию, либо умышленно его фальсифицируют. Определив его с помощью бессмысленного словечка «детерминизм», они полагают, что тем самым покончили с ним весьма научным способом.

Мое прогнозирование является не детерминистическим, а теоретическим. Последнее характеризуется совсем иными принципами и средствами. При

этом будущее рассматривается не вообще как состояние той или иной страны или человечества вообще в какое-то время в будущем, а лишь в той мере, в какой оно является реализацией объективных потенций и тенденций настоящего. Средством прогнозирования является такой анализ настоящего, результатом которого должно быть изобретение научной теории, построенной по правилам логики для языковых конструкций такого рода и позволяющей делать логические выводы относительно будущего, исходя из некоторых эмпирических данных о реальности. Теоретическое прогнозирование в социальных исследованиях подобно прогнозированию природных явлений с помощью естественно-научных теорий. Возможности теоретического прогнозирования точно так же ограничены. Но они ограничены иначе, чем возможности детерминистского прогнозирования. Они ограничены в отношении того, что именно можно предсказать. Зато они надежнее в предсказании того, в чем они компетентны. Теоретически невозможно предсказать, например, персональную судьбу Горбачева и то, кто станет его преемником, но зато можно предсказать судьбу его реформаторской деятельности и перспективы любой коммунистической страны в этом отношении.

Возможность предвидения будущего оспаривается с помощью самых различных аргументов. Например, такой древний парадокс используется для этого. Если мы можем предвидеть, что какое-то событие произойдет в будущем, то мы можем принять меры, чтобы это событие не произошло. Значит, мы не можем его предвидеть, точнее – наше предвидение будет ложным. Этот парадокс, как и любой другой, есть результат неопределенности и многосмысленности языковых выражений и отсутствия должного анализа реальной ситуации.

Надо различать деятельность людей, включающую в себя целеполагание и предвидение возможных результатов своих действий, и взгляд на исторический процесс как бы со стороны, с позиций наблюдателя, не вмешивающегося в этот процесс. Теоретическое прогнозирование есть такой взгляд со стороны. Эти два вида предвидения будущего в рассуждениях на эти темы смешиваются, порождая «парадоксы» такого рода, какой я привел выше. Люди делают свое будущее в настоящем. Будущее есть результат деятельности людей в настоящем. Причем деятельности целесообразной и волевой. Люди предвидят результаты своей деятельности, ставят перед собою цели и прилагают усилия к тому, чтобы их осуществить. Почему же в таком случае вообще возникает проблема предвидения? Потому, что не все подконтрольно воле людей. Возникают непредвиденные следствия их деятельности. Людей много, их цели и намерения разнообразны. Они вступают в конфликты, препятствуют друг другу. Суммарный результат их действий далеко не всегда совпадает с тем, к чему стремятся отдельные участники исторического процесса. Люди совершают ошибки в своих расчетах. Возможности их предвидения ограничены. Думая о ближайших результатах своих действий, они не задумываются над более отдаленными их следствиями. Плюс ко всему – далеко не все действия людей включают в себя осознанные цели и предвидение результатов. Многие действия являются автоматическими, машинообразными или животными. Короче говоря,

имеется достаточно много причин, вследствие которых совокупный процесс жизни людей приобретает черты объективного процесса природы. Научный подход к нему должен отвечать тем же требованиям, каким отвечает научный подход к явлениям иного рода. И даже такие субъективные факторы этого процесса, как цели, воля, предвидение и т. п., должны рассматриваться на тех же основаниях, на каких рассматриваются молекулы, электроны, хромосомы, кристаллы, химические реакции и прочие явления природы. С научной точки зрения все явления человеческой жизни и истории суть объективные явления.

Имеется еще один важный аспект дела. Определенная часть членов общества и человечества сознательно действует в направлении такого будущего, какое для них желательно и какое можно предвидеть теоретически. Эти люди могут скрывать свои подлинные цели, маскировать их, чтобы ввести в заблуждение других. Могут впадать в самообман. Другие могут поддаваться обману, могут закрывать глаза на последствия действий первых. Третьи могут быть просто безразличными, хотя могут понимать суть дела. Теоретическое предвидение имеет целью обнажить реальные намерения участников исторического процесса и предсказать результаты их действий. Этот аспект дела особенно важен в наше время, когда сравнительно небольшая часть общества может навязать свою волю многим миллионам членов общества и манипулировать ими. В коммунистических странах это очевидно. Объективно научное предвидение в таких случаях в очень ничтожной мере влияет на цели и действия творцов истории. Они относятся к историческому процессу как игроки, а не как ученые. Они не верят в научные предсказания. Они настолько уверены в своей мощи, что рассчитывают обмануть не только людей, но и законы эволюции. Преследуя свои эгоистические цели и игнорируя возможные последствия своих действий, эти люди представляют в наше время самую большую угрозу будущему человечества. Одна из задач теоретического прогнозирования – анализ объективной роли таких людей в истории и предсказание последствий этой роли. Такого рода прогнозы я неоднократно делал в отношении деятельности советского руководства, в частности – горбачевского. На эту тему я уже писал выше. Насколько я был прав, отчасти уже сейчас можно судить, а отчасти покажет время.

Мы можем интересоваться тем, что будет в стране или в мире вообще через 10, 100 или тысячу лет. Интерес этот вполне оправдан. Но теоретический подход к будущему иначе смотрит на проблему времени. Для него время есть фактор эволюции, а не просто какой-то период в будущем, в отношении которого мы проявляем какой-то интерес. Здесь время не задается в задаче исследования, а открывается как элемент закономерных процессов в обществе. Здесь возникают иного рода проблемы, а именно – с какой скоростью протекают те или иные процессы в обществе, сколько времени требуется на осуществление каких-то действий и мероприятий властей и т. д. Фактор времени в таком смысле, как правило, игнорируется в рассуждениях на социальные темы. Особенно отчетливо это проявилось в горбачевской реформаторской суете и в рассуждениях по ее поводу на Западе. Например, возможно ли поднять экономическую эффективность советских предприятий на уровень, сопоставимый с западным? Да, возможно. Но за какое время?

Социальные процессы такого рода в коммунистической среде протекают медленнее, чем в капиталистической. На решение этой задачи нужно в условиях Советского Союза времени во много раз больше, чем рассчитывает горбачевское руководство. Или другой пример. Возможно ли коммунистическое общество «с человеческим лицом», т. е. с реальной демократией, сопоставимой с западной, и уровнем жизни, аналогичным западному? Возможно. Но на это даже в самых благоприятных условиях нужны многие десятилетия и даже столетия острой борьбы со всеми ее атрибутами.

Аналогично фактор времени играет существенную роль во всех значительных явлениях жизни человечества. Советский Союз мог бы поднять уровень сельского хозяйства. Но для этого нужны большие капиталовложения, какие он сейчас не может себе позволить. И время! Время, каким, по мнению властей, Советский Союз не располагает. Потому советское руководство вынуждается на другой путь – на путь эксплуатации стран Запада и Третьего мира. Советскому Союзу сейчас нужно модернизировать промышленность, особенно – военную, и перевооружить армию. И опять-таки это не сделаешь одним приказом. Нужно время, минимум десять лет.

Будущее коммунизма

В проблеме будущего коммунизма надо различать по крайней мере такие аспекты: тенденции внутренней эволюции коммунистического типа общественного устройства как такового, модификации коммунизма под влиянием внешних воздействий и конкретных условий, судьбу той или иной страны с коммунистическим социальным строем, перспективы переживаемого кризиса коммунизма, перспективы коммунизма в некоммунистических странах, перспективы мирового коммунизма. Эти аспекты взаимосвязаны настолько, что их различие вообще игнорируется.

Первый аспект, коротко говоря, выглядит следующим образом. Допустим, что коммунистическому обществу не угрожают никакие нападения извне, никакие природные и исторические катастрофы и никакие внешние влияния, и ко всему прочему оно имеет в своем распоряжении достаточно времени для раскрытия всех потенций, заложенных в самых его основах. Какой вид оно примет со временем? Иными словами, какой вид примет общество, если в нем в полной мере разовьются все потенции реального коммунизма? В поисках ответа на этот вопрос я руководствовался таким эвристическим принципом. Надо построить описание («модель») некоего идеального коммунизма, включая в это описание лишь то, что является необходимым следствием внутренних механизмов и закономерностей коммунизма. В рамках этой модели рассмотреть все логически мыслимые возможности эволюции социального организма. Таким путем я пришел к выводу, что если эта тенденция возобладает, то будущее коммунистическое общество будет тяготеть к такому идеалу.

Все население страны будет прочно закреплено за определенными территориями, а на них – за определенными учреждениями. Перемещения

будут производиться только с разрешения и по воле руководящих инстанций. Произойдет строгое расслоение населения, и принадлежность к слою станет наследственной. Законсервируется бюрократическая иерархия. Определенная часть населения будет регулярно изыматься в армию рабов для особого рода неприятных и вредных работ и для жизненно непригодных районов. Будет строго регламентировано не только рабочее, но и свободное время индивидов. Будут строго регламентированы все средства потребления. Будет в божественный ранг возведена вся система чиновничества. Главе партии будут воздаваться божеские почести. Вся творческая деятельность будет деперсонифицирована. Продукты творчества будут обозначаться именами директоров, председателей, заведующих учреждениями и партийных руководителей. Никакой оппозиции. Полное однообразие мыслей, желаний, целей, действий. Будет создана особая система развлечений для разных слоев населения. Бездуховное развлекательное искусство. Все достижения науки и техники будут использоваться привилегированными слоями в своих интересах. Другим слоям будут перепадать лишь крохи. Разница в образе жизни между господствующими слоями и прочими будет подобна разнице в образе жизни между жителями современной животноводческой фермы и животными, которых они разводят. О «трудящихся» будут заботиться на тех же основаниях, на каких заботятся о животных. Идеологическое засилие будет чудовищным. Ложь, насилие над личностью, подлость будут пронизывать все звенья общества. Регулярно будут вызревать «временные трудности», т. е. специфически коммунистические кризисы, выходом из которых будут массовые репрессии, авантюры, войны. Население будет обречено на мелочную борьбу за существование до такой степени, что будет исключена всякая возможность для него обдумать свое положение. Карательные органы будут пресекать малейшие намеки на неповиновение и критику. Эта картина будущего коммунизма отражает лишь одну из тенденций эволюции. Тенденция эта объективна. Она действует постоянно. Но она действует в массе других тенденции и в определенных условиях, которые модифицируют ее, ослабляют и скрывают. Такими факторами являются наличие капиталистических стран, угроза внешнего нападения, исторические условия той или иной страны и другие. Выше я уже говорил о том, как эти факторы сработали, породив в Советском Союзе и других коммунистических странах состояние, которое на первый взгляд находится в вопиющем противоречии с только что описанной тенденцией коммунизма.

Прочие аспекты проблемы будущего коммунизма я рассмотрю ниже.

Выход из кризиса

Кризис не может длиться вечно. Он рано или поздно и так или иначе окончится. Но как? И когда? Те, кто считает нынешнее состояние коммунистического мира началом посткоммунистической эры, уверены в том, что это будет полный исторический крах коммунизма и исчезновение его с лица Земли. Усматривая аналогию коммунизма с гитлеровским режимом, они полагают, что с коммунизмом произойдет нечто подобное тому, что

произошло с гитлеризмом. Более умеренные мыслители видят выход из нынешней ситуации в эволюции коммунизма в направлении западной демократии и рыночной экономики, т. е. в направлении капитализма, и в образовании некоего гибрида коммунизма и капитализма. Тут допускаются различные степени гибридизации в ту или другую сторону. Но мыслима еще и третья возможность, а именно – восстановление нормального состояния коммунизма. Рассмотрим эти три возможности.

Частичный и общий крах коммунизма

В отдельных странах возможно разрушение коммунистического социального строя и переход к социальному строю иного типа. Такую возможность нельзя исключать, например, для Восточной Германии, Венгрии, Чехословакии, Литвы, Эстонии. Но это еще не будет означать гибель коммунизма вообще и наступление посткоммунистической эры. В обозримом будущем такая перспектива исключена для главных бастионов коммунизма – для Советского Союза и Китая.

В возникновении идеи общего краха коммунизма, на мой взгляд, сыграло роль чувство мести за еще недавнюю серьезную угрозу капитализму со стороны коммунизма и за широко распространенное убеждение марксизма-ленинизма в том, что капитализм доживает последние дни и мы живем в начале посткапиталистической эры. Сейчас чаша весов качнулась в пользу капитализма, и противники коммунизма поспешили отплатить марксизму-ленинизму той же монетой. Сыграли роль и соображения пропаганды и конъюнктуры. Но главным источником этой идеи явился, на мой взгляд, способ понимания или, вернее, непонимания коммунизма.

Если считать, будто реальное коммунистическое общество строится по марксистскому проекту и основывается на марксистской идеологии, то следовало бы сделать вывод, будто коммунизм в России рухнул еще до того, как был построен. Советская реальность с самого начала имела мало общего с марксистскими идеалами, а в марксистские сказки насчет земного коммунистического рая никогда никто всерьез не верил. И даже партийные идеологи перестали в них верить еще тогда, когда, как говорится, Горбачев под стол пешком ходил. Если бы переименование коммунистических партий, нарушение их монополии в системе власти и допущение других партий, приватизация каких-то предприятий, выборы депутатов из многих кандидатов и прочие явления того же рода, раздуваемые в средствах массовой информации на Западе до масштабов эпохальных событий, были бы достаточны для полного крушения реального коммунизма, то действительно можно было бы праздновать конец коммунизма. Но реальность не дает никаких серьезных оснований для этого.

Коммунизм не есть политический режим наподобие диктаторских и авторитарных режимов, включая режимы Муссолини, Гитлера, Франко, Маркоса, Пиночета. Это явление гораздо более глубокое и серьезное, явление в самих основах общества. Если реальное коммунистическое общество сформировалось в зрелый социальный организм, на его крах в силу

внутренних (а не внешних) причин нужны века, а не годы и тем более не дни. Такое общество может какое-то время существовать как коммунистическое даже в том случае, если в стране нет ни одного коммуниста по убеждениям, если в стране много партий и нет даже коммунистической партии, если депутаты выбираются из десятков кандидатов, если на каждом углу болтают о демократии и правах человека, если допущена частная инициатива и свободный рынок, короче говоря – если в нем можно наблюдать бесчисленные явления, считающиеся признаками западного плюрализма и демократии. В современных условиях коммунизм может рухнуть в какой-то коммунистической стране лишь вследствие вмешательства извне, а именно – со стороны западных стран. Страны Восточной Европы дают классические образцы на этот счет.

Отказ от коммунизма

В странах Восточной Европы сделано вроде бы все для разрушения коммунизма. Как принято говорить в средствах массовой информации Запада, эти страны уже отказались от коммунизма или на пути к этому. Но достаточно ли для крушения коммунизма решения масс населения отказаться от него? Одно дело – возбуждение масс на разрушение существующего порядка, и другое дело – мобилизация их на создание нового. Восстания масс лишь расчищают почву для нового порядка, устраняют препятствия на его пути. Какому порядку расчистили дорогу мятежи масс в странах Восточной Европы? Капитализму? Ничего подобного! Капитализм не созрел в них до этих мятежей. Мятежи не были порождены потребностью в развитии именно капитализма. Они носили чисто негативный характер. Идеи капитализма были привнесены извне, причем – не как идеи именно капитализма, а как идеи социально вроде бы нейтральные и универсальные.

Одно дело – лозунги, и другое дело – их реализация. Не все то, что хорошо на словах, хорошо в реальности. Не все то, что возможно на словах, возможно в реальности. Коммунисты ведь тоже сулили рай земной, а завели людей в ад. Есть общие законы массовых революций, и происходящие в Восточной Европе бунты не являются исключением для них. Реальная история не считается с пропагандой и призывами. К тому же процесс разрушения коммунизма еще не закончился на том, что убили Чаушеску с женой, оставили без крова и отдали под суд больного и престарелого Хоннекера, отстранили от власти коммунистические партии, разгромили органы государственной безопасности, провозгласили установку на парламентаризм, многопартийную систему и рыночную экономику. Процесс разрушения коммунизма еще только начался с этого. И еще неизвестно, будет ли он доведен до конца. Судьба социального строя многомиллионной страны, уже привыкшей жить при коммунизме, решается не в уличных бунтах и не голосованием в некоем многопартийном парламенте, а лишь в длительном и мучительном процессе реальной жизни ряда поколений. Этот процесс имеет свои законы, не подвластные никаким революционерам, реформаторам и партиям.

Лозунги разрушения коммунизма и создания некоей демократии кажутся

хорошими и осуществимыми с наилучшими последствиями лишь до тех пор, пока есть уверенность, что они и останутся в сфере слов. Но вот судьба дала людям в руки власть осуществить на деле то, к чему они призывали. Как говорится, здесь Родос – здесь прыгай! Реальность Восточной Европы дает убедительнейший пример тому, что благими намерениями вымощена дорога в ад. Как бы ни назывались новые партии, пришедшие к власти на место коммунистов, они вынуждены поступать по законам власти, забывая свои прежние призывы и обещания. Свободой сыт не будешь. И даже сам Бог не смог бы придумать чудодейственные реформы, одним махом превращающие эти наконец-то свободные от коммунизма страны в западный супермаркет. Зато со всей силой начинает давать о себе знать психология коммунистического человека, глубоко въевшаяся в души людей: иметь все сразу и без труда, совместить коммунистическое безделье и паразитизм с западным изобилием. На Западе никогда не принимали и не принимают во внимание главный фактор коммунизма, а именно – человеческий материал. Страны Восточной Европы заявили об отказе от коммунизма и о переходе к парламентаризму и рыночной экономике, т. е. к капитализму. Но к какому капитализму? К капитализму прошлых веков или к современному? Но современный капитализм – это прежде всего концентрация капиталов, о какой не знал даже Ленин, высочайший уровень технологии производства и производительности труда, конкурентоспособность на мировом рынке. Какая из стран Восточной Европы способна сейчас на это? Никакая. А что это означает на деле? На деле это означает, что переход стран Восточной Европы к капитализму, который называют вроде бы нейтральными словечками «парламентаризм» и «рыночная экономика», возможен лишь с помощью Запада. Словечко «помощь» здесь опять-таки маскирует неумолимую и жестокую реальность: этот переход возможен только путем включения этих стран в сферу экономики Запада. Эти страны нужны Западу не в виде процветающих независимых стран, способных конкурировать с передовыми капиталистическими странами на мировом рынке, а лишь в виде сфер приложения капиталов, рынков сбыта товаров и поставщиков дешевой рабочей силы, т. е. в виде колоний нового образца со всеми вытекающими отсюда следствиями. Среди этих следствий – жестокая дисциплина труда, безработица и другие непривычные для восточноевропейских «гомосоветикусов» явления западного образа жизни. Этим «гомосоветикусам» нужны не трудности Запада, а его блага, не в отдаленном будущем, а немедленно, не в жестокой борьбе и не ценой непривычных усилий, а без труда и препятствий. Где гарантии, что эти «гомосоветикусы», испытав на своей шкуре реальные условия капитализма, не взбунтуются против них? И не придется ли их удерживать в объятиях западной демократии силой? Соблазняясь благами Запада и игнорируя его дефекты и то, какую цену западным людям приходится платить за эти блага, «гомосоветикусы» из бывшего советского блока игнорировали также то, что высокий жизненный уровень на Западе есть результат не только парламентаризма и рыночной экономики, но и многовековой истории, вошедшей в плоть и кровь западных людей, а также эксплуатации всей планеты. Бывшие «гомосоветикусы» вряд ли смогут быстро переродиться по западным образцам, и их вряд ли допустят

к участию в дележе мира. Скорее всего им светит примерно такое положение в свободном западном мире, какое в нем занимают иностранные рабочие. Конечно, джинсы, проигрыватели и многое другое они приобретут. Но стоило ли за подачки со стола западного пиршества отречься от ценностей более высокого уровня?!

Наиболее благоприятные условия для отказа от коммунизма у Восточной Германии. Но что здесь происходит на самом деле? Происходит самая циничная аннексия ее Западной Германией, которая воспользовалась кризисом в Советском Союзе и уступками советского руководства, клюнувшего на удочку своей же демагогии. Если это – революция, то революцией следовало бы назвать и оккупацию Восточной Германии советской победоносной армией в 1945 году. Западногерманские политики открыто говорят о том, что экономику Восточной Германии можно поднять лишь силами частного капитала. А это означает, что страна становится аренной для капитализма со всеми его атрибутами.

Положение с Восточной Германией является характерным во многих отношениях. В период соблазнения восточных немцев на первом месте стояли интересы материальные, включая гостевые подачки по 100 марок. Теперь ясно, что большинству переселенцев из Восточной Германии в Западной Германии невозможно найти работу. Эксперты утверждают, что вследствие объединения Германии в ближайшие годы следует ожидать в Восточной Германии несколько (от двух до трех) миллионов безработных. Но в Западной Германии смотрят на это «оптимистически»: безработным будет выплачиваться пособие, на которое они смогут купить больше, чем покупали на свою зарплату в последние годы жизни при коммунизме. При этом игнорируется то, что безработные, получающие пособие, очень скоро перестанут сравнивать свое материальное положение с предыдущим и будут сравнивать его с положением благополучных немцев в Западной Германии. Игнорируется также то, что высокий жизненный уровень в Западной Германии не есть дело добровольного выбора. Он принудителен. Он закрепощает людей не менее сильно, чем низкий жизненный уровень при коммунизме. К тому же жизнь людей не сводится к возможности покупать. Переход к капитализму означает разрушение всех достоинств коммунизма. Сейчас, в пылу мятежей и в состоянии эйфории, массы граждан коммунистических стран не хотят думать об этом. Избавляясь от коммунистических зол, восточные немцы теряют блага коммунизма и приобретают множество зол капитализма. Что касается благ капитализма, то им предоставляется лишь возможность включиться в ожесточенную борьбу за них.

Замечу между прочим, что бесчисленные партийные и государственные чиновники, сотрудники органов государственной безопасности, офицеры армии, работники идеологии и пропаганды, работники всяких ненужных контор и прочие лица, которым нет места в экономном капитализме, не были некими злодеями, спущенными в Восточную Германию из Москвы, или инопланетянами. Это были тоже немцы. Они составляли значительную часть населения. Огромное количество должностей, которые кажутся ненужными с западной точки зрения, давало занятие людям, служило предметом соблазна, стимулировало их жизнедеятельность. Ликвидация этих должностей наряду с

другими факторами (например, избыточность «академиков» среди молодежи, повышение эффективности предприятий) резко ограничивает возможности жизненного успеха для молодежи. А ведь молодежные бунты двадцать лет назад потрясли не коммунистические, а капиталистические страны.

Политики и бизнесмены Западной Германии мыслят «масштабно». Безработные будут переучиваться и овладевать новыми профессиями. Несмотря на безработицу, имеется дефицит людей во многих профессиях. Избыточные «академики» (молодые люди с университетским образованием) пойдут в рабочие профессиональные школы. А что значит переучиваться для людей, уже имеющих профессию? А почему безработные не идут туда, где требуется рабочая сила? А если у молодых людей имеются интересы именно гуманитарные и «академические»? Короче говоря, хозяева западного мира распоряжаются массами людей, игнорируя их индивидуальные судьбы и склонности. И в этом смысле капитализм не менее жесток, чем коммунизм. Насытившись благами Запада, освобожденные граждане коммунистических стран вспомнят о том, что они потеряли. Причем – вспомнят уже в идеализированном виде.

Короче говоря, отказ от коммунизма даже в таких чрезвычайно благоприятных условиях, какие сложились для ряда стран Восточной Европы, означает переход к капитализму, причем – не в силу имманентных устремлений и возможностей, а благодаря влиянию со стороны Запада и включению их в сферу капитализма Запада. И переход этот, как теперь можно точно констатировать, не есть некий молниеносный переход в царство изобилия, где почти что бесплатно раздают все жизненные блага, а длительный и мучительный процесс. Этот отказ есть показатель недостатков и слабостей коммунизма. Но он не есть показатель достоинств и силы капитализма как социального строя, подобно тому, как установление коммунизма в этих странах в свое время не было показателем преимуществ коммунизма. Тогда коммунистический Советский Союз выиграл «горячую» войну против Германии и навязал коммунизм на завоеванных территориях. Теперь же капиталистический Запад выиграл «холодную» войну против Советского Союза и навязывает капитализм на завоеванных территориях. Советскому Союзу оказалось не по силам удержать за собою позиции, завоеванные в Восточной Европе. И он оставил их. Это – отступление в сражении с Западом. Но это еще не проигрыш всей войны. Война продолжается. Впереди предстоят еще более грандиозные сражения. И сюрпризы.

Гибрид коммунизма и капитализма

О второй возможности много говорили и продолжают говорить в такой фразеологии, как «третий путь», «коммунизм с человеческим лицом», «гуманный социализм», «демократический социализм». О таком «гуманном, демократическом социализме» говорят и горбачевцы, боясь употреблять скомпрометированное слово «коммунизм». При этом сами представления о «третьем пути» весьма расплывчаты и неопределенны. При этом мечтают сохранить плюсы коммунизма (условия труда, жизненные гарантии и многое

другое), присоединив к ним западное изобилие и свободы. Эти мечты никогда и нигде не будут осуществлены, ибо нельзя сохранить плюсы коммунизма, отбросив его недостатки, нельзя отбросить недостатки коммунизма и при этом сохранить его достоинства, нельзя приобрести достоинства капитализма, избежав его недостатков.

Гибриды коммунизма и капитализма, однако, не только возможны, но и существуют реально. Только они не имеют ничего общего с упомянутыми выше утопическими мечтами. Таким реальным гибридом прежде всего является современное западное общество. Об этом я буду говорить ниже.

Другого типа гибридом коммунизма и капитализма являются коммунистические страны, заимствующие на Западе все, что можно позаимствовать, сохраняя основы коммунизма. Такое заимствование само по себе еще не есть перерождение коммунизма. Это – вполне естественное явление в условиях сосуществования капитализма и коммунизма. Без него коммунистические страны просто были бы неспособны выжить в современных условиях. Но тут есть свои допустимые пределы. Каковы эти пределы – познается опытным путем. В Советском Союзе процесс познания Запада и заимствования его достижений в широких масштабах начался в послевоенные годы. При этом происходило и заимствование негативных явлений. Но в реальной истории нет худа без добра, как нет и добра без худа. Лишь длительный опыт массы людей и в ряде поколений определит эволюционно устойчивые и допустимые последствия этого процесса. С этой точки зрения и кризис, надо полагать, не обойдется без последствий. Активная и образованная часть советского населения уже не мыслит себе дальнейшей жизни без широких и тесных контактов с Западом. При современных средствах коммуникации «железный занавес» такого рода, как в сталинские годы, в мирных условиях невозможен.

И третий тип гибрида коммунизма и капитализма есть переходное состояние от первого ко второму, какое сейчас можно наблюдать, например, в Восточной Германии и Венгрии, а также допущение элементов капитализма в других коммунистических странах в нынешних условиях кризиса. Такие гибриды недолговечны. Они должны либо превратиться в общества западного типа, либо вернуться в нормальное коммунистическое состояние.

Контрперестройка

Восстановление нормального состояния общества не означает возврат в докризисное состояние. Это должно быть восстановлением норм коммунизма, но применительно к новым условиям и с учетом уроков кризиса. Многие в жизни коммунистической страны может измениться. Но эти изменения могут быть такого рода, что коммунистический социальный строй все равно сохранится. Ведь и в хрущевские годы произошли огромные перемены, а социальный строй Советского Союза сохранился и даже усилился.

Преодоление кризиса мирового коммунизма зависит прежде всего от преодоления кризиса в Советском Союзе. Я и буду в дальнейшем говорить главным образом об этом, т. е. о преодолении кризиса в Советском Союзе на

пути восстановления нормального коммунизма или на пути выздоровления его.

Перестройка есть кризис. И выходом из него может быть не продолжение перестройки, как к тому призывает Горбачев, и не более радикальная перестройка, как к тому призывают оппозиционеры вроде Ельцина, а лишь контрперестройка. Искать выхода из кризиса на пути перестройки – значит искать выхода из болезни путем продолжения и усиления болезни. Призывы насчет продолжения и даже усиления перестройки маскируют на самом деле реальный процесс контрперестройки.

Кризис этот есть коммунистический. И преодолен он может быть адекватными ему коммунистическими методами. Попытки такого рода имели место постоянно, не говоря уж о том, что страна сопротивлялась болезни. Если бы этого не было, страна погибла бы очень быстро. И было бы ошибочно приписывать Горбачеву сознательное намерение ввергнуть страну в кризис и усиливать этот кризис.

Во-первых, он не мог предвидеть того, к каким последствиям приведет его инициатива. А во-вторых, ситуация в стране и мире стала складываться такая, что Горбачев просто не мог с самого начала открыто и систематически применять коммунистические методы противодействия кризису. Процесс вышел из-под контроля властей и навязал им форму поведения, соответствующую кризисной ситуации. Но это не означает, что они капитулировали и отказались совсем от коммунистических методов. Эти методы лишь отошли на задний план и были отложены до поры до времени.

Контрперестройка в Советском Союзе фактически уже началась. Началась молча, без газетных сенсаций, прикрытая безудержным словоблудием о намерении продолжать и усиливать перестройку. Я имею в виду фактические запреты забастовок, использование армии для наведения порядка в Закавказье и Средней Азии, разоблачения и аресты частных предпринимателей, призывы высших руководителей к укреплению общественной дисциплины и многое другое. А в глубинах общества и в отдалении от Москвы и других больших городов основы жизни массы населения вообще были мало затронуты горбачевской вестернизацией. Однако все это – лишь предвестники контрперестройки как генеральной установки высших властей. На то, чтобы такой перелом произошел, нужно время и ряд условий, которые еще не созрели. Не исключено, что такой перелом отчетливее наметится к моменту выхода этой книги в свет.

Кто осуществит контрперестройку? Если Горбачев добьется личной диктатуры и создаст свой аппарат сверхвласти, то это осуществят сами перестройщики под его руководством. При этом они в пропаганде дело изобразят так, будто осуществляемая ими контрперестройка и есть настоящая перестройка в смысле их демагогии или ее результат. Контрперестройка будет выглядеть как успех их политики перестройки. В советской истории такое происходит не в первый раз. Сталинское руководство, поставившее страну на грань катастрофы в начале войны с Германией и, по мнению экспертов, наделавшее множество ошибок в годы войны, все же довело войну до победы и приписало все успехи себе. Если же Горбачев у власти не удержится и не добьется желаемой цели, это сделают те же самые горбачевцы, но под руководством преемника

Горбачева. И тогда они могут изобразить горбачевскую перестройку как историческую ошибку или даже как преступление, а осуществляемую ими контрперестройку изобразят как исправление этой ошибки и как спасение страны от анархии и хаоса. Возможны также различные компромиссные варианты.

Опоры контрперестройки

Контрперестройка не есть дело субъективного произвола неких консерваторов и недобитых сталинистов и брежневистов. Эти слова, повторяю, суть западные словесные фетиши, не объясняющие, а искажающие нынешнюю советскую реальность. Контрперестройка опирается на объективные условия жизни подавляющего большинства советского населения. Она опирается прежде всего на такие постоянно действующие факторы коммунистического образа жизни, которых перестройка не коснулась совсем или коснулась в ничтожной мере. Эти факторы суть условия повседневной жизнедеятельности людей, условия их работы, быта, обучения, делания карьеры, отдыха. Советские люди живут не для того, чтобы подтверждать теории западных советологов, сенсации в западных средствах массовой информации и разоблачительные сочинения критиков режима, а для себя. И живут так, как им позволяют объективные условия и условия их формирования. Для подавляющего большинства населения мало что изменилось с этой точки зрения, а если изменилось, то к худшему. От перестройки выгадала ничтожная часть населения, в которой преобладают карьеристы, конъюнктурщики, жулики и ловкачи. Массы населения заинтересованы прежде всего в восстановлении их обычного стандарта жизни, а не в том, чтобы помогать тщеславным вождям осуществлять их маниакальные замыслы.

Коммунизм имеет не только недостатки, но и достоинства, о которых я уже говорил выше. В период кризиса они отошли на задний план. На первый план вышли недостатки. А эпидемия саморазоблачения и очернения всей прошлой советской истории вообще придала мрачные очертания всему коммунистическому образу жизни. Перестройка поставила под угрозу все лучшие завоевания коммунизма, которые стали привычными для масс населения. Именно угроза потери их вынуждает людей осознавать эти привычные формы жизни как достоинства коммунизма и думать об их сохранении. А это и есть противодействие перестройке, т.е. контрперестройка. В Советском Союзе живет около 300 миллионов человек. По крайней мере 60 миллионов из них вполне удовлетворены условиями коммунизма. Это – их общество. И эти слои населения достаточно влиятельны, чтобы навязывать коммунистический образ жизни большинству населения. Сейчас эти слои деморализованы. Но естественный процесс жизни есть воспроизводство устойчивой структуры населения, и в том числе – этой части избранных. На место одних индивидов приходят другие, восстанавливающие статус-кво.

У Советского Союза нет под боком другого, более мощного, западного Советского Союза, который мог бы соблазнять советских людей гостевыми подарками и супермаркетами, который мог бы инвестировать в

восточно-советскую экономику триллионы долларов (не рублей!), куда могли бы переселиться миллионы людей с надеждой сразу получить райские условия жизни. Даже для Восточной Германии процесс интеграции с Западной Германией на деле оборачивается большой исторической драмой. А для Советского Союза нечто подобное могло бы быть лишь грандиозной исторической трагедией, причем – не на годы и десятки лет, а на века, если не навечно. В конце концов в стране найдутся здравомыслящие силы, которые поймут, что речь идет об историческом выживании. Массы населения сохраняют всем своим образом жизни коммунизм вовсе не потому, что любят его, а прежде всего потому, что просто не могут жить иначе и потому что отказ от коммунизма означал бы катастрофу, гибель. У них просто нет никакого выбора в том смысле, как этот выбор представляют себе на Западе. Страна уже сделала свой исторический выбор в 1917 году, в гражданскую войну, в двадцатые и тридцатые годы, в войне с Германией, в хрущевские и брежневские годы. Нынешняя попытка сбить ее с этого пути обречена на провал.

Важнейший источник контрперестройки – восстановление норм социальной организации, нарушенных кризисом. В результате этого будет сокращено число людей, вышедших из-под контроля коллективов, усилен контроль коллективов за своими членами, усилены меры наказания тех, кто не считается с требованиями своего окружения. Это немедленно сократит число участников митингов, демонстраций, «неформальных» организаций и движений. А как только начнется улучшение бытовых условий (а это неизбежно!), то массы пассивного до сих пор населения сами прикончат смуту, оказав всемерную поддержку властям и карательным органам в восстановлении общественного порядка. Это уже стало одним из требований широких масс населения. Кризис всемерно усилил преступность в стране и расшатал стабильность жизненных линий для основной массы населения, – для «молчаливого и пассивного большинства». Восстановление же общественного порядка и стабильности быта может быть достигнуто только вследствие суровых и решительных мер государства.

Ниже я хочу особо выделить другие важные источники и опоры контрперестройки.

Реакция населения

Как я уже говорил, горбачевцы назвали перестройку революцией сверху. Но советский народ, начавший в 1917 году величайшую социальную революцию в истории человечества (как его приучили думать), рано или поздно задастся вопросом: а является ли происходящее (а со временем – происходившее) в стране на самом деле революцией? А если это – революция, то в какую сторону сравнительно с революцией, начатой в 1917 году? А что, если это – контрреволюция по отношению к тому, ради чего советский народ пошел на неслыханные жертвы? Не случайно же западные «империалисты» и их лакеи хвалят Горбачева за эту «революцию»! В таком духе думает определенная часть советского населения. Причем число людей, думающих так, растет и

будет расти, поскольку горбачевские нововведения, принося какие-то выгоды незначительной части населения, нисколько не улучшают положение основной массы населения, а для значительной его части приносят явные ухудшения. С их точки зрения горбачевская «революция сверху» выглядит как покушение на основные завоевания советской истории, ставшие привычными элементами советского образа жизни.

Разочарование в западнизации

Реформаторы, оппозиционеры, взбунтовавшиеся массы, – все увидели идеалы на Западе, а не во внутренних тенденциях и возможностях своей страны. Они при этом все обнаружили отсутствие того, что можно назвать историческим терпением. Они возжаждали видимых благ Запада немедленно, без исторических жертв и усилий, одними лишь распоряжениями сверху или одним лишь фактом своего бунта. Они полностью игнорировали и то, что на самом деле представляет из себя западное общество. Они видели лишь отдельные внешние проявления западного образа жизни, выгодно отличавшие его от образа жизни коммунистического, и игнорировали то, какой ценой и какими путями эти достоинства приобретаются, а также то, что благами Запада пользуются далеко не все, что наряду с ними существуют многочисленные недостатки, в качестве протеста против которых началась целая эпоха в истории человечества – эпоха борьбы за коммунизм.

Запад – это не только супермаркет, где можно приобрести все необходимые предметы потребления. Чтобы покупать, нужны деньги. А чтобы заработать их, надо спуститься из сферы кажущегося изобилия в преисподнюю общества, которая с точки зрения условий труда вполне сопоставима с коммунистической, если не хуже. Высокий жизненный уровень – это не просто зарплата людей в коммунистических странах, помноженная на пять или даже на десять, и возможность покупать на нее все, что угодно. Это – принудительный образ жизни, имеющий свои теневые стороны и доступный далеко не всякому. Если бы можно было дать возможность советским людям попробовать пожить в условиях Запада с его реальными проблемами, т. е. с отсутствием гарантии работы, с поисками работы, с настоящей эксплуатацией, с поисками жилья, с ипотекой и прочими далеко не соблазнительными атрибутами западного образа жизни, то наверняка большинство из них предпочло бы советскую бедность западному благополучию.

Запад – это не только демократия, права человека и всяческие свободы. Западное общество неоднородно. И тут есть богатые и бедные, господа и слуги, преуспевающие и страдающие. Тут есть свой социальный строй, складывавшийся веками, переживший множество кризисов, революций, взлетов и падений. Формы западного образа жизни не являются универсальными и всеобщими. Их нельзя оторвать от базиса, на котором они выросли, и пересадить на почву общества с совсем иным базисом. Их нельзя оторвать от той грандиозной многовековой истории, в которой они отстаивали свое существование. Если даже допустить, что Советский Союз сегодня же встает на путь эволюции в западном духе, потребуются многие десятилетия (а

скорее всего – века) острой социальной борьбы, чтобы какая-то часть потомков стала наслаждаться благами, подобными нынешним благам Запада. Какая часть? И как наслаждаться? И стоит ли овчинка выделки?

Требуют ввести рыночную или планово-рыночную экономику. А что это такое? Интересно было бы опросить сторонников этого пути, как они себе представляют современную рыночную экономику Запада. Думаю, что даже советские специалисты, набравшись мужества, сказали бы нечто такое, что отрезвило бы реформаторов.

Современная рыночная экономика Запада есть прежде всего диктатура банков, причем – диктатура более беспощадная, чем диктатура коммунистического государства. Это, далее, есть диктатура гигантских фирм, их объединений и сговоров. Это – раздел и передел мира на сферы влияния. Это – урегулирование проблем экономики на уровне правительств и соглашений между странами. Это – конкуренция банков, концернов, стран. И лишь в последнюю очередь это – конкуренция мелких предпринимателей и хозяйчиков, находящихся в жестких руках банков. Современная рыночная экономика Запада является не в меньшей мере плановой и регулируемой «сверху», чем советская. А японская экономика, успешно конкурирующая с американской и западноевропейской, гораздо ближе к коммунистическому идеалу, чем советская.

Введение так называемой рыночной или планово-рыночной экономики в коммунистической стране может быть лишь легализацией жульнической или планово-жульнической экономики. Это в конце концов приведет к усилению хаоса и неподконтрольности в экономике. А главное следствие этого – образование целого класса богатых людей, добывающих свое богатство за счет нарушения норм коммунизма и завуалированной эксплуатации масс населения. Как долго массы населения и привилегированные слои общества могут мириться с этим?

Аналогично обстоит дело с требованием введения парламентаризма и многопартийной системы. Я уже достаточно говорил на эту тему выше. Парламентаризм и многопартийность суть политические формы капитализма, а не нечто пригодное для всех времен и народов. В коммунистическом обществе возможна лишь имитация этих форм, маскирующая нечто иное или играющая совсем иную роль, чем на Западе. Парламентаризм имеет смысл лишь при том условии, что в обществе имеется независимый от этой части власти механизм самоорганизации, т. е. постоянно действующая невыборная система управления и самоуправления, какой нет в обществе коммунистическом.

Парламентаризм есть лишь частичка механизма управления, причем – не главная. В коммунистическом обществе он излишен, поскольку все его функции выполняет государственная непарламентарная власть. Более того, он станет помехой в системе управления, внося в нее чуждый коммунизму элемент раздробления единой власти. Склок и конфликтов в системе власти и управления хватает и без него.

Сейчас многими людьми овладели иллюзии, будто в считанные дни можно перестроить общество в соответствии с их желаниями. Но пройдет еще немного времени, и они почувствуют, что в основах жизни лежит нечто такое,

что не поддается никаким переменам и возвращает людей к тому, против чего затевались реформы и бунты. Естественно, в сознание масс закрадывается сомнение: а не сыграли ли они роль марионеток в чьей-то чужой для них игре? Наступает прозрение. И люди с удивлением начинают смотреть на то, как они могли поддаться на удочку нелепых, бессмысленных и бесперспективных реформ, лозунгов, программ.

Компромисс с консерваторами

Одно дело – провозгласить реформы, и другое дело – осуществить. Одно дело – реформы на бумаге, и другое дело – те же реформы в реальном осуществлении. При попытках осуществления своих реформ горбачевцы с самых же первых шагов вынуждены были вступить в компромисс с «консерваторами», маскируя и компенсируя этот компромисс беспрецедентной шумихой в средствах массовой информации. Я хочу здесь остановиться на двух вопросах: 1) кто такие «консерваторы»; 2) почему компромисс неизбежен.

Одно из свойств западного подхода к советскому обществу заключается в том, что не понятия вводятся в соответствии с реальной структурой населения, а, наоборот, население классифицируется в соответствии с априорными абстрактными понятиями. Как в свое время на западе делили советских руководителей на «ястребов» и «голубей», так теперь делят на «реформаторов» и «консерваторов». При этом «реформаторам» приписывают все положительные (с точки зрения Запада) качества, а «консерваторам» – отрицательные. В реальности же, если исключить немногочисленные крайности, такого деления вообще нет. В реальности одни и те же люди обладают потенциями как консерваторов, так и перестройщиков. Теперь наиболее ловкие бывшие консерваторы стали перестройщиками и захватили в свои руки дело перестройки. Люди, составившие инициативное ядро горбачевского руководства, были активными брежневистами. Они стали перестройщиками вовсе не в силу каких-то благородных качеств природы, а потому что это соответствовало их карьеристским устремлениям и расчетам.

Нелепо думать, будто консерваторы хотят застоя в экономике, не хотят улучшения работы предприятий и учреждений, не хотят улучшения международных отношений, хотят вернуть страну к сталинизму. Если уж говорить об угрозе нового варианта сталинизма, то она исходит прежде всего от реформаторов, а не от консерваторов. Это горбачевцы навязывают стране волюнтаристские методы сталинского типа. Это они хотят заставить страну сделать «рывок вперед», не считаясь с потерями.

Консерваторы отличаются от реформаторов лишь оценкой реального положения в стране и в мире, пониманием реальных возможностей страны и ее социального строя, тактикой в осуществлении той же политической стратегии. Консерваторы стремятся решать проблемы коммунистического общества средствами, соответствующими природе этого общества и с сохранением всех положительных (с их точки зрения) достижений советского общества за семьдесят лет его существования. Семьдесят лет советской

истории, с их точки зрения, не прошли впустую. Коммунистический социальный строй обнаружил, с их точки зрения, целый ряд преимуществ сравнительно с социальным строем стран Запада. Высокая экономическая эффективность, высокий жизненный уровень, демократия и другие явления западного образа жизни не являются, опять же с их точки зрения, абсолютным добром. За это западным людям приходится платить свою, весьма высокую цену. Подражая западным образцам, советское общество начинает терять те преимущества, которые оно приобрело благодаря развитию на основе коммунистического социального строя.

И с точки зрения личного положения людей в системе власти и управления, перестройка, по мнению консерваторов, несет с собою угрозу возвращения к сталинской форме организации власти, которая была отброшена в хрущевские годы. При этой форме власти самым ненадежным и нестабильным было положение работников партийно-государственного аппарата. Поскольку эта гигантская армия чиновников идентифицирует себя с системой власти вообще и с социальным строем страны, она теперь рассматривает нестабильность своего личного положения как нестабильность общества в целом.

Но дело не только в самих ловких и инициативных перестройщиках. Дело в том, что реформы должны осуществлять фактически миллионы консерваторов. Перетасовка управленческих кадров, произведшая сенсацию на Западе, на самом деле лишь в ничтожной мере затронула гигантскую систему организации деловой жизни страны. Миллионы консерваторов из самых различных слоев населения лишь на время прикинулись перестройщиками, дабы сохранить свои позиции и как-то выгадать за счет новых установок сверху. Они с такой же легкостью ринутся критиковать перестройку и перестройщиков, если изменится эта установка. Они найдут подходящее оправдание своему поведению и будут продолжать привычный образ жизни в несколько иной форме. Такая способность менять свою социальную форму и окраску в натуре советских деятелей системы власти и управления как людей коммунистического общества и в натуре коммунистического общества вообще как гигантского социального хамелеона. Так что компромисс горбачевцев с некими консерваторами есть не компромисс с какой-то узкой кликой в руководстве, а компромисс со всей массой по существу консервативного населения и с самими собою.

Идеологическая контрперестройка

Коммунистический кризис начался с кризиса идеологии, дальше всего зашел в сфере идеологии и, как я думаю, дольше всего удержится в этой сфере. Признаки начала контрперестройки в идеологии уже теперь можно видеть в Советском Союзе. Уже теперь все настойчивее раздаются требования остановить разгул словоблудия в прессе, прекратить очернение советской истории и нападки на марксизм-ленинизм, умерить критику советского общества и саморазоблачение, отдать должное тому положительному, что было сделано за годы советской власти.

Но преодоление идеологического кризиса не сводится к наведению некоего

идеологического порядка. Тут мало восстановить прежнее формальное почтение к марксизму-ленинизму. Марксизм-ленинизм навечно перестал даже в ничтожной мере быть адекватным реальному коммунизму. Тем более он уже никогда не станет руководством к действию для коммунистической власти. Теперь требуется создать новое идеологическое учение, адекватное условиям реального коммунизма и заслуживающее уважения, а не просто подновить марксизм-ленинизм применительно к новым условиям. На это нужно время и историческое мужество гораздо более серьезное, чем призывы к гласности, ускоренному развитию, перестройке, демократизации. Тут сделать нечто подобное тому, что делается в отношении формы организации власти, вряд ли возможно. На Западе вообще нет идеологических образцов, которые можно было бы позаимствовать для некоей модернизации идеологии коммунизма. Коммунизм в этом отношении должен идти своим путем.

Что касается идеологического состояния населения, то тут главная задача контрперестройки – направить в нужное русло тлетворное влияние Запада. Остановить его невозможно. Опыт показал, что западные средства идеологического оболванивания масс населения (через литературу, кино, телевидение, музыку, моды, способы развлечения) оказались более эффективными, чем коммунистические. Как ограничить их деморализующее действие и заставить служить делу коммунизма, – это проблема для идеологического механизма общества. К счастью для советского коммунизма, идеологический кризис не затронул сознание новорожденных младенцев, и идеологический механизм еще имеет шансы вырастить новые поколения, которые поступят со своими взбунтовавшимися против коммунизма отцами так же, как эти отцы обошлись со своими отцами, строившими коммунизм.

Угроза дезинтеграции страны

На путь контрперестройки советское руководство вынуждается и угрозой распада страны. Ситуация в Советском Союзе сейчас складывается такая, что горбачевское руководство вынуждается на двусмысленную и противоречивую национальную политику. Либо оно продолжает игру в «гласность» и «демократию», что расширяет возможности для социального протеста в форме национальных движений, либо оно принимает суровые меры в пресечении этих движений, что неизбежно приведет к национальным протестам по существу.

Решение Литвы и Эстонии отделиться от Советского Союза в качестве независимых государств явилось пока сильнейшим проявлением кризисной тенденции к дезинтеграции Советского Союза. Если этот опыт удастся, он может послужить заразительным примером для прочих республик страны. Кроме того, это ослабит обороноспособность страны, обнаружив перед всем миром ее слабость. А что это означает, это очевидно всем здравомыслящим людям. Так что горбачевское руководство оказалось вынужденным отказаться от своей освободительской демагогии и принимать практические меры к сохранению советской империи.

Угроза войны

Угроза новой мировой войны не исчезла. А ослабление Советского Союза не уменьшает, а увеличивает ее. Если Запад почувствует, что Советский Союз можно разгромить без особо больших потерь для себя, он такую возможность не упустит. Эту азбучную истину советские люди понимают прекрасно, в особенности – русские. Они имеют богатый исторический опыт по части нашествий со стороны Запада.

Нарастание угрозы войны вынудит советское руководство на более решительные меры в отношении наведения общественного порядка и на полный отказ от «западнизации». Это приведет к снижению бунтарских и антикоммунистических настроений, к консолидации населения страны и к возрождению таких важнейших факторов единства, как патриотизм и образ внешнего врага. Сознание угрозы войны быстро парализует действие многих факторов, разлагающих коммунизм. Посмотрите, например, как резко изменилось отношение к присутствию советских войск в Польше в связи с перспективой пересмотра границы с Германией!

В Советском Союзе коммунизм может быть разрушен лишь в результате разгрома в мировой войне. Но на такое решение исторического спора Запад еще не готов. А пока он готовится, Советский Союз выкарабкается из кризиса, модернизирует военную промышленность и армию и будет в состоянии сам нанести смертельный удар своим противникам.

Основное звено контрперестройки

В свое время Ленин говорил, что в трудных и запутанных ситуациях надо находить «основное звено цепи, ухватившись за которое, можно вытянуть всю цепь». Верным учеником Ленина в этом отношении был Сталин. Он понял, что основным звеном в сложной ситуации двадцатых и тридцатых годов было создание диктаторской власти во главе лично с ним, со Сталиным. Он мог с полным правом сказать, что его личная судьба совпала с судьбой страны. Ленинская и сталинская школа не прошла бесследно и для Горбачева. Он понял, что основным звеном в контрперестройке является создание аппарата его, Горбачева, личной диктатуры. Все махинации с системой власти, происходящие по его инициативе, имеют целью именно это. Другое дело, удастся ему повторить образец Сталина или нет. Но путь он выбрал тот же самый.

Представьте себе такую сцену. В некоей капиталистической стране собрались хозяева и директора банков и предприятий и приняли единодушное решение отдать капиталы и предприятия в собственность всем прочим гражданам, кто того пожелает. О чем подумали бы вы, узнав об этом? Очевидно, о том, что тут имеет место какая-то мистификация. Но вот нечто подобное произошло в Москве. В Кремле, в начале января этого года, собрались подлинные хозяева советского общества на пленум ЦК КПСС. И они единодушно приняли решение добровольно отказаться от власти и от своего привилегированного

положения, – решили пересмотреть статью шестую Конституции СССР о руководящей роли КПСС в советском обществе, передать власть советам, допустить многопартийную систему. И на Западе никто не усмотрел в этом никакую мистификацию. Все слова советских партийных чиновников и демагогов приняли за чистую монету. Вся западная пресса стала захлебываться от восторга. Ведущие советологи провозгласили конец власти КПСС и стали планировать посткоммунистическое развитие бывшего Советского Союза. А между тем эта операция Кремля является грандиозной мистификацией, рассчитанной на простаков и главным образом на простаков на Западе. Участники пленума все суть искушенные в советском образе жизни люди, и допускать в отношении их некие благие намерения было бы по меньшей мере наивно.

Я не хочу здесь останавливаться на анализе советской Конституции, которую еще совсем недавно на Западе считали пропагандистской и идеологической бумагой. Теперь отношение к ней на Западе изменилось коренным образом. Но это не означает, что фактический статус Конституции изменился на самом деле. Лидеры КПСС с такой легкостью пошли на «добровольный отказ» от закрепленного в Конституции статуса партии, будучи уверены в том, что в конце концов все равно восстановится прежняя структура власти, как бы ни назывались ее подразделения и какие бы бумажные решения ни принимались. Для них главное – сохранить свое личное положение в иерархии власти. А в сложившейся ситуации они боятся потерять его, выступая против горбачевской платформы. Единодушная поддержка платформы выражает на самом деле не некое стремление к преобразованиям, а страх за свою шкуру и уверенность в том, что все это есть очередной руководящий спектакль. Спектакль затянулся дольше обычного, но в основе своей он остался спектаклем.

Горбачев вообще пользуется поддержкой в системе власти не столько потому, что хозяева общества стремятся к переменам, сколько потому, что прошел первый испуг от горбачевских угроз и они поняли, что основы их жизни остаются неизменными.

В марте этого года Горбачев стал первым Президентом Советского Союза. И дело тут не столько в том, что стали употреблять слово «Президент» вместо слов «Председатель Президиума Верховного Совета СССР». Дело в том значении, какое эти махинации приобрели в сложившейся ситуации. Эти махинации с реорганизацией власти потребовались Горбачеву для того, чтобы начать создание аппарата личной диктатуры, стоящего над партийным аппаратом и подчиняющего последний себе. Этот ход получил одобрение нынешних хозяев страны главным образом потому, что он стал необходимым условием выхода страны из кризиса. Тут, как и в сталинские двадцатые годы, именно вопрос о власти и о личной диктатуре стал ключом к решению всех проблем страны. Горбачев, как и Сталин, фактически оказался без достаточно сильных конкурентов. Герой разбушевавшихся масс Ельцин является лишь карикатурой на Горбачева. Если бы он дорвался до горбачевской роли, он очень быстро превратился бы в диктатора похлеще Горбачева. И это понимают все те, от кого зависит личностная ситуация в высшей власти. Реорганизация системы власти, по видимости выступая в форме продолжения политики

перестройки, по сути дела явилась пока самым решительным шагом в переходе к политике контрперестройки.

Реорганизация системы власти по форме выглядит как стремление придать ей некий общечеловеческий характер, – характер демократии, аналогичный демократии западного типа. Смещение стержневой власти в советы создает видимость парламентаризма. КПСС придает видимость политической партии, причем – одной из многих партий. Тем самым создается видимость многопартийности. Тут правители советского общества вступают в негласный сговор с хозяевами западного мира: последним очень нравится такая «неклассовая» позиция советских властей.

А между тем пройдет несколько лет, и суть горбачевских реформ в системе власти вылезет наружу. Многопартийность окажется лишь внешней раздробленностью былой «однопартийности», а точнее – беспартийности. Партии, отличные от КПСС, превратятся в марионеток последней или будут ликвидированы, если не отомрут сами собой в силу бессмысленности и ненужности. Не исключено, что их будут сохранять искусственно, подобно тому как искусственно сохраняется бессмысленный аппарат профсоюзов и еще более бессмысленные профсоюзные организации. В результате разрастется бюрократический аппарат, которому была объявлена война, и новая форма обмана сменит отжившую.

Для политических партий в коммунистическом обществе вообще пока нет условий хотя бы в силу положения и интересов ее социальных слоев. Высшие слои общества и большая часть средних имеют защитников своих интересов в лице государства. Они сами входят в состав государства. Это и есть их «партия». Низшие же слои и частично средние не способны создать свои политические организации в силу положения их в обществе, распыленности и неоднородности. Кроме того, чтобы политическая организация стала устойчивой, членство в ней должно быть безопасным и даже приносить какую-то выгоду. Как это может сделать некая оппозиционная партия? И на какие средства она будет существовать? На пожертвования, на взносы? Это в условиях коммунизма смехотворно. Если же такая партия будет иметь средства от государства, она быстро превратится в орудие КГБ. От таких «партий» выгода будет только ее главарям, что станет очевидным очень быстро. И вряд ли у рядовых членов этих «партий» хватит надолго энтузиазма быть пешками в чужой нечистой игре.

В том же направлении, что и усилия реформатора Горбачева, идут и усилия консерватора Лигачева. Как опытный партийный функционер он почувствовал, что ключом к выходу из кризиса является восстановление престижа и фактической власти государственного аппарата. Только в отличие от Горбачева он видит путь к этому в укреплении партийного аппарата и партийных организаций, т. е. КПСС. Он тем самым склоняется к брежневистскому стилю руководства. Какая линия победит? Скорее всего – компромисс этих двух линий.

Весьма возможно, что структура советской системы власти в ближайшие годы благодаря горбачевским реформам будет выглядеть так. Стержневой аппарат власти, роль которого до сих пор открыто выполнял партийный аппарат, потеряет четкие очертания и будет скрыт от внешнего обнаружения

бутафорским парламентом (советами), иллюзорной коммунистической партией, якобы потерявшей монополию на власть, другими марионеточными партиями и прочими учреждениями «демократии». Стержневой аппарат власти будет на всех уровнях складываться неформальными путями, в том числе – путем личных контактов. Он будет складываться из работников реального партийного аппарата, органов государственной безопасности, советов, министерств, военных учреждений, короче говоря – из лиц, обладающих реальной властью, какие бы внешние формы она ни принимала. Аппарат сверхвласти будет стоять над партийным аппаратом. Его будет возглавлять скорее всего Президент. Сохранит он при этом пост Генерального секретаря ЦК КПСС (или председателя партии) или нет, вопрос второстепенный. Важно то, что аппарат сверхвласти будет сформирован опять-таки неформальным порядком. Это не будет высший орган советов. Это будет просто высшая часть стержневого аппарата власти. В него войдут высшие лица партийного аппарата, органов государственной безопасности, советов, Совета Министров, вооруженных сил. Советы станут высшей властью лишь по видимости, как это и было до сих пор. Они будут орудием аппарата сверхвласти, как и партийный аппарат. Но в перспективе все же партийный аппарат все равно будет иметь тенденцию доминировать в системе власти. Возможно, под другими названиями. Дело в том, что стержневой аппарат власти и аппарат сверхвласти в том виде, как я только что описал, являются аморфными и неустойчивыми. А система власти нуждается в определенности и стабильности. Так что если со временем придется выбирать одно из двух – замаскированная, но аморфная и неустойчивая, или открытая, но четкая и стабильная стержневая и высшая власть, то вторая на длительный срок сменит первую. В советской истории нечто подобное уже имело место, когда брежневизм пришел на смену сталинизму. Сейчас маятник советской истории качнулся в сторону сталинизма. Лишь чрезмерная осторожность Горбачева и его страстное желание сохранить дутую репутацию величайшего реформатора века сдерживают эту тенденцию.

Сроки

Когда именно произойдет решительный перелом в ходе кризиса, это зависит от множества факторов. И главный среди них с этой точки зрения – время, необходимое для восстановления должного порядка в системе власти. Хотя формально путь к этому вроде бы свободен, нужно еще несколько лет, чтобы формально всевластная власть стала таковой фактически. У Сталина ушло на это более десяти лет. Горбачев уже прошел половину этого пути.

Плюрализм и коммунизм

Первое время жизни на Западе меня удивляло всеобщее стремление избегать говорить о классовых различиях людей и о борьбе классов. Сначала я это

связывал только с тем, что опыт Советского Союза и распространение коммунизма по планете напугал привилегированные (высшие) классы западного общества и все средства воздействия на сознание людей здесь были обращены на то, чтобы скрыть социальную структуру общества и отвлечь внимание людей от классовых различий и классовой борьбы. Но потом я понял, что эта социальная бесформенность общественного сознания Запада отражала гораздо более серьезное явление в его социальной структуре, а именно – размывание граней между различными социальными категориями людей, изменение в самой социальной структуре западного общества, делающее марксистский классовый подход к нему бессмысленным. Западное общество нельзя считать капиталистическим в том смысле, как капитализм понимался до второй мировой войны. И ленинское учение об империализме как о высшей стадии капитализма потеряло смысл, хотя отдельные его положения можно истолковать так, что они будут выглядеть верными. Хотя в западных странах можно видеть все элементы классического капитализма (деньги, прибыль, банки, наемный труд, рынок, конкуренция), этого уже недостаточно теперь, чтобы западное общество в целом определять просто как капиталистическое. Оно является теперь действительно плюралистским, но в гораздо более серьезном смысле, чем об этом принято говорить.

Если допустить, что западное общество когда-то тяготело к социальной целостности, то теперь можно констатировать внутренний распад последней. Плюрализм есть прежде всего результат и показатель этого распада. Различные элементы целого (промышленные объединения, банки, государственный аппарат, партии, профсоюзы, средства массовой информации и т. д.) достигли мощи, сопоставимой с мощью больших целостных человеческих объединений, и приобрели такую автономию, что можно говорить о сосуществовании в одном социальном пространстве множества различных социальных структур. В свое время в Западной Европе имела место феодальная раздробленность. В отношении современного Запада можно говорить о плюралистической (если не капиталистической) раздробленности. Эта раздробленность есть закономерный результат прогресса общества. Но она с такой же необходимостью порождает противоположную тенденцию – тенденцию к объединению. А тут, на мой взгляд, следует обратить внимание на другой аспект плюрализма: в западном обществе наряду с капиталистическими явлениями в сильнейшей степени развиваются явления коммунальности, приближающие социальную структуру населения западных стран к таковой стран коммунистических. Западный плюрализм, на мой взгляд, есть капиталистическая раздробленность с тенденцией к объединению по законам коммунальности, т. е. с тенденцией к коммунизму.

Идеи коммунизма были изобретены в странах Запада, а не в России. Они реализовались раньше в России, а не на Западе, но это не означает, что Западу удалось избежать коммунизма. История человечества – не прямая линия, а брожение трясины и болота бесчисленного множества «линий» всяких форм и всяких направлений, бесчисленное множество событий и действий людей в рамках исторического времени, т. е. в веках и тысячелетиях. Исторические эволюционные линии делают зигзаги, обрываются, обнаруживают себя вновь спустя много десятилетий и веков в новом обликах. Идеи коммунизма

возникли на Западе не без оснований. Эти основания не исчезли совсем. Они лишь изменили свои формы, а суть их осталась и теперь вновь заявляет о себе. Коммунизм здесь вырастает не из идеологии (как и в России!), а из самих внутренних условий жизни. Этот процесс происходит независимо от усилий западных коммунистических партий, а в значительной мере вопреки им. Основу коммунистической тенденции образуют не рабочие и крестьяне, а огромные массы чиновников, инженеров, учителей, директоров, врачей, профессоров, артистов, писателей, художников, журналистов, короче говоря, – всех тех, кого в Советском Союзе относят к категории служащих. Этот слой населения, жаждущий стабильных и гарантированных условий существования, растет и приобретает все большее влияние и в странах Запада. Число людей, жаждущих стать служащими государства, в странах Запада огромно. Эти люди не думают о том, какую цену их потомкам придется заплатить за осуществление этого идеала.

Если определять капитал по-марксистски как деньги, приносящие деньги (прибыль), то современное западное общество есть в неизмеримо большей степени капиталистическое, чем во времена Маркса и Ленина. Но этот сверхкапитализм порождает тенденцию к коммунизму вовсе не в том направлении, о котором думали Маркс и Ленин, т. е. не в направлении превращения миллионов людей в наемных работников («пролетариев»; отсюда идея диктатуры пролетариата) и не в направлении концентрации и централизации капиталов (отсюда ленинская идея империализма как высшей и последней стадии капитализма), а в направлении создания структуры масс населения по законам коммунальности.

В этом направлении ведут фактически усилия правящих и оппозиционных партий Запада сохранять общественный порядок и вносить в общество элементы государственного регулирования. В этом направлении идут и идеи и дела западного социализма. Последний вносит гораздо большую долю в коммунистическую тенденцию, чем коммунистические партии Запада. Западный социализм есть лишь западный путь к коммунизму. Путь этот противоречив. С одной стороны, на этом пути делается многое такое, что движет общество к коммунизму, – социальное страхование, налоговая система, социализация, государственное распределение бюджета, государственное образование, контроль. А с другой стороны, тем самым пытаются предотвратить коммунизм, имея в виду под коммунизмом лишь русский путь. Пути действительно разные. Но конечные результаты будут сходными. Запад, опередив Советский Союз в экономическом, технологическом и других отношениях, отстал от него в социальном отношении. Но история знает и не такие зигзаги. Впереди – столетия. Времени хватит. И Запад еще наверстает потерянное.

Война и коммунизм

К каким разрушениям приведет новая мировая война, если она случится, легко предвидеть. Но лишь очень немногие представляют себе социальные последствия новой мировой войны, т. е. то, какой социальный строй

восторжествует на планете. На этот раз можно со стопроцентной уверенностью утверждать следующее: если мировая война разразится и если после нее более или менее значительная часть цивилизованного человечества уцелеет, то она сможет выжить в послевоенных условиях и создать устойчивое человеческое объединение лишь при условии создания коммунистической социальной организации. Реальный коммунистический строй есть прежде всего и по преимуществу способ выживания в предельно трудных условиях, угрожающих деградацией и гибелью, а не способ достижения некоего общества всеобщего благополучия и счастья. Новая мировая война при любом исходе в смысле разделения на победителей и побежденных будет иметь неизбежным результатом конец капитализма как формы социальной организации людей.

Другие факторы

Имеются другие факторы помимо угрозы войны, которые усиливают мировую тенденцию к коммунизму. Среди этих факторов уже общепризнаны следующие. Перенаселение планеты, неравномерность размножения различных народов, относительное сокращение белой (европейской) расы и угроза потери ею своего престижного положения в мире. Разрушение природной среды и истощение природных ресурсов. Угроза мирового голода и климатической катастрофы. Болезни. Рост преступности. Идеинный хаос, моральная распущенность, психологическая растерянность молодежи. Нарастание всестороннего мирового кризиса, который угрожает охватить все основные сферы общественной жизни. Мир, хочет он того или нет, вынуждается на такие самозащитные меры против всего этого, которые так или иначе ведут к коммунизму.

Послесловие

Коммунизм не есть случайный зигзаг истории. Он имеет глубокие корни в самих основах человеческого бытия. История еще не сказала последнее слово. Если даже на планете не останется ни одной коммунистической страны и ни одного коммуниста по убеждениям, это еще не будет означать, что коммунизм исчез навечно! Человечество так или иначе начнет новый цикл борьбы за коммунизм. Возможно, под другими названиями, с другими лозунгами, но по сути дела за то же самое. Посткоммунистическая эра есть лишь затаенная мечта антикоммунистов и безответственная фраза демагогов.

Мюнхен, апрель 1990

Съезд «победителей» (приложение)

Книга была закончена в апреле 1990 года. Пока она готовилась к печати, произошли многочисленные события. Но если бы я начал писать книгу теперь, я бы написал ее так же, добавив, может быть, некоторые конкретные детали.

С точки зрения темы книги, наиболее характерным событием после ее окончания явился XXVIII съезд КПСС в начале июля 1990 года. На нем отчетливо проявились антиперестроечные настроения. Речь лидера консерваторов Лигачева была встречена аплодисментами. Но затем умонастроения качнулись в сторону Горбачева. И этому есть много причин. Многие делегаты преуспели и попали на съезд благодаря политике перестройки. Они боялись, что победа консерваторов принесла бы им неприятности. Многие вообще не понимали, что творилось на съезде и за его кулисами. В стране еще доминировало убеждение, будто все зло от консерваторов и будто они хотят сталинский режим. Сами консерваторы еще не мобилизовались, еще находились в растерянности, еще не решились высказать с полной откровенностью, что виной кризиса явилась именно политика перестройки, что единственно реалистичной альтернативой ей является политика контрперестройки. Свою роль сыграл страх раскола партии и усиления радикальных и открыто антикоммунистических тенденций.

Съезд вышел в пользу реформаторов. Но означает ли это победу второй или даже первой из рассмотренных в книге возможностей выхода из кризиса?

Все преобразования высших органов власти, – происходившие по инициативе Горбачева, вели в одном направлении – в направлении создания аппарата сверхвласти, стоящего вне партийного аппарата и над ним. На съезде путь к этому был расчищен окончательно. Но новая организация высших органов власти удовлетворила пока лишь амбиции Горбачева в отношении его личного положения в них. Это еще не означает, что она пригодна для задуманных преобразований страны и вообще для управления страной нормальным обра-ом. Получилась аморфная и раздробленная структура власти, заполненная к тому же дилетантами. В современных условиях без профессиональной, невыборной, строго централизованной и строго структурированной системы власти управлять страной должным образом невозможно. Реальный выход из кризиса управления возможен не на пути разрушения системы, сложившейся до начала кризиса, а лишь на пути ее восстановления, усиления и усовершенствования, т. е. на пути фактического компромисса с линией консерваторов, хотя и без их личного участия.

Съезд партии, отвергнув контрперестройку без камуфляжа, поставил реформаторов перед альтернативой: либо на самом деле вести страну в направлении рыночной экономики и демократии Запада, либо потихоньку восстанавливать нормы коммунистического образа жизни, прикрываясь словесной шумихой и демонстративными жестами в прозападном духе. На первом пути выйти из кризиса в принципе невозможно. Огромная страна с ее условиями существования просто не в силах сделать то, чего хотят реформаторы, если бы даже все сто процентов населения захотели это сделать. А сваливать вину за срыв реформ на неких консерваторов нельзя бесконечно. Жупел консерваторов уже сыграл свою роль. Теперь в силу вступает

реальность, неподвластная речам, призывам, лозунгам, голосованиям. Подачки Запада для такой страны ничтожно малы. Они достаточны, чтобы и дальше толкать страну в пучину кризиса, но недостаточны даже только на то, чтобы отремонтировать советским людям зубы и снабдить их туалетной бумагой.

На втором пути приходится ощущать то, что в наше время слова суть дела, причем – с точки зрения разрушения сделанного, более эффективные, чем дела молчаливые. Перестроечная демагогия и какие-то жесты в ее духе имеют неизбежным следствием усиление антикоммунистических умонастроений и действий.

Съезд партии не стал поворотным пунктом к контрперестройке, но и не стал триумфом реформ. Он стал съездом победителей в голосованиях, но без победы в деле, ради которого голосовали. Да и для личной диктатуры мало устранить соперников и занять посты. Нужен еще энтузиазм масс, которого нет, и нужны суровые меры, на которые не могут решиться.

Вместо заключения. От коммунизма – к колониальной демократии (Моя позиция)

У меня никогда не было никаких намерений и планов преобразования России. Нет их и сейчас. И вряд ли они появятся в будущем. Я не политический деятель, не идеолог и тем более не советчик, указующий людям, как им следует «обустроить» свое общество. Я всего лишь исследователь. Мои намерения никогда не шли и не идут дальше желания понять российскую (а ранее – советскую) реальность по возможности объективно и на основе своего понимания делать какие-то прогнозы относительно ее эволюции в будущем. Я изложил мое понимание в многочисленных публикациях, которые остались почти или совсем неизвестными в России. В числе этих публикаций – книги «Коммунизм как реальность», «Сила неверия», «Кризис коммунизма», «Светлое будущее», «В преддверии рая», «Желтый дом» и «Смута», до сих пор не опубликованные в России. А то, что как-то просочилось сюда, не дает адекватного представления о моих воззрениях.

У меня нет надежды на то, что отношение к моему творчеству в России может измениться к лучшему. Тем не менее, я счел своим долгом высказаться по поводу положения в России и ее будущего.

Коммунизм

Как я уже писал, слово «коммунизм» не отличается однозначностью и определенностью. Во избежание терминологической путаницы и бессмысленных терминологических споров словом «коммунизм» (или «коммунистический социальный строй») я называю тип общественного устройства, какое можно было наблюдать в Советском Союзе до 1985 года, в странах советского блока в Восточной Европе, в Китае, Вьетнаме, Северной

Корею и других странах. Что касается тех, кто считает, будто советское общество не было настоящим коммунизмом, я готов признать их мнение справедливым лишь при том условии, что они построят «настоящий коммунизм» в реальности, а не только в воображении.

Я отвергаю марксистское учение о двух стадиях коммунизма и о «полном коммунизме» как высшей стадии. Это учение нелепо с научной точки зрения. То, что мы видели в России в сталинские и особенно в брежневские годы, это и было настоящим и полным коммунизмом. И никакой другой в природе просто невозможен в силу объективных социальных законов. Он может быть хуже или лучше в каких-то отношениях и в различных странах. Но суть его не может быть никакой иной.

Я отвергаю широко распространенное мнение, будто коммунизм в России чужд русской истории и русскому народу, будто он был навязан кучкой идеологов массам доброго и хорошего населения путем насилия и обмана, вопреки воле, желаниям и интересам масс. Коммунизм есть социальная организация огромных масс людей, а не просто политический режим. Он сложился в России не по марксистскому проекту – такого проекта вообще не было, – а в силу объективных законов организации больших масс людей в единый социальный организм, причем – в условиях борьбы людей за самое обычное физическое выживание. Он явился результатом исторического творчества миллионов людей, которые либо вообще не имели никакого понятия о марксизме, либо знали его весьма смутно и интерпретировали его на свой лад. То, что получилось, лишь по некоторым признакам похоже на марксистские идеи. Говоря так, я ни в коем случае не подвергаю сомнению роль марксистских идей в борьбе людей за коммунистическое общество. Но идеи, вдохновляющие исторические движения, редко совпадают с сущностью этих движений буквально. Ведь и нынешние реформаторы российского общества вдохновляются такими идеями, которые мало чего общего имеют с тем, что они творят на самом деле. Старая мудрость сохраняет неувыдающую силу: дорога в ад вымощена благими намерениями.

Коммунизм в России возник не на пустом месте. Он имел здесь исторические предпосылки, исторические корни. Корни (предпосылки, зародыши, элементы) коммунизма существуют в самых различных обществах. Существовали они и в дореволюционной России. Существуют они и в странах Запада. Без них вообще невозможно никакое достаточно большое и развитое общество. Так что утверждение марксистов, будто коммунистические социальные отношения не вызревают в некоммунистическом обществе, просто фактически ложно. Корнями (зародышами, элементами) коммунизма являются социальные феномены, которые я назвал феноменами коммунальности. Они обусловлены тем, что большое число людей вынуждается в течение жизни многих поколений жить как единое целое, совместно. К ним относятся, например, объединения людей в группы, отношения начальствования и подчинения, государственные учреждения, профсоюзы, партии, полиция, армия, секретные службы и т. д. В определенных условиях коммунальные феномены могут стать доминирующими и всеобъемлющими в обществе и породить специфически коммунистический тип общественного устройства, как это и произошло в России после 1917 года.

Коммунистическое общество является не менее естественным социальным образованием, чем любое другое, и в том числе – западное. Оно имеет свою специфическую социальную структуру и свои объективные закономерности функционирования. Эти структура и закономерности не имеют ничего общего с тем, как это общество изображалось в советской и тем более в западной идеологии, претендующих на статус социальной науки, но не содержащих в себе ничего научного.

В западной идеологии и пропаганде, а вслед за ними – и в прозападной российской пропаганде после 1985 года коммунистический (советский) период российской истории рассматривается как черный провал. Россию даже окрестили «империей зла». Я считаю это не просто заблуждением, а умышленной и беспрецедентной в истории человечества фальсификацией реальности. Коммунистическое общество, как и всякое другое, имеет свои недостатки, – идеальных обществ вообще не существует. Но оно имеет и достоинства. Кстати сказать, на Западе в свое время именно заразительный пример достоинств коммунизма породил тревогу. Уже сейчас многие люди бывших коммунистических стран с тоской вспоминают о том, что они потеряли, разрушив коммунизм. И советский период русской истории был не провалом, а, наоборот, самым значительным процессом. Нужно быть просто циничным негодяем, чтобы отрицать то, что было достигнуто и сделано в этот период именно благодаря коммунизму. Потомки, которые более справедливо отнесутся к нашему времени, будут поражены тем, как много было сделано в нашу эпоху, причем – в тяжелейших исторических условиях. Я никогда не был и не являюсь апологетом коммунизма. Но самое элементарное чувство справедливости заставляет отдать ему должное. При исследовании и описании коммунизма надо различать то, что вытекает из его внутренних закономерностей, и то, что связано с конкретными историческими условиями его возникновения и выживания, а также с условиями борьбы за существование в окружающей среде. Коммунизм в России возник в условиях краха монархической системы и ужасающей разрухи вследствие первой мировой войны. Затем – гражданская война и интервенция. Угроза реставрации дореволюционных порядков и нападения извне. Нищее и безграмотное население, разбросанное по огромной территории. Около ста различных национальностей и народностей с феодальными и даже родовыми социальными отношениями. Подготовка к войне с гитлеровской Германией и сама война, которая стоила Советскому Союзу беспрецедентных жертв. После короткой передышки – подготовка к новой войне и «холодная» война. Если вырвать ситуацию в стране и политику советского руководства из этого исторического контекста, то она покажется серией глупостей и преступлений. Но это не было глупостью и преступлением, хотя и глупостей было немало, а о преступлениях и говорить нечего. Это была трагическая и беспрецедентная по трудностям история. Будь в стране иной социальный строй, она была бы разрушена и растащена по кусочкам. Страна выжила главным образом благодаря новому социальному строю – коммунизму. И нельзя все дефекты жизни в Советском Союзе относить за счет коммунизма. Многие из них суть результат неблагоприятной истории.

Кризис коммунизма

Советская идеология, настаивая на неизбежности кризисов при капитализме, считала коммунистическое общество безкризисным. Это убеждение разделяли даже критики коммунизма. Не было сделано ни одно исследование, результатом которого явилось бы предсказание кризиса коммунизма или хотя бы вывод о его возможности. Были бесчисленные «предсказания» гибели коммунизма в Советском Союзе и других странах, но они не имели ничего общего с предсказаниями именно кризиса. Он произошел неожиданно для политиков, специалистов и масс населения. Его стали осознавать как кризис лишь после того, как он разразился во всю мощь, да и то не в адекватной ему форме.

Хотя кризис назрел уже в брежневские годы, даже Горбачеву еще не приходила в голову мысль о нем. Он начал свои маниакальные реформы в полной уверенности в том, что советское общество покорно подчинится его воле и призывам. Он сам больше, чем кто бы то ни было, способствовал развязыванию кризиса, не ведая о том.

Неожиданность кризиса объясняется многими причинами, и в их числе – отсутствие научной теории коммунистического общества. Нет надобности говорить о том, какой вид имело учение о коммунизме в советской идеологии. Его презирали, причем – вполне заслуженно. На роль правдивого понимания претендовала критическая и разоблачительная литература и публицистика. Но и она не выходила за рамки идеологического способа мышления. За истину выдавался факт критичности. Чем больше чернилось все советское, тем истиннее это казалось или истолковывалось так умышленно.

На Западе положение было не лучше. Хотя сочинения западных авторов по форме выглядели более научнообразно, по сути дела они были даже дальше от истины, чем советские. Если советская идеология боялась обнаружения закономерности дефектов коммунизма, то западная идеология боялась признания достоинств его. С одной стороны создавался апологетически ложный, а с другой стороны – критически ложный образ коммунизма. Например, в советской идеологии утверждалось, будто советское общество построено в соответствии с гениальными предначертаниями «научного коммунизма» Маркса и Ленина. В западной идеологии утверждалось, будто в основе советского общества лежит вздорная утопия глупого Маркса и кровожадного Ленина. В советской идеологии утверждалось, будто коммунистические социальные отношения стали складываться лишь после революции. В западной идеологии утверждалось, будто эти отношения навязаны массам советского населения силой и обманом после революции. Такой параллелизм можно увидеть по всем важнейшим вопросам, касающимся понимания советского общества и коммунизма вообще. С точки зрения научных критериев, утверждения советской и западной идеологии суть явления однопорядковые. Сходно и их влияние на умы людей. Если, например, коммунистический строй в Советском Союзе не имеет общечеловеческих корней и предпосылок в прошлой истории страны, если он сначала был выдуман в теории и затем как-то навязан населению, то его тем же путем можно изменить в желаемом духе или отменить вообще.

законодательным путем и распоряжением властей. Именно такой идеологический идиотизм лежал в подсознании или сознании будущих реформаторов. Пускаясь в перестроечную авантюру, реформаторы и их идеологические лакеи полностью игнорировали не только реальность Запада, но и реальность своего собственного общества. Отрекаясь от своей идеологии, они тем самым не переходили автоматически к научному пониманию реальности, а лишь меняли ориентацию идеологизированного сознания на противоположную, т. е. переходили на позиции западной идеологии.

Когда на факт кризиса уже стало невозможно закрывать глаза, его осознали в извращенной форме, а именно – как некое обновление и выздоровление общества, как некую «перестройку». В советском руководстве и его интеллектуальном обслуживании не нашлось ни одного человека, кто посмотрел бы на реформоманию как на характерный признак именно кризиса. Вместо выяснения сущности и реальных причин кризиса все бросились искать виновников нарастающих трудностей и козлов отпущения. И нашли их в том, на что указали западные наставники, – в лице Сталина, Брежнева, консерваторов, бюрократов, органов государственной безопасности, в партийном аппарате и, само собой разумеется, в идеологии.

Кризисы суть обычное явление в жизни всякого общества. Переживали кризисы античное, феодальное и капиталистическое общества. Нынешнее состояние западных стран многие специалисты считают кризисным. Кризис общества не есть еще его крах. Кризис есть отклонение от некоторых норм существования общества. Но не всякое отклонение есть кризис. Уклонение от норм может быть результатом природной катастрофы, эпидемии или внешнего нападения. В 1941–1942 годах Советский Союз был на грани гибели. Но это не был кризис коммунизма как социального строя. Наоборот, именно в эти тяжелые годы коммунизм обнаружил свою жизнеспособность. Кризис является таким отклонением от норм, которое возникает в результате действия внутренних закономерностей общества, причем – в условиях его нормальной и даже успешной жизнедеятельности.

Каждому типу общества свойствен свой, характерный для него тип кризиса. Для капиталистического общества свойствен так называемый экономический кризис, который проявляется в перепроизводстве товаров, избыточности капиталов и дефиците сфер их приложения. Коммунистический кризис очевидным образом отличается от него. Он заключается, коротко говоря, в дезорганизации всего общественного организма, достигая в конце концов уровня дезорганизации всей системы власти и управления. Он охватывает все части и сферы общества, включая идеологию, экономику, культуру, общественную психологию, нравственное состояние населения. Но ядром его становится кризис системы власти и управления.

Ставя вопрос о причинах кризиса, надо различать по крайней мере такие факторы, играющие различную роль в его возникновении: 1) механизм потенциального кризиса; 2) условия, в которых возможность кризиса превращается в действительность; 3) толчок к кризису. Механизм потенциального кризиса образуют те же самые факторы, которые обеспечивают нормальную жизнедеятельность общества. Они органически присущи коммунистическому социальному строю. Они действуют всегда,

порождая тенденции отклонения от его норм. Постепенно накапливаясь и суммируясь, эти отклонения создают предпосылки для кризиса. Чтобы описать механизм кризиса конкретно, нужно по мере описания общества в его нормальном («здоровом», идеальном) состоянии в каждом пункте описания указывать, в чем именно заключается отклонение от нормы и почему оно происходит, т.е. закономерность самого нарушения норм. Например, плановая экономика неизбежно порождает элементы хаоса и незапланированности, без которых вообще невозможно осуществление планов. Единство системы власти порождает распад ее на враждующие группировки, причем – мафиозного типа. Прогресс экономики, культуры и прочих аспектов общества порождает расхождение между потребностями управления и возможностями их удовлетворения. Тотальное идеологическое оболванивание порождает идеологический цинизм и ослабление иммунитета против влияния враждебной идеологии. Общество вынуждено постоянно принимать меры против таких отклонений от норм, чтобы удержать их в терпимых пределах. Но это удастся лишь частично и до поры до времени.

Условия кризиса суть нечто внешнее для сущности коммунизма как такового. Они способствуют созреванию кризиса и его наступлению, но сами по себе они не порождают его. Кризис мог произойти при других условиях, даже – противоположных. Он мог не произойти и при данных условиях. Условия кризиса не обязательно суть нечто неблагоприятное для общества и неудачи. Это могут быть и успехи, и благоприятные обстоятельства. Среди условий рассматриваемого кризиса следует назвать то, что в послевоенные годы, особенно – в годы брежневского правления, в стране произошел колоссальный прогресс сравнительно со сталинским периодом. Это не были годы «черного провала» и «застоя». Среди условий кризиса следует упомянуть прирост населения. Население увеличилось более чем на сто миллионов человек. Никакая западная страна не выдержала бы такую нагрузку, не впад в кризисное состояние из-за одной этой причины. Прирост населения сопровождался возрастанием доли непроизводительного населения и непомерным ростом его appetites в отношении материальных благ.

Важнейшую роль в созревании кризиса сыграл тот факт, что человечество пропустило одну очередную мировую войну. Благодаря непомерно затянувшемуся мирному времени внутренние закономерности коммунистического социального строя получили возможность проявить свою неумолимую силу. Но затянувшийся мирный период не был периодом всеобщей любви и дружбы. Он включил в себя «холодную» войну, которая по своей силе и ожесточенности может быть поставлена в один ряд с войнами «горячими». Советский Союз вынуждался на непосильные траты и на такие взаимоотношения с окружающим миром, которые истощили его силы и принесли ему репутацию «империи зла». Советское проникновение на Запад было палкой о двух концах: оно непомерно усилило западное проникновение в Советский Союз и страны его блока. Запад стал неотъемлемым фактором внутренней жизни страны, в огромной степени способствовавшим ослаблению защитных механизмов советского общества как общества коммунистического. Надо, далее, различать возможность кризиса, которая постепенно усиливается в течение многих лет, но до поры до времени остается скрытой, и превращение

этой возможности в действительность. Последнее происходит взрывообразно, сравнительно со временем накопления кризиса – внезапно. Те факторы, которые приводят к такому кризисному взрыву, образуют толчок к кризису. В брежневские годы накопились предпосылки для него – созрел потенциальный кризис. Но в действительность он превратился с приходом к высшей власти Горбачева и с началом «перестройки». Горбачевское руководство развязало кризис, дало толчок к нему. Горбачев своей политикой «нажал кнопку», и бомба кризиса взорвалась. Возможно, у горбачевцев было искреннее намерение улучшить положение в стране, но оно реализовалось в таких мерах, которые ускорили и углубили кризис. Процесс вышел из-под контроля властей, превратив их в своих марионеток и навязав им форму поведения, о какой они и не помышляли ранее.

Дело обстояло не так, будто в обществе начался кризис, вынудивший власть на определенную политику реформ, а наоборот, власть начала проводить определенную политику, мотивируясь соображениями, ничего общего не имевшими с интересами предотвращения надвигающегося кризиса (об этом вообще не думали), и будучи уверенной в том, что общество будет продолжать жить под ее контролем и следовать ее предначертаниям. Расчет власти оказался ошибочным. Общество, созревшее для кризиса, реагировало на политику власти неожиданным и нежелательным для нее образом. Высшая власть выпустила джинна кризиса из бутылки своими нелепыми и безответственными реформами и установками. И сделала хорошую мину при плохой игре: превратившись в марионеток неуправляемого процесса, она стала изображать роль сознательного реформатора общества.

Сущность и форма исторического процесса

В исторических процессах большого масштаба редко бывает так, что их сущность проявляется в адекватной им форме и очевидным для участников событий и наблюдателей образом. Обычно она бывает скрыта в мешанине множества разнородных явлений и воспринимается людьми в извращенной форме. При этом политика, идеология и пропаганда прилагают титанические усилия к тому, чтобы скрыть сущность процессов и вбить в головы масс ложные представления о них. А в наше время колоссального развития и засилья средств массовой информации, а точнее говоря – средств манипулирования массами идеологически-пропагандистское оболванивание масс вообще стало решающей силой в исторических событиях и в их восприятии людьми.

Сказанное всецело относится к пониманию сущности хрущевского «переворота» в 1956 году, десталинизации страны и перехода к брежневизму. Я неоднократно обращал внимание на то, что оценка брежневского периода как продолжения сталинизма была ошибочной, более того – умышленной идеологической ложью в антисоветской и антикоммунистической пропаганде. Брежневизм был не продолжением сталинизма, а реальной и единственно возможной в тех условиях альтернативой ему. Десталинизация страны означала переход от сталинского волюнтаризма с системой сверхвласти,

стоявшей над партийно-государственным аппаратом, и вождистской организацией управления к приспособленческому режиму с системой сверхвласти в рамках партийного аппарата и партийно-государственной системой управления. Хрущевская попытка сохранить волюнтаристский режим личной диктатуры не удалась. Брежневский режим сложился как своего рода демократия в противовес «тоталитаризму» сталинского образца. Но конкретно-исторические обстоятельства скрыли суть этого перелома, а идеология и пропаганда (как советская, так и западная) сделали все, чтобы замутить и без того сложную ситуацию.

С первых же дней появления на исторической арене горбачевского руководства я в бесчисленных статьях и интервью, а также в книгах «Горбачевизм», «Кризис коммунизма», «Катастрожка» и «Смута» утверждал и настаиваю на этом до сих пор, что горбачевизм возник как попытка перейти от демократического брежневизма к диктаторскому режиму сталинского типа. Эта суть горбачевизма проявилась в стремлении навязать стране насильственным путем сверху такой образ жизни и такое направление эволюции, какое хотело высшее начальство, и создать систему сверхвласти вне партийного аппарата и над ним. Отсюда возня с бесконечными реформами, практически разрушившими страну, ее экономику, государственность и идеологию, требование чрезвычайных полномочий лично Горбачеву, установление «президентской» системы власти, фактически аналогичной диктаторской вождистской власти Сталина.

Суть горбачевизма осталась скрытой. В пропаганде все было перевернуто и извращено. Хотя именно так называемые консерваторы объективно выступали как защитники коммунистической демократии (чего не поняли они сами!), горбачевцы приняли ложное обличье борцов против «тоталитаризма», за «подлинную демократию», за приобщение страны к «современной цивилизации» и т. п. На горбачевскую деятельность по насилению страны наложился фактор по имени «Запад». Этот фактор стал играть решающую роль в том, что стало происходить в стране, предав процессу желаемую для него форму и направление.

Результатом политики горбачевских реформ явилось не новое устойчивое состояние общества, а его дальнейшая дестабилизация, превысившая всякие допустимые границы. Плохо ли – хорошо ли, но общественный механизм до этого как-то работал. Его детали были как-то скоординированы. Реформаторская же суeta разрегулировала его окончательно. Горбачевцы вели себя подобно некомпетентным в технике авантюристам, которые хаотически заменяют устаревшие детали в устаревшей машине новыми деталями, игнорируя принципы работы машины как целого. Прибегая к другому образному сравнению, можно сказать, что горбачевское руководство оказалось подобно обезумевшему капитану, который направил свой корабль в минуту опасности на гибельные рифы.

Повторяю, кризис общества еще не есть его крах. Кризисы возникают и как-то преодолеваются. Назревший в Советском Союзе кризис мог быть преодолен средствами этого общества как общества коммунистического. Никакая особая перестройка основ общества не требовалась. Никакой потребности в ней не было. Но разразившийся по вине высшего руководства кризис советского

общества привел это общество к краху. И решающую роль при этом сыграло поражение Советского Союза в «холодной» войне с Западом. Страна была ослаблена кризисом. А руководители страны, спасая свою шкуру и репутацию и став послушными марионетками сил Запада, встали на путь предательства интересов своей страны. Они открыли ворота советской крепости врагу. В истории человечества вряд ли было нечто сопоставимое по масштабам с этим предательством.

«Холодная» война

Коммунизм с первых же шагов на исторической арене выступил как явление антикапиталистическое. Естественно, он не мог вызвать симпатий у носителей и апологетов капитализма. А после Октябрьской революции 1917 года в России ненависть к нему и страх перед ним стали непременным элементом западной жизни. Советский Союз стал заразительным примером для многих народов мира. В самих западных странах стало угрожающе расти коммунистическое движение. Реакцией на это явилось возникновение национал-социализма в Германии и фашизма в Италии и Испании, которые на время остановили угрозу коммунизма на Западе.

Первая военная атака Запада на коммунизм в России имела место уже в 1918–1920 годы. Она провалилась. Лидерам западных стран удалось в ходе второй мировой войны направить агрессию Германии против Советского Союза. Но попытка разгромить его военным путем и руками Германии не удалась. В результате победы над Германией Советский Союз навязал свой строй странам Восточной Европы и колоссально усилил свое влияние в мире. Усилились коммунистические партии в Западной Европе. Советский Союз стал превращаться во вторую сверхдержаву планеты с огромным и все растущим военным потенциалом. Угроза мирового коммунизма стала вполне реальной.

Но было бы ошибочно сводить взаимоотношения Запада и коммунистического строя исключительно к противостоянию социальных систем. Россия задолго до революции 1917 года стала сферой колонизации для западных стран. Революция означала, что Запад эту сферу терял. Да и для Гитлера борьба против коммунизма («большевизма») была не столько самоцелью, сколько предлогом для захвата «жизненного пространства» и превращения живущих на нем людей в рабов нового образца. Победа Советского Союза над Германией и расширение сферы его влияния в мире колоссальным образом сократили возможности Запада в отношении колонизации планеты. А в перспективе над Западом нависла угроза вообще быть загнанным в свои национальные границы, что было бы равносильно его упадку и даже исторической гибели.

В этой ситуации идея особого рода войны против наступающего коммунизма – идея «холодной» войны – возникла как нечто само собой разумеющееся.

Обычно выражение «холодная» война употребляют как обозначение конфликта между коммунистическим и западным мирами, Особенно – между США и Советским Союзом, начавшегося сразу после окончания второй мировой войны. Его назвали «холодным», поскольку не были вовлечены

вооруженные силы во всю мощь и непосредственно в отношениях между противниками. По единодушному признанию политических и идеологических лидеров Запада, «горячая» война с использованием современного оружия была бы безумием. Она привела бы к гибели обоих противников и сделала бы планету вообще непригодной для жизни. К тому же сложилось убеждение, что коммунистические режимы свергнуть военным путем невозможно. Так что «горячая» война ограничилась «малыми» войнами и участием в войнах между другими странами.

Фактически «холодная» война вышла далеко за рамки просто послевоенного конфликта между США и СССР. Она явилась продолжением антисоветской политики лидеров Запада в период между мировыми войнами и войны Германии с ее союзниками против СССР в 1941–1945 годы. По своему размаху она охватила всю планету и все сферы жизни человечества – экономику, политику, дипломатию, идеологию, пропаганду, культуру, спорт, туризм. Использовались все средства воздействия на людей – радио, телевидение, секретные службы, конгрессы, дискуссии, культурный обмен, подкуп, публицити. Использовались любые поводы, любые уязвимые точки противника, любые человеческие слабости – национальные разногласия, религиозные предрассудки, любопытство, тщеславие, корысть, зависть, критические умонастроения, страх, склонность к приключениям, эгоизм, любовь и т. п. Одним словом, это была, пожалуй, первая в истории человечества глобальная и всеобъемлющая война нового типа.

«Холодная» война не ограничилась сдерживанием советского проникновения в Европу. Она превратилась в борьбу против расползания коммунизма по всей планете. Целью ее стало вообще полное разрушение Советского Союза и всего блока коммунистических стран. Разумеется, это облекалось в идеологическую фразеологию освобождения народов от ига коммунизма, помощи в овладении западными (в первую очередь – американскими) ценностями, борьбы за мир и дружбу между народами, за демократические свободы и права человека.

«Холодная» война была войной особого типа, первой в истории человечества «мирной» войной. Хотя противники обладали вооружением, каким ранее не обладала ни одна армия, они не пустили его в ход непосредственно друг против друга. Общепринятое объяснение этого факта – применение современного оружия привело бы к гибели обоих противников и к мировой катастрофе. Но когда это было, чтобы в смертельной схватке опасения последствий останавливали врагов?! Американцы все-таки сбросили две атомные бомбы на Японию! Конечно, страх последствий имел место, и он всеячески раздувался искусственно. И это само по себе было оружием «холодной» войны. Гонка вооружений и политика на грани «горячей» войны были со стороны Запада войной на истощение противника. Советский Союз и его союзники вынуждались на непосильные траты.

Главным оружием в «холодной» войне были средства идеологии, пропаганды и психологии. Запад бросил колоссальные людские силы и материальные средства на идеологическую и психологическую обработку населения Советского Союза и его сателлитов, причем – не с добрыми намерениями, а с целью деморализовать людей, оболванить, побудить и поощрить в них самые низменные чувства и стремления.

Организаторами и исполнителями «холодной» войны ставилась задача атомизировать советское общество идейно, морально и политически. Расшатывать социальные и политические структуры. Лишать массы способности к сопротивлению. Разрушать идейно-психологический иммунитет населения противника. В качестве средства использовалась мощная пропаганда, отвлекавшая внимание людей от социальных проблем на секс, интимную сферу кинозвезд и гангстеров, на преступность, извращенные формы удовольствия. Провоцировались и раздувались национальные и религиозные чувства, создавались и навязывались ложные мифы и кумиры. В эту работу были вовлечены многие десятки (если не сотни) тысяч специалистов и добровольцев, включая агентов секретных служб, университетских профессоров, журналистов, туристов. Работа велась с учетом опыта прошлого, особенно – геббельсовской пропагандистской машины, а также достижений психологии и медицины, особенно – психоанализа. Перефразируя слова одного западного социолога, можно сказать, что в «холодной» войне победил не капитализм, а лучшие средства оболванивания людей, действовавшие от его имени.

Опыт «холодной» войны разрушил целый ряд предрассудков, столетиями владевших умами людей. Считалось, например, что народ надолго обмануть невозможно. «Холодная» война дала блестящий пример тому, что с современными средствами идеологической обработки людей и манипулирования массами народ легче обмануть, чем отдельного человека, причем – обмануть надолго, на любое время, пока есть смысл и силы для этого.

Педантично используя идеологически-психологическое и экономическое оружие в течение сорока лет, Запад (и главным образом – США) полностью деморализовал советское общество, и прежде всего – правящие и привилегированные слои, а также его идеологическую элиту и интеллигенцию. В результате вторая сверхдержава мира капитулировала в течение поразительно короткого времени.

Принято считать, будто поражение Советского Союза и его сателлитов в «холодной» войне доказало несостоятельность коммунистического социального строя и преимущество строя капиталистического. Я считаю это мнение ложным. Поражение социалистических стран обусловлено сложным комплексом причин, среди которых сыграли свою роль и недостатки коммунистического строя. Но это еще не есть доказательство нежизнеспособности и несостоятельности коммунистического типа общественного устройства. Победа капиталистического Запада точно так же обусловлена сложным комплексом причин, среди которых сыграли свою роль и достоинства капитализма. Но это еще не есть доказательство преимуществ капитализма.

Запад использовал слабости Советского Союза, в том числе – дефекты коммунизма. Он использовал также свои преимущества, в том числе – достоинства капитализма. Но победа Запада над Советским Союзом не была победой капитализма над коммунизмом. «Холодная» война была войной конкретных народов и стран, а не абстрактных социальных систем. Можно привести примеры противоположного характера, которые можно истолковать

как «доказательство» преимуществ коммунизма перед капитализмом. Это, например, молниеносная индустриализация Советского Союза, реорганизация промышленности в ходе войны с Германией и победа над ней, а также ситуация в коммунистическом Китае сравнительно с капиталистической Индией. Но и эти примеры ничего не доказывают сами по себе.

Реальное коммунистическое общество существовало слишком короткое время, причем – в крайне неблагоприятных условиях, чтобы делать категорические выводы о его несостоятельности. «Холодная» война даже отдаленно не отвечает условиям лабораторного эксперимента. Чтобы сделать вывод о том, что тут капитализм победил коммунизм нужно было, чтобы противники были одинаковы во всем кроме социального строя. Ничего подобного в реальности не было. Запад просто превосходил Советский Союз по основным факторам, игравшим решающую роль в «холодной войне».

Последующее развитие событий показало, что понимание сущности исторического процесса в период «холодной войны как борьбы двух социальных систем – капитализм и коммунизма – было поверхностным и в конечном счете ошибочным. Тут за сущность процесса приняли его историческую форму. По сути дела это была война Запада за выживание и за господство на планете как необходимое условие выживания. Коммунистическая система в других странах была средством защититься от этих претензий Запада. Коммунистические страны переходили сами к нападению. Но инициатива истории исходила не от них, а от Запада. Она пряталась в глубинах исторического потока, порою скрывалась умышленно. Историческая инициатива не есть программа партий и правительств. Она редко осознается людьми в адекватной ей форме. Коммунизм стал объектом атаки со стороны Запада, поскольку сопротивляющийся Западу и отчасти атакующий его мир принял коммунистическую форму. Он мог сопротивляться и даже временами побеждать лишь в такой форме. Потому именно на коммунизме сосредоточилось внимание. Кроме того, борьба против коммунизма давала Западу оправдание всему тому, что он предпринимал на планете в эти годы. Поражение коммунистических стран в «холодной» войне лишило Запад этого прикрытия его истинных намерений.

Западнизация

Запад есть социальное образование, занимающее определенное социо-географическое пространство, имеющее определенную структуру и живущее по определенным законам больших объединений людей. Этот социальный великан нуждается в среде существования помимо занимаемой им территории, нуждается в использовании для своего бытия всей остальной планеты. А это становится все труднее и труднее. Во-первых, коммунизм резко сократил «охотничью зону». Во-вторых, другие «охотники» появляются, например – Япония. В-третьих, прочие страны не очень-то охотно поддаются, они сами хотят пожить, время от времени они начинают «брыкаться». В-четвертых, прежние военные методы стали небезопасными для самого Запада. Одним словом, пришлось менять политическую стратегию. Я думаю,

что подходящим названием для новой политической стратегии Запада может служить слово «западнизация» (или «вестернизация»). Ниже я охарактеризую ее основные черты.

Западнизация есть стремление Запада сделать другие страны подобными себе по социальному строю, экономике, политической системе, идеологии, психологии и культуре. Идеологически это изображается как гуманная, бескорыстная и освободительная миссия Запада, являющего собой вершину развития цивилизации и средоточие всех мыслимых добродетелей. Мы свободны, богаты и счастливы, – внушает Запад западнизиремым народам, – и хотим помочь вам стать тоже свободными, богатыми и счастливыми. Но реальная сущность западнизации не имеет с этим ничего общего.

Цель западнизации – включить другие страны в сферу влияния, власти и эксплуатации Запада. Включить не в роли полномочных и равноправных партнеров, – это просто невозможно в силу неравенства фактических сил, – а в роли, какую Запад сочтет нужным ему самому. Эта роль может удовлетворить какую-то часть граждан западнизиремых стран, да и то на короткое время. Но в общем и целом эта роль второстепенная и подсобная. Запад обладает достаточной мощью, чтобы не допустить появления независимых от него западнообразных стран, угрожающих его господству в отвоеванной им для себя части планеты, а в перспективе – и на всей планете.

Западнизация некоторой данной страны не есть просто влияние Запада на эту страну, не просто заимствование отдельных явлений западного образа жизни, не просто использование произведенных на Западе ценностей, не просто поездки на Запад и т. п., а нечто гораздо более глубокое и важное для этой страны. Это – перестройка самих основ жизни этой страны, ее социальной организации, системы управления, идеологии, менталитета населения. Эти преобразования делаются не как самоцель, а как средство добиться цели, о которой говорилось выше.

Западнизация не исключает добровольность со стороны западнизиремой страны и даже желание пойти этим путем. Запад именно к этому и стремится, чтобы намеченная жертва сама полезла ему в пасть, да еще при этом испытывала бы благодарность. Для этого и существует мощная система соблазнения и идеологической обработки масс. Но при всех обстоятельствах западнизация есть активная операция со стороны Запада, не исключаящая и насилие.

Добровольность со стороны западнизиремой страны еще не означает, что все население ее единодушно принимает этот путь своей эволюции. Внутри страны происходит борьба между различными категориями граждан за и против западнизации. Последняя не всегда удается, как это случилось, например, в Иране и Вьетнаме.

Вся освободительная и цивилизаторская деятельность Запада в прошлом имела одну цель: завоевание планеты для себя, а не для других, приспособление планеты для своих, а не для чужих интересов. Он преобразовывал свое окружение так, чтобы самим западным странам было удобнее в нем жить. Когда им мешали в этом, они не гнушались никакими средствами. Их исторический путь в мире был путем насилия, обмана и расправ. Теперь изменились условия в мире. Иным стал Запад. Изменилась его

стратегия и тактика. Но суть дела осталась та же. Она и не может быть иной, ибо она есть закон природы. Теперь Запад пропагандирует мирное решение проблем, поскольку военное решение опасно для него самого, а мирные методы создают ему репутацию некоего высшего и справедливого судьи. Но эти мирные методы обладают одной особенностью: они принудительно мирные. Запад обладает огромной экономической, пропагандистской и политической мощью, вполне достаточной для того, чтобы заставить строптивых мирным путем сделать то, что нужно Западу. Как показывает опыт, мирные средства при этом могут быть дополнены военными. Так что как бы западнизация той или иной страны ни началась, она перерастет в западнизацию принудительную.

Была разработана также и тактика западнизации. В нее вошли меры такого рода. Дискредитировать все основные атрибуты общественного устройства страны, которую предстоит западнить. Дестабилизировать ее. Способствовать кризису экономики, государственного аппарата и идеологии. Раскалывать население страны на враждующие группы, атомизировать его, поддерживать любые оппозиционные движения, подкупать интеллектуальную элиту и привилегированные слои. Одновременно вести пропаганду достоинств западного образа жизни. Возбуждать у населения западнизируемой страны зависть к западному изобилию. Создавать иллюзию, будто это изобилие достижимо и для него в кратчайшие сроки, если его страна встанет на путь преобразования по западным образцам. Заражать его пороками западного общества, изображая пороки как проявление подлинной свободы личности. Оказывать экономическую помощь западнизируемой стране лишь в той мере, в какой это способствует разрушению ее экономики и делает ее зависимой от Запада, а Западу создает репутацию бескорыстного спасителя западнизируемой страны от зол ее прежнего образа жизни.

«Теплая» война

С окончанием «холодной» войны не прекратилась борьба Запада против Советского Союза, а после распада последнего – против России. Я назвал этот новый этап борьбы «теплой» войной. Эта война велась и ведется в строгом соответствии с принципами стратегии и тактики западнизации. Она охватила прежде всего сферу идеологии. Говоря о советской идеологии, я здесь имею в виду не марксизм-ленинизм, а суммарное идейное состояние страны, в котором марксизм-ленинизм был лишь частью, причем – лишь формально главной.

Советским людям со стороны государственной идеологии прививалась негативная картина Запада. Ничего преступного и аморального в этом не было. Это – обычное дело в реальной истории. Ведь и на Западе даже без единой государственной идеологии массам населения прививались и прививаются с удвоенной силой теперь идеологически тенденциозные и ложные представления о Советском Союзе и о коммунистическом обществе вообще. Идеологическое оболванивание западных людей не уступает

таковому в коммунистических странах, а во многом превосходит последнее. В Советском Союзе в массе населения всегда процветало низкопоклонство перед Западом. Государственная идеология боролась против него и сдерживала хотя бы формально. С началом кризиса (т.е. «перестройки») произошел беспрецедентный перелом в отношении к Западу даже в сфере официальной идеологии. Она ринулась в другую крайность, причем – с ведома высшей власти страны, по ее примеру и по ее указаниям. Были сняты запреты на преклонение перед Западом. Советским людям стали с неслыханной силой навязывать позитивный образ Запада и западнофилию. В идеологическом оболванивании советского населения в прозападном духе приняли активное участие многочисленные перевертыши, ранее ревностно проводившие установку на западнофобию; работники идеологического и пропагандистского аппарата; советские средства массовой информации; советские эмигранты на Западе; советские деятели культуры, добившиеся популярности на Западе; советские граждане, побывавшие на Западе и привезшие оттуда дефицитные вещи; представители высшего советского руководства. Свой огромный вклад в это внесла западная пропаганда. Ей не только перестали чинить препятствия, но стали всячески помогать. Многие лица, занимавшиеся активной антисоветской и антикоммунистической пропагандой, стали почетными гостями в Советском Союзе. Их стали печатать в советской прессе. На них стали ссылаться как на авторитеты, причем – даже высшие лица руководства. К ним стали обращаться за советами, какие меры надо принимать, чтобы быстрее разрушить все советское и уподобиться Западу.

Советская официальная идеология обнаружила полную неспособность отстаивать положительные достижения своего общественного строя и критиковать дефекты западного, оказалась неподготовленной к массивной идеологической атаке со стороны Запада. В стране началась идеологическая паника. Появились идеологические дезертиры, предатели, перевертыши. Идеологические генералы начали перебегать к противнику. Началась беспримерная оргия очернения всего, что касалось советской истории, советского социального строя и коммунизма вообще.

Идеологический перелом не ограничился сферой сознания. Новая идеология («новое мышление») стала внедряться в практику. Начав с серии бессмысленных насильственных реформ и потерпев на этом пути банкротство, советское руководство встало в конце концов на путь насильственной западнизации страны, стало насаждать западные политические формы и социальные отношения. В языке пропаганды их назвали рыночной экономикой и демократией. Подчеркиваю искусственный и насильственный характер этих преобразований. В Советском Союзе до этого не созрели и не могли созреть в принципе никакие предпосылки для перехода к капиталистическим социальным отношениям и к соответствующим им политическим формам. В массе населения не было никакой потребности в переходе к капитализму. Об этом мечтали лишь преступники из «теневой экономики», отдельные диссиденты, скрытые враги и часть представителей привилегированных слоев, накопившая богатства и хотевшая их легализации. Начавшийся позднее энтузиазм по поводу ломки всего советского был результатом новой, антисоветской и антикоммунистической пропаганды и

массового помутнения умов, а в верхах власти – просто желанием угодить западным хозяевам, без поддержки которых они давно были бы выброшены на помойку истории.

Результаты насильственной западнизации Советского Союза не замедлили сказаться. Начался стремительный распад всех основ советского общества. Стала разваливаться экономика, деградировать культура, разлагаться моральное и психологическое состояние широких слоев населения. Под предлогом борьбы против якобы преступного коммунизма и роспуска КПСС была буквально разгромлена вся система государственности. Распался Советский Союз. Страна покрылась сетью кровавых конфликтов. Расцвела преступность. Разрушены все лучшие достижения советской истории, доставшиеся ценой невероятных усилий миллионов людей в течение многих десятилетий. Началось такое разграбление богатств страны, какого не позволяли себе победители в войнах прошлого с побежденной страной. «Теплая» война вступила в завершающую фазу – в фазу превращения России в колониальную демократию.

Колониальная демократия

Западнизация есть особая форма колонизации, в результате которой в колонизируемой стране создается социально-политический строй колониальной демократии (по моей терминологии). По ряду признаков это есть продолжение той прежней колониальной стратегии западноевропейских стран, особенно – Великобритании. Но в целом это есть новое явление, характерное для современности. Изобретателем его можно с полным правом считать США.

Колониальная демократия не есть результат естественной эволюции колонизируемой страны в силу внутренних условий и закономерностей ее социально-политического строя. Она есть нечто искусственное, навязанное этой стране извне и вопреки ее исторически сложившимся тенденциям эволюции. Она поддерживается методами колониализма. При этом колонизируемая страна вырывается из ее прежних международных связей. Это достигается путем разрушения блоков страны, а также путем дезинтеграции больших стран, как это имело место с советским блоком, Советским Союзом и Югославией.

За вырванной из прежних связей страной сохраняется видимость суверенитета. С ней устанавливаются отношения как с якобы равноправным партнером. Для значительной части населения сохраняются какие-то элементы предшествующих форм жизни. Создаются очаги экономики якобы западного образца под контролем западных банков и концернов, а также – как явно западные или совместные предприятия. Я выше употребил слово «якобы», так как эти очаги экономики суть лишь имитация современной западной экономики.

Стране навязываются внешние атрибуты западной политической системы – многопартийность, парламент, свободные выборы, президент и т. п. Но они тут

являются лишь прикрытием режима совсем не демократического, а скорее диктаторского («авторитарного»). Эксплуатация страны в интересах Запада осуществляется силами незначительной части населения, наживающейся за счет этой ее функции. Эти люди имеют высокий жизненный стандарт, сопоставимый с таковым самых богатых слоев Запада.

Колонизируемая страна доводится до такого состояния, что становится неспособной на самостоятельное существование. В военном отношении она деморализуется настолько, что ни о каком сопротивлении и речи быть не может. Вооруженные силы сохраняются лишь для того, чтобы сдерживать протесты населения и попытки оппозиции изменить ситуацию.

До жалкого уровня низводится национальная культура. Место ее занимают самые примитивные образцы западной культуры, вернее – псевдокультуры Запада. Массам населения предоставляется суррогат демократии в виде распущенности, ослабленного контроля со стороны властей, доступные развлечения, система ценностей, избавляющая людей от усилий над собой и от моральных ограничений. Нужно быть слепым, чтобы не замечать, что Россию нынешние ее правители усиленно толкают на путь колониальной демократии. И нужно быть врагом своего народа и предателем Родины, чтобы изображать этот процесс как благо для народа. Россия никогда и ни при каких обстоятельствах не превратится в страну, аналогичную странам Запада и равноценную им в этом качестве, – не станет частью Запада. Это исключено в силу ее географических, исторических и современных международных условий, а также в силу характера образующих ее народов.

Утверждая это, я не становлюсь на сторону проповедников теории исключительности судьбы России. Я утверждаю, что исключительной является историческая судьба Запада, а не России. Западный тип общественного устройства (капитализм и демократия) дал положительные результаты лишь в немногих странах мира, а именно – лишь в странах Запада с определенным человеческим материалом. Для подавляющего большинства народов планеты он оказался либо гибельным, либо обрек их на роль придатков и сферы колонизации Запада. Россия уже сыграла исключительную роль в истории человечества, создав коммунистический социальный строй, который на некоторое время позволил ей сохранить независимость от Запада и вдохновил другие народы на это. Теперь Россия эту роль утратила, возможно – навсегда. Теперь Запад просто не допустит, чтобы в мире появился мощный западнообразный конкурент на мировых рынках в лице России. Россия нужна Западу не как партнер в дележе мира, а лишь как зона дележа. Русским в планах Запада уготована судьба, аналогичная судьбе незападных народов, т.е. судьба заурядная и позорная для бывшей великой страны и второй сверхдержавы планеты.

Может ли Россия избежать такой участи? Возможности у нее для этого не велики, но исключать их полностью было бы ошибочно. И главное, на мой взгляд, условие для этого – осознать с полной и беспощадной ясностью то, в каком положении она оказалась и по какой причине. В России же ощущается страх перед такой ясностью. Ничем не сдерживаемое словоблудие заполнило всю интеллектуальную сферу общества. Люди боятся признаться себе в том,, что совершили беспрецедентную в истории глупость, поддавшись

добровольно влиянию реформаторов и их западных наставников, и боятся это высказать вслух. В этом страхе кроется, на мой взгляд, главное препятствие для реализации возможности, о которой я сказал выше.

Мюнхен, июнь 1993